



УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 7

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзётэ (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 7

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

Editorial Council

A. ANTOSHCHEKHOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

T. LÖNNERGREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Муллонен И. И.		
Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепсском Прионежье	8	
Ганцовская Н. С., Цинь Лидун		
Исследование гипотаксиса русского языка в свете идей представителей Фортунатовской школы (на примере текстов А. Н. Островского)	19	
Гусева Е. Р., Кюриунова И. А.		
Филологические исследования по проекту «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI века)»	26	
Новак И. П.		
Язык тверских карелов: четыре века истории	38	
Шкуран О. В.		
Сакрализация языковой единицы <i>кумир</i> на материале медиатекстов.	48	
Шубина Н. С.		
Особенности употребления местоимения <i>свой</i> в аспекте преподавания русского языка как иностранного	55	
Урманчеева И. С.		
Парадигматические отношения компонентов в конструкциях с псевдоисчерпанием (на примере петорской фразеологии).....	62	
Кошелева М. В.		
Инфинитивные конструкции с семантикой направления движения в вепсском языке.....	71	
Черняк М. А., Цветкова Е. Г.		
Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом	78	
Тубылевич Р. Е.		
Интерпретация Иоакимовской летописи в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана».....	85	
Кошевская А. Ю.		
Стилистические особенности употребления кре-тико-трокеической и дитрохеической клаузул в ре-чах Цицерона «Против Катилины».....	93	
ГОД КАРЕЛЬСКИХ РУН		
Иванова Л. И.		
Беломорская Карелия в биографиях карельских сказителей XIX века	97	
Миронова В. П.		
К истории публикации карельских рун	107	
Кундозерова М. В.		
Н. А. Криничная как исследователь карельских рун . . .	114	
Рецензии		
Конкка А.		
Рец. на кн.: Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах	119	
Иванова Т. В.		
Рец. на кн.: Коды крылатой судьбы. Воспоминания о В. П. Крылове	121	
Чикина Н. В.		
Рец. на кн.: Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1. Памятные места и литературная география . . .	122	
Contents		124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 29.10.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 159

18+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33



**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор

A. V. Пигин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

2021 год в Республике Карелия официально объявлен Годом карельских рун – устно-поэтических произведений калевальской метрики, на основе которых Элиас Лённрот создал свою знаменитую поэму «Калевала». В настоящем номере публикуется подборка статей на эту тему, подготовленных сотрудниками Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН – признанного в научном мире центра по изучению карельской культуры, фольклора, языка и литературы. В статьях выстраивается четкий хронологический ряд сопирания и исследования рун и историко-этнографического контекста. Материалом в статье Л. И. Ивановой служат биографии runopевцев Беломорской Карелии XIX века, которые рассматриваются как источники по изучению бытового уклада и духовной жизни карельской деревни этого времени. В. П. Миронова анализирует деятельность карельских ученых (Г. Х. Богданова, В. П. Гудкова, В. Я. Евсеева и других) по сопирианию и публикации рун в 1920–1940-е годы, представляет обзор первых изданных в нашей стране сборников карельских рун. Отдельная статья посвящена вкладу в изучение карельских рун известного российского фольклориста Н. А. Криничной (1938–2019), которая, как отмечает ее автор М. В. Кундозерова, привлекала руны преимущественно для сравнительно-типологического анализа мифологии и фольклора разных народов, русско-карельских фольклорных параллелей. К тематической подборке к Году рун примыкает рецензия А. Конкка на монографию М. В. Кундозеровой о концепте мироздания в карельских рунах. Изданная в 2020 году книга стала ярким событием в карельской фольклористике и достойным продолжением исследовательской традиции в научном осмыслении этого жанра.

В журнале публикуются и другие статьи, посвященные культуре и языку коренных народов Карелии – вепсов и карелов (И. И. Муллонен, И. П. Новак, М. В. Кошелевой).

Особо хочется отметить рецензию Т. В. Ивановой на изданный в 2021 году сборник воспоминаний о профессоре Владимире Петровиче Крылове (1922–2019) – петрозаводском филологе, исследователе творчества Леонида Леонова, ветеране Великой Отечественной войны, одном из создателей послевоенной системы образования в Карелии.

Журнал не ограничивается карельской тематикой; в статьях других авторов рассматривается широкий круг литературоведческих и лингвистических вопросов.

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5279-4880; mullonen@krc.karelia.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ В ВЕПССКОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Аннотация. На материале ойконимов, то есть названий населенных мест, и их эволюции, зафиксированной в массовых исторических источниках начиная с конца XV века, прослеживается становление системы поселений на территории расселений северных вепсов. Реконструируются два основных пути вепсской миграции из южного Обонежья и Присвирья. Актуальность исследования состоит в выявлении смены моделей именования на протяжении веков, сопряженной как с социально-экономическим развитием территории, так и с закономерностями эволюции самой топонимической системы. Прибрежный тип поселения дополняется на рубеже XVII–XVIII веков сележным, обусловленным внутренней миграцией. В XIX веке появляется новая ойконимная модель, полностью совпадающая с антропонимом (*Habuk, Isak*) и связанная с реформой землевладения. Особое внимание уделяется бытованию ойконимов на двух уровнях: официальном (письменном) и неофициальном (устном). Показано, что из них первый отличался большей консервативностью, а второй активнее реагировал на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и др. Доказано, что широкое внедрение и закрепление в официальной практике народных вепсских названий произошло в середине XIX века, в материалах 9-й и 10-й ревизий 1850 и 1858 годов. Эти названия бытуют и сейчас. Параллельно предложен ряд новых этимологий, основанных на народных вепсских формах календарных (*Išan'* ← рус. диал. *Ишаня* ← календ. *Иван*) и некалендарных (дер. *Vanhimansel'g*: антропоним **Vanhim* ← вепс. *vanhim* 'самый старший') имен.

Ключевые слова: ойкономия, антропономия, вепсский язык, поселения, писцовые книги, ревизские сказки, Карелия

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (тема 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей»).

Для цитирования: Муллонен И. И. Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепсском Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675

ВВЕДЕНИЕ

Территория расселения северных (или прионежских) вепсов тяготеет к юго-западному побережью Онежского озера. Еще во второй половине XX века целая россыпь небольших деревень располагалась в глуби материка, на лесных озерах и реках. Сейчас же основные населенные пункты (Шокша, Вехручей, Шелтозеро, Рыбрека, Каскеслучей, Гимрека) прилегают к автомобильной дороге Петрозаводск – Вознесенье, проложенной вдоль побережья Онежского озера. В стороне от нее сохранились два поселения (Горнее и Матвеева Сельга), представлявшие в прошлом кусты

из нескольких деревень. Большинство из них отмечено в самых ранних массовых письменных источниках – писцовых книгах 1496 и 1563 годов, со страниц которых они предстают как уже разросшиеся гнезда поселений, наименования которых остаются на протяжении столетий неизменными. Таким образом, самые ранние этапы формирования поселенческой сети не отложились в документах. Есть лишь редкие косвенные свидетельства, позволяющие реконструировать некоторые их аспекты.

В данной статье по методике, предложенной М. В. Витовым [2], [3], прослежено поэтапное

становление поселенческой структуры в ареале расселения северных вепсов в Прионежье на протяжении практически пяти столетий. Использованы материалы писцового дела XV–XVIII веков, ревизий XVIII–XIX веков и списки населенных мест XIX–XX веков. Привлечена также современная вепсская языческая топонимия, которая собиралась в ходе полевого обследования на рубеже 1980–1990-х годов и хранится в Научной картотеке топонимов Карелии (далее КТК). В ряде случаев она сохраняет память о старых поселениях и их привязках.

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ

Вепсское освоение западного Прионежья происходило с юга – из Присвирья и южного Обонежья. На это указывает древнее административное деление ареала. Северновепсская территория, которая сейчас осознается как единое целое – и в смысле географическом, и в плане языковом и историко-культурном, была в XV–XVII веках разделена административно таким образом, что южные поселения (Гимрека, Щелейки, Каскеслучей, Рыбрека) входили в состав Оштинского погоста, в то время как северные (Шокша, Шелтозеро) – размещались на окраине Остречинского погоста Обонежской пятины. Центры обоих погостов располагались за пределами современного вепсского языкового ареала: в первом случае на южном берегу Онежского озера, во втором – на Свири. Не вызывает, однако, сомнения, что оба погоста объединяли земли с вепсским населением. Вепсскими обозначены некоторые ныне русские деревни, входившие в них, в позднем по времени «Списке населенных мест», составленном по сведениям 1873 года¹. В этом контексте показательно, что название реки *Остречина*, притока реки Ивины, закрепившееся в наименовании Остречинского погоста, известно в вепсском бытовании как *Ahnuz|d'ogi* ‘окуневая река’. С учетом общего для Присвирья правила о вторичности русских речных именований по отношению к прибалтийско-финским топонимам *Остречина* – результат ранней интеграции вепсского топонима в русское бытование, в нем вепсская топооснова переведена диалектным новгородским словом *острец* или *остреч* ‘окунь’ и оформлена русским «речным» суффиксом *-ина*, который традиционно использовался в западном Прионежье для адаптации нерусских потамонимов (напр., *Ивина*, *Марина*, *Важина* и др.).

Логично полагать, что территорию погостов объединяли водные пути, то есть северные деревни вепсского Прионежья заселялись не вдоль

побережья Онежского озера, а по внутренним водно-волоковым путям, позволявшим выходить из бассейна реки Ивины на реки Шокшу и Шелтозерку, стекающие в Онежское озеро. Косвенным подтверждением существования такого пути служит название села *Шелтозеро* – вепс. *Šoutarv* < *Šoutjärv*. Село стоит не на озере, а на реке Шелте или Шелтозерке, поэтому название выглядит на первый взгляд нелогичным. Озеро с названием *Шелтозеро* обнаруживается на плане генерального межевания конца XVIII века² в истоках названной реки. Сейчас оно именуется *Домашним* – вепс. *Kodidärv*, при нем располагается куст поселений *Горнее* или *Горное Шелтозеро* – вепс. *Mägi* (mägi ‘гора’), упомянутое уже в писцовых материалах XVI века. Очевидно, название поселения, возникшего первоначально «на Шолт-озери»³, на водоразделе с бассейном р. Ивины, было перенесено в процессе освоения территории в низовья реки, где возник новый куст поселений, перетянувший на себя функции центрального в округе.

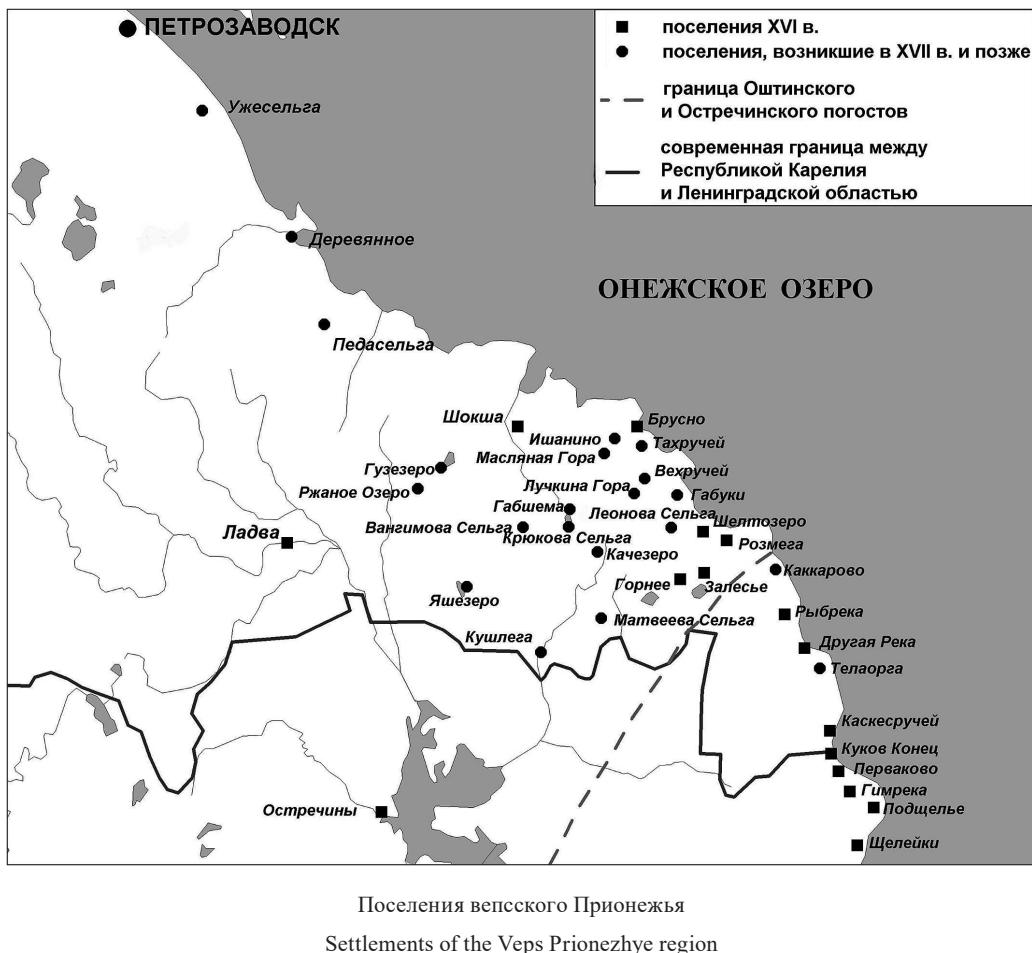
Память о новгородском этапе истории несет еще одно топонимическое свидетельство. В составе села Рыбрека в писцовых материалах 1496 года отмечается поселение с названием «На Рыбажне Большой Двор»⁴, которое воспроизводится затем и в последующих писцовых книгах в виде «На Рыбажне ж большой двор монастырской приежей»⁵, «Против погоста Большой Двор»⁶, пока деревня не сливалась со смежными небольшими селениями в составе Погоста⁷. *Большой Двор* – это новгородский термин землевладения, называющий селения, в которые свозился оброк из подвластных деревень. В случае Рыбреки землевладельцем выступал новгородский Спасо-Хутынский монастырь. После присоединения Новгорода к Москве и конфискации земель Большие Дворы перестали быть центрами боярского и монастырского землевладения, однако Рыбoreцкий погост оставался вотчиной Хутынского монастыря вплоть до начала XVIII века, что способствовало сохранению топонима, который фиксировался в документах в виде *Против Погоста Большой Двор до конца XIX века*.

Привлечение материалов актов, берестяных грамот и других источников, а также археологические данные позволили доказать, что боярские Большие Дворы существовали в Обонежье уже в XIII–XIV веках [12: 119]. Теоретически эта ранняя хронология допустима и для рыбoreцкого *Большого Двора*, а значит, и для поселенческой истории вепсского Прионежья. Обычно принято считать, что этот регион, как малопривлекательный с точки

зрения земледельческого освоения, заселялся вепсами позднее, чем южное Присвирье. Тем не менее применительно к нему можно с уверенностью говорить о начальных веках II тыс. н. э.

Динамика поселенческой структуры прослеживается по сохранившимся материалам писцовых книг для южной части ареала, входившей в состав Оштинского погоста, с конца XV века, для северной, что была в составе Остречинского погоста, – с середины XVI века⁸. Можно констатировать, что к этому времени сформировались несколько основных, сохранившихся до сегодняшнего дня так называемых гнезд, или кустов, поселений, тяготеющих к побережью Онежского озера. Рисунок наглядно демонстрирует,

что структура южной части ареала с XV века практически не подверглась изменениям. Удивительно, что не только крупные кусты поселений, но и отдельные одиночные деревни отмечены более пяти столетий назад. В писцовых книгах XV–XVI веков упомянуты поселения *На Хем-реке* (совр. Гимрека – *Hiiemd’ogi*), *На Рыбажне* (Рыбрека – *Kalag’*), *На Касть-ручью* (Каскесручей – *Kaskez*), *На Ропо-ручью* (Ропучей – *Ropei*), но кроме них *Самойловская* (совр. Кукоев Конец – *Kukagd’*) и *Агафоновская* (Первакова – *Pervakad*), а также *Ларионовская* и *Артемовская* в составе Щелецкой волости (вепс. *Kal’l*) по крайней мере с 1563 года. Меняются названия, но деревни продолжают свою жизнь.



В северной части северновепсского ареала ситуация иная. Здесь писцовые материалы XVI века фиксируют несколько поселенческих центров: *В Залесьи* (Залесье – *Mecantaga*), *На Шокше-речке* (Шокша – *Šokš*), *На Шелтозере* или *На Шолтозере* (Шелтозеро – *Šoutarv’*), *у Шолтозера* (Горнее – *Mägi*). Заметное прирастание происходит в XVIII веке: в 1-й ревизии 1720 года впервые отмечено *Ржаное Озеро*⁹, в переписи 1726 года

*Вангиман-сельга*¹⁰, а в Переписной книге 1749 года «новопоселенные после прежней переписи новые починки» *Вехк-ручей* (совр. Вехручей – вепс. *Vehkei*), *Кюря-сельга* (позднее Курселга; совр. Матвеева Сельга – вепс. *Matfejansel’g*), *Леванова Сельга*¹¹.

Ревизские сказки конца XVIII века дополняют этот список целой россыпью деревень, возникших на сельгах и при лесных озерах в окрестностях

с. Шокша: *Осиновая* (совр. Габшема), *Масляная Гора*, *Великий Ручей* (совр. Тахкручей), *Качзеро*, *Лутозеро*, *Федоровская* (совр. Ишанино) и др. На фоне Рыбoreцкой волости, где материалы переписи 1748 года фиксируют только придорожный *Новый починок*, для которого в ревизии 1850 года приведено также второе название *Каккарова*, такое разрастание поселенческой сети не может не обратить на себя внимания и требует объяснения. XVIII век, относительно спокойный, без войн и сильных потрясений, способствовал росту населения в старых поселениях, где свободных земель для пашни и сенокоса уже почти не было. Это привело крестьян к освоению пригодных для сельского хозяйства земель на Шокшинской гряде¹², в пределах бывших Шокшинской и Шелтозерской волостей. При этом на территории исторической Рыбoreцкой волости за пределами рано освоенной прибрежной зоны практически не было пригодных для земледельческого освоения земель. Здесь местность изобилует водораздельными болотами, нет озер, побережья которых привлекают поселенцев. Недаром в условиях дефицита земель население издавна специализировалось здесь на каменотесном (в селах Рыбрека, Другая Река) и рыболовном (в селе Каскесручей) промыслах.

XIX век практически не породил новых поселений, что заметно на фоне ряда других районов южной Карелии, например Сямозерья [1]. Это, видимо, связано вновь с отсутствием свободных земель, пригодных для сельскохозяйственной обработки. В Рыбoreцкой волости в 9-й ревизии середины XIX века впервые упомянута *Телаорга*, в Шелтозерской в это же время – *Габукова*.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ VS. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ОЙКОНИМЫ

Динамика формирования поселенческой сети, прослеживаемая по данным массовых источников (переписи, ревизские сказки, списки населенных мест), не всегда совпадает с динамикой развития самой ойкономической системы. Имеется в виду, что названия, зафиксированные еще в ранних памятниках, в целом достаточно устойчивы. Это утверждение актуально прежде всего применительно к именованиям кустов поселений, восходящих к наименованиям природных объектов. В меньшей степени устойчивость свойственна наименованиям некоторых одиночных деревень, входящих в эти гнезда и имеющих отантропонимные источники.

Сквозной просмотр линейки документов позволяет увидеть, что значительная, если не доминирующая часть отымененных ойконимов, прослеживающихся еще с XV–XVI веков, сменяется в середине XIX века другими – тоже антропонимными – именованиями. Эта смена четко фиксируется 9-й ревизией 1850 года, в единичных случаях – несколько раньше (в 8-й ревизии 1834 года) или несколько позднее (10-й ревизии 1858 года). При этом новые названия, зафиксированные в это время, закрепляются в последующих документах и доходят, как правило, до наших дней. Они воспроизводятся и в вепсской устной практике в соответствующем вепсском виде.

В качестве примера привлечены именования поселений, входящих в куст поселений Горное Шелтозеро – вепс. Mägi (mägi ‘гора’), который имел достаточно четкую структуру. В предвоенное время он объединял пять деревень. Ниже приведена таблица, отражающая динамику смены ойконимов.

ПК 1582	РС 1850	СНМ 1926
Селюковская	Сорокина Гора (<i>Силюковская</i>)	Сорокина Гора – Haraganmättaz
Степановская	Тихоништа (<i>Степановская</i>)	Тихоништа – Tihoništ
Федоровская	Федоровская	Федоровская – Fedorišt
Кириловская на Шолтозере	Сюрга (<i>Кирилловская</i>)	Сюрга – Sürd’
Маличинская	Калинин Остров (<i>Малигинская</i>)	Калин Остров – Kal’l’ansar’

В списке 1926 года¹³ официальные русские топонимы выглядят как результат адаптации вепсских оригиналов в русское бытование. Из перечисленных в них пяти ойконимов четыре фиксируются впервые в ревизских сказках 1850 года¹⁴, которые, в свою очередь, являются связующим звеном, позволяющим выявить преемственность между поселениями XVI века¹⁵ и современными, ибо приводят оба названия:

наследуемое со времен писцовых книг и функционирующее в современной системе. Без материалов 9-й ревизии во многих случаях установить связь было бы затруднительно.

В связи с этой таблицей возникают два взаимосвязанных друг с другом вопроса: почему в середине XIX века произошла такая кардинальная смена именований поселений и откуда взяты новые названия? При этом следует понимать,

что данный процесс был характерен не только для вепсских волостей. Он доказан для Кижской волости [4] и актуален для людиковского Прионежья [10]. Видимо, на самом деле он носил масштабный характер и был санкционирован каким-то специальным документом, который, к сожалению, не удалось пока отыскать. Такая корректировка была вызвана закреплением в официальной практике народных именований. В ранних писцовых и переписных книгах закрепилась двухчастная формула именования, включавшая географический компонент (по месту расположения) и антропонимический (по имени или патрониму поселенца): *На Рыбежне Федоровская, На Шокши реке словет Силковская* и т. д. Будучи единожды записанным, название, как правило, затем переходило из реестра в реестр, воспроизводя первичный антропоним. Для официального уровня именования эта преемственность была существенна с позиций владельческих отношений и налогообложения. Однако в устной народной среде такой жесткой преемственности не было. Бытовавшие в народной среде ойконимы живо реагировали на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и т. д. Здесь складывались свои системы именования, не привязанные жестко к официальным именованиям реестров. В результате со временем мог образовываться разрыв между записанным и устным названием. Он был известен писцам, которые использовали формулу «а в волости зовут», «словет» или «тож» для приведения официального имени в соответствие с народным: ср. входящие в состав Шокши деревни в конце XVI века *Федотовская, Олжеговская тож* (Рыбрека), *Олксеевская, Ондреевская тож*¹⁶ (Шокша), *Патракиевская словет у часовни и На Шокши же Ребуевская словет Парфеевская*¹⁷, так что корректировки, вызванные переводом на официальный уровень народных именований, периодически проводились и прежде. Однако они не были столь масштабны, как в ходе 9-й ревизии. При этом понятно, что модификации на устном уровне бытования происходили и после ревизии, о чем убедительно свидетельствуют некоторые вепсские отантропонимные названия небольших поселений, не совпадающие с официальными русскими наименованиями поселений, напр., *Onašk* – офиц. *Гузезеро, Ondr'ušk – Масляная Гора, Isak* – офиц. *Качезеро*. Очевидно, данные вепсские ойконимы, в которых закрепилось именование жителя, возникли уже после середины XIX века и не успели войти в процесс перехода в статус официальных. Собственно, об этом свидетельствует и их структура: ойконимы, идентичные по облику антропо-

нимам, в массе своей возникали на рубеже XIX–XX веков.

Другая ситуация во взаимоотношениях возникала, когда историческое название, зафиксированное в ранних источниках, затем на столетия исчезает из официальной практики и неожиданно появляется вновь в той самой 9-й ревизии, которая выносит в документальную сферу народные названия. В качестве примера приведем именование одной из деревень, входящей в состав села Шокши. Она отмечается как «на Сюрье Ордевская» в писцовой книге 1563 года, в последующие три века используется топоним *Ортемовская* или *Артемовская* и только в ревизии 1850 года вновь появляется *Сюрьга*, которая доживает до наших дней и существует как в официальном русском виде, так и неофициальном вепсском (*Sürd'*). Аналогичный пример – дер. *Ropручей* (вепс. *Ropei, Ropoja*) в составе с. Рыбрека. Отмеченная в ранних источниках как *На Рыбежне же словет на Руна-ручью*¹⁸, *На Ропо-ручью*¹⁹, она затем исчезает со страниц реестров и карт, фиксирующих только отымененные названия отдельных деревень в составе Ропручья, вплоть до ревизии 1850 года, где фиксируется как *Ropручей*. Оба топонима, не будучи столетиями востребованными в документах, тем не менее не были утрачены, поскольку продолжали жить в вепсской народной языковой среде, и вернулись в них, то есть документы, в ходе кампании по приданию официального статуса неофициальным именованиям. Видимо, заточенность официального уровня номинации на отантропонимные именования вела к факультативности в употреблении именования местности. *Сюрьга* содержит в основе утраченный вепсскими говорами термин **sürgj*, **sürd'* ‘возвышенность, вершина’ [9: 63], мотивированный расположением деревни на возвышенности. Второй пример *Ropручей* – результат адаптации оригинального вепсского топонима *Ropoja*, в котором второй элемент *-oja* ‘ручей’, а первый допустимо связывать с вепс. *roppaz*, либо в значении ‘ледяной торос’, либо в том, которое фиксируется в родственных языках: ливв., люд. *giopraz* ‘груда камней (на поле)’. В первом случае топоним обусловлен торосами, глыбами льда, которые образуются при впадении ручья в Онежское озеро. Вторая интерпретация связана с тем, что ручей вытекает из-под мощной скалы с названием *Kal'l'* ‘скала’, протянувшейся на несколько километров вдоль побережья Онежского озера. Именно здесь более трех веков назад зародились ропручейские разработки габбродиабаза, и местность изобилует камнями.

Взаимодействие двух уровней функционирования: официального и народного – один из важных элементов в механизме развития ойконима. При этом ведущим звеном в этом процессе является народная ойкономия, а официальная приводится периодически в соответствие с неофициальной. На каком-то конкретном этапе официальный ойконим может быть старше народного, однако в целом, в исторической перспективе, он вырастает из народного, вторичен по отношению к нему. В этом смысле можно говорить о том, что народный ойконим, собственно, старше официального. Другое дело, что недостаточно материалов, чтобы сказать, насколько старше. Редкая удача, если удается документально доказать возраст народного топонима.

ИМЯ ЧЕЛОВЕКА В ОЙКОНИМИИ

Если исключить вторичные в качестве ойконимов образования, воспроизводящие готовый топоним (типа дер. *Tahkei* – рус. *Тахчей*), вся остальная совокупность ойконимов – и не только вепсского Прионежья – с точки зрения типовых основ может быть сведена к трем основным группам: образования, в которых закрепились термины природных и культурных ландшафтов (*Hapšom*: вепс. *hapšom* ‘осинник’), так называемые ситуативные названия, характерные особенно для именования частей или концов внутри куста поселений (*Üližagd'* – Верхний Конец и *Alažagd'* – Нижний Конец в составе Шелтозера); посессивные топонимы, содержащие в основе именование человека. Последняя группа безраздельно доминирует над двумя другими, что, собственно, ярко характеризует сельскохозяйственный характер культуры.

Ойконимы – своего рода архив вепсских народных форм календарных имен, уже утраченных из активного бытования. Многие из них воспроизводят гипокористические формы, бытавшие в смежных северорусских говорах (приводятся по [11]) и вошедшие в вепсскую языковую практику:

Dimš – Димшина Гора: Димша ← Дмитрий или Никодим

Išan' – Ишанино: Ишания ← Иван

Mišukveh (-*veh* – суффикс с коллективной семантикой) – рус. Мишукова: Мишук ← Михаил

Zinkveh – Зиникова, в материалах XVIII века *Zinkova*²⁰: Зинка ← Зенон или Зиновий.

Во многих случаях вепсская языковая практика настолько видоизменяет традиционный русский народный вариант антропонима, что он утрачивает видимую связь с последним, так что официальный русский ойконим транслите-

рирует вепсскую основу, совсем не соотнося ее с русской. Дер. *Namatättaz* (вепс. *Nama* ← рус. Фома) в составе Шелтозера передана по-русски в виде *Гамова Гора*, а не *Фомина Гора, каковой, по сути дела, является. Вепс. *Telaorg* в Рыбoreцкой волости в русском бытованиях выглядит как *Телаорга*. В нем второй элемент -*org* ‘орга, т. е. дремучий лес, чащба’, первый же не идентифицирован. Между тем зафиксированные в полевых материалах КТК вепсские варианты названия *Terolg* и *Terugl* указывают на явную диссимиляцию двух *r* в топониме и позволяют реконструировать его первоначальный облик в виде **Teraorg*, где *Tera* ‘Терентий’.

Особый интерес представляют следы вепсского некалендарного именослова. Их не так много, но тем ценнее каждое такое свидетельство. Ниже приведено несколько реконструкций, основанных на топонимах с территории бывшей Шокшинской волости, которая оказалась богата на такие примеры. Они обнаруживаются уже в ранней писцовой книге 1563 года, упоминающей, к примеру, дер. *Керзоевскую*: вепс. *kärz* ‘морда животного’, в переносной семантике ‘некрасивое лицо’, или дер. *Келасово* на Шокше²¹: вепс. *kelaz* ‘лжец, врун’. Прозвищная природа антропонимов хорошо прослеживается и по другим именованиям шокшинских поселений, сохранившихся до сегодняшнего дня. Среди них название деревни *Voinikišt* (рус. *Войниковская*) – одного из концов поселения Средь-Волость в составе с. Шокши. Он маркирован суффиксом *-išt* с коллективной семантикой, характерной для северновепсской ойкономии, ср. дер. *Deremišt*, *Vasilišt*, *Fedoristi*, которые могут быть интерпретированы как ‘род Еремея или Еремеевы; род Василия или Васильевы; род Федора или Федоровы’. В этом ряду *Voinikišt* ‘семья, род *Voinik* или Войниковых’. Поселение ведет свои истоки, возможно, от дер. на Шокши реке словет *Воинковская*²². Происхождение антропонима затемнено, хотя в его истоках не исключается вепсский аналог (**voinik*) карельского *voiniekka*, *voiniekku* ‘торговец масла’²³.

Дер. *Пижаково* – вепс. *Pinč* ~ *Pinž* – тоже часть Средь-Волости. Именная природа ойконима подтверждается бытующей в Шокше фамилией Пижаков, имеющей прозвищное происхождение, ср. вепс. *pinž* ‘вульва’²⁴. В одном ряду название дер. *Пижеви* (Свирско-Оятский водораздел), а также ливвиковская фамилия *Piidžu* – рус. *Пижуев* и карел. дер. *Pižul* – рус. *Пижула* [5]. Прозвища или некалендарные имена, восходящие к наименованиям женских или мужских половых органов, нередки в прибалтийско-финской антропонимии [9: 96].

Ваньгимова Сельга – вепс. *Vanhimansel'g* – сележная деревня, возникшая в ходе сельскохозяйственного освоения водоразделов в XVIII веке в верховьях реки Шокши: *Явилась вновь Ванги-ман-сельга*²⁵. Сохраняет родовое имя основателя поселения, вепс. **Vanhim*, от приб.-фин. *vanhin* < **vanhim* ‘самый старший’.

Гёрча – вепс. *Hörč* упоминается в документах как Дерчевская (*Герчевская*), вновь заведенная²⁶, Герчековская (*Герчевская*) пустоиш²⁷. Судя по документам, просуществовав недолгое время на рубеже XVIII–XIX веков, название поселения исчезает из официальных источников. Однако оно известно в вепсском неофициальном бытении по сей день. Возникло на основе родового патронима **Hörg* или **Hörgčak*, ср. *hörgčak* ‘сильный, здоровый (о человеке)’²⁸. Прозвище, в свою очередь, появилось как метафора вепс. *hörg* ‘остожье (жердь с сучками для сушки сена, снопов)’. Конечный элемент *-k* в *hörgčak* (см. исторический вариант топонима *Герчек[овская]*) должен квалифицироваться как суффикс с семантикой ‘подобный тому, что выражает производящая основа’. Впрочем, не исключается и другой путь развития метафоры: остожье → непокладистый человек, задира. Он естественен с позиций языкового образа и подтверждается косвенно аналогичным семантическим сдвигом в лексеме *kärbuz* ‘остожье’, но также ‘непокладистый человек’²⁹. Еще одно косвенное свидетельство в пользу такой возможной семантики антропонима обнаруживается в материалах ревизских сказок, где под 1795 годом отмечаются рядом два новых поселения: Герчевская и Буторовская, при этом первое вскоре исчезает из списков, а второе благополучно доживает с этим названием до СНМ 1873 года, где отмечается как часть поселения Средь-Волость. В этой связке важно то обстоятельство, что в именовании Буторовская скрыт русский диалектный термин *бутора* ‘упрямый человек’³⁰. Иначе говоря, рус. *бутора* и вепс. *hörg* семантически равнозначны, и в связке со смежным расположением деревень заманчиво полагать, что русское название – перевод вепсского. Вепсское ушло на неофициальный уровень, а русское стало его официальным соответствием. Это не какой-то уникальный случай для ойкономии Карелии, где нередко официальное название возникало как перевод народного вепсского или карельского. В вепсском Прионежье дер. Сорокина Гора – вепс. *Haragonmättaz* (*harag* ‘сорока’, *mättaz* ‘гора’) в составе с. Горнее, Собакина Гора – вепс. *Koiranmägi* (*koir* ‘собака’) в Другой Реке, Средь-Волость – вепс. *Kes'kul* < **Kes'kkilä* в Шокше и др.

В целом таких названий поселений, как Буторовская, то есть опирающихся на русские не-календарные имена и прозвища, единицы: дер. Ожеговская в составе Рыборецкой волости, Кудряцовская в Шелтозере, Гороховская в Шокше в XVIII–XIX веках, Первакова (вепс. *Pervakoi* или *Pervakad*) в составе Рыборецкой волости (см. мотивацию русских имен в [7: 392]). Каждое из них дает повод задуматься об их появлении в сугубо вепсской среде. Помимо перевода, калькирования оригинального вепсского ойконима на русский язык за ними теоретически может стоять русский поселенец или же русское имя могло быть усвоено в вепсское бытование. Последний случай разобран Д. В. Кузминым [6] применительно к карельской топонимии.

Ойкономический материал северновепсского Прионежья позволяет наметить один важный с точки зрения этнокультурной истории ареала поворот – следы карельского именослова в вепсском Прионежье. Он обоснован тем, что в языковом и культурном наследии этой территории прослеживаются отчетливые карельские вкрапления [8]. Понятно, что в силу единых истоков вепсской и карельской традиций карельские следы в топонимии обнаруживаются только на основе дифференцирующих карельских маркеров, отличающих карельское в истоках своих именование от вепсского. Таковыми могут быть специфические карельские отантропонимные основы или фонетически дифференцированные именования. К первым можно, очевидно, отнести название деревни *Каккарово*, упомянутой в составе Рыборецкой волости в 1748 году как *Новый Починок* и под этим названием известной последующим документам. Как *Каккарава* топоним квалифицирован в ревизии 1850 года, что, как уже понятно в контексте анализа взаимоотношения официальных и неофициальных ойконимов, не означает, что он появился только в середине XIX века. В это время он, будучи народным, лишь перешел в статус официального.

К сожалению, нет надежной документальной базы для установления времени рождения народного ойконима. В принципе ничто не мешает полагать, что он появился одновременно с появлением самого поселения в XVIII веке и в нем закрепилось родовое имя основателя поселения **Kakkara*. Соответствующий апеллятив отсутствует в вепсских говорах, зато хорошо известен карельским как *kakkaro* ‘катыш’³¹, *kakkara* ‘ком, комок; кусочек теста; кучка навоза округлой формы’, *kakkareh* ‘небольшой шарик из теста, который раскатывается в пирожок’. С позиций именования человека существенно то, что основа

востребована в карельских говорах в переносной семантике: *kakkaine* ‘маленький ребенок’, *kakkareh* ‘маленький ростом, тщедушный ребенок’, *kakkerö* ‘о маленьком, хилом на вид человеке’³². Этот ряд подтверждается и материалами восточных финских говоров, где примерно в такой же прямой и переносной семантике бытует *kakkara*, *kakara*. Слова этой группы никак не проявились в вепсских говорах, так что истоки ойконима логично искать в карельском языке.

Второй пример – название исторической деревни *Изинская*³³, *Хизинская* или *Гизинская*³⁴ в составе Шокшинской волости, вошедшей позднее в состав шокшинской деревни Васильевская³⁵. В ее истоках логично реконструировать антропоним **Hiizi* ← карел. *hiizi* ‘черт, леший’. Прозвищные именования с подобной семантикой хорошо известны в карельском именослове. Обращение к карельскому, а не вепсскому источнику обусловлено специфически карельской фонетической особенностью: свистящий *z* в позиции после *i*. Вепсский аналог имел вид *hiž*, в позиции после *i* здесь закономерно выступает *ž*. Оба топонима могли возникнуть в результате карельского (точнее, собственно карельского) проникновения в Прионежье в XVIII веке.

В заключение еще один важный сюжет в контексте этой статьи, связанный с функционированием имени человека в ойконимии. Анализ структурных моделей отантропонимных именований выявил связь некоторых из них с хронологией рождения ойконимов и их ареальным членением. Привлечение письменных источников убедительно доказывает, что модель «антропоним + Сельга / -сельга», в которой вепс. *sel'g* ‘сельга, гора, поросшая лесом, использовалась под разделку подсек’, актуализируется в первой половине XVIII века, именно в это время впервые в источниках упоминаются Ваньгимова Сельга (в виде *Вангиман-сельга*) / *Vanhimansel'g*, Матвеева Сельга (как *Кюря-сельга*) / *Matfejansel'g*, Леванова Сельга / *Levonansel'g*, в конце века *Крюкова Сельга* (первоначально, начиная с переписи 1749 года, бытует под именем Шокшезеро) / *Krik*, *Krikunsel'g*. К этому же времени относится и появление «сележных» поселений в соседней Ладвинской волости: *Ужеселга* упоминается в 1707 году, *Педаселга* и *Ревселга* в 1720 году. Данный топонимический факт служит маркером внутренней миграции, развернувшейся в XVIII веке в связи с потребностью освоения свободных земель, пригодных для земледелия.

Своей четкой спецификой на этом фоне обладает модель «антропоним + Гора» (вепс. детерминант *-mättaz* ‘горка’), использующая другой термин возвышенного рельефа. Ойконимы модели *Минина Гора* / *Minamättaz*, *Мелькина Гора* / *Mel'kamättaz*,

Петрова Гора / *Pedrimättaz* маркируют деревни, входящие в состав кустов поселений. К сожалению, нет четких критериев для обоснования возраста этой модели, поскольку она поздно появляется на официальном уровне именования. Как правило, первые фиксации относятся к 9-й ревизии 1850 года, которая, как выше отмечалось, выводила в сферу официального бытования народные ойконимы, установить доподлинно время появления которых невозможно. Вот как выглядит, к примеру, последовательный ряд упоминания в реестрах деревни Минина Гора в составе села Шелтозеро:

Дер. Елексеевская (1582) → пустошь Олексеевская (1617) → что была пустошь Алексеева у речки Шелтозерки (1707) → что была у речки Шелтозерки пустошь (1749) → что была у речки Шелтозерки пустошь (1782) → у речки Шелтозерки \ Минина Гора (1850) → вепс. *Minamättaz*.

Ойконим *Минина Гора* отмечен документально в середине XIX века, хотя последовательное привлечение доступных источников доказывает, что само поселение зафиксировано уже в писцовой книге XVI века. Последующие реестры ориентировались на первую запись, при том, что на какое-то время на рубеже XVI–XVII веков деревня запустевала. Не исключено, что народное именование могло обновиться как раз на этапе возрождения поселения на месте пустоши, однако доказать это невозможно. В плане типологии существенно, что модель воплотилась также в соседней с Шокшинской исторически вепсской Ладвинской волости на р. Ивине, где, по материалам КТК, около десятка поселений имеют в своем названии элемент *Горка* (*Канашина Горка*, *Курикова Горка*, *Трешина Горка*, *Фенькова Горка* и т. д.). При этом, однако, модель оказалась не востребованной в ойконимии Рыборецкой волости, как, впрочем, и соседней Оштинской волости. Какие за этим размежеванием стоят процессы – пока не вполне ясно.

Выявляется еще одна показательная в плане хронологии модель: простые по структуре ойконимы, по форме совпадающие с антропонимом: дер. *Isak* (рус. Качезеро), *Ondr'ušk* (рус. Масляная Гора), *Išan'* (рус. Ишанино), *Onašk* (рус. Гузозеро), *Liščk* (рус. Лучкина Гора), *Habuk* или *Habukad* (рус. Габуки или Габуково) – антропоним *Habuk*, фамилия жителей Габуковы (вепс. *habuk* ‘ястреб’) и др. Часть этих топонимов фиксируется начиная с середины XIX века, другие вообще не отразились в письменных реестрах, то есть не успели обзавестись письменной историей. На официальном русском уровне бытования продолжают использоваться исторически более ранние именования, как правило, не

антропонимные по своим истокам. Историческим фоном формирования этой ойконимной модели являются события пореформенного устройства крестьянства в конце XIX века и Столыпинской реформы начала XX века. Они были связаны с созданием слоя хозяйственными активными земельных собственников, что и отразили их неофициальные, реже официальные именования.

ВЫВОДЫ

Становление ойкономической системы вепсского Прионежья, засвидетельствованное документально, происходило на протяжении последних пятисот лет. Действовали разнонаправленные тенденции: с одной стороны, стремление официального уровня именования к стабильности, с другой – нестабильность народной ойкономии. Доказано, что взаимодействие двух уровней функционирования: официального и народного – один из важных элементов в механизме развития ойкономии. Об инновативном характере народной ойкономической системы и непрерывном процессе формирования новых названий убедительно свидетельствуют поле-

вые материалы, которые в целом ряде случаев демонстрируют несовпадение официального и народного ойкономии. Последние появились позднее, чем произошла глобальная корректировка ойкономической системы середины XIX века, зафиксированная в 9-й ревизии и связанная с выведением народной ойкономии на официальный уровень именования. Современные официальные именования в целом наследуют традицию, сложившуюся в то время. Однако народная ойкономия продолжала развиваться и видоизменяться и после этого, что и засвидетельствовали многие вепсские именования деревень, не совпадающие с русскими.

В становлении и развитии ойкономической системы региона ведущую роль сыграла антропонимия, ибо абсолютное большинство наименований поселений образовано от календарных или некалендарных имен. При этом выявились хронологическая и географическая приуроченность определенных моделей номинации, которые, таким образом, могут быть маркерами формирования самой поселенческой структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СНМ 1873 – Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Типография МВД, 1879. ХСV, 235 с.
- ² План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты – 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/ (дата обращения 15.03.2021).
- ³ Писцовая книга Обонежской пятини Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печати А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 108.
- ⁴ Писцовая книга Обонежской пятини Заонежской половины 1563 г.... С. 37.
- ⁵ Там же. С. 236.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8578. 1707 г. Книга переписная Оштинской половины Олонецкого уезда Михаила Ларионовича Мордвинова. 597 л. Подлинник. Л. 315 об.; РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2377. Л. 1102 об. 1748 г. «Книга переписная мужеска полу душам Новгородцкой губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воевоцкой канцелярии монастырским, государственным, помещицким и архирейским крестьяном». [Оштинская половина]. Л. 574 об.–576.
- ⁷ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Типография МВД, 1879. ХСV. С. 15.
- ⁸ Писцовые книги 1496 года не сохранились по территории Остречинского погоста.
- ⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2360. 1720 г. [1-я ревизия. Итоговая] «Выписка города Олонца и уезду о душах мужского полу». Л. 19 об.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». Л. 74 об.–75.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородцкой губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьянам, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году». Л. 259–280.
- ¹² Благодарю за консультацию, связанную с историческим фоном развертывания поселенческой структуры в вепсском Прионежье, а также расшифровку материалов XVII–XVIII веков ст. науч. сотр. ИЯЛИ КарНЦ РАН А. Ю. Жукова.
- ¹³ Список населенных мест Карельской АССР: (по материалам Переписи 1926 года) / Сост. Статистическим Управлением АКССР. Петрозаводск: Изд. Стат. Управл., 1928. XVI. С. 54.
- ¹⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 63/600. [9-я ревизия]. 1850 г. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Рыборецкой волости Шелтозерского Горного мирского общества, приписных к Олонецким заводам деревни.

- ¹⁵ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ., ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН: Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 34–341.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г.... С. 57–254.
- ¹⁸ Там же. С. 237.
- ¹⁹ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1496 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печ. А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 38.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2377. Л. 1102 об. 1748 г. «Книга переписная мужеска полу душам Новгородцкой губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воевоцкой канцелярии монастырским, государственным, помещицким и архиерейским крестьяном». [Оштинская половина]. Л. 582 об., 584 об.
- ²¹ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г.... С. 110.
- ²² Там же. С. 106.
- ²³ *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricæ, VI, 2005. S. 678.
- ²⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 419.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л. Л. 74–75 об.
- ²⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/70. [5-я ревизия]. 1795. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Шокшинской волости, приписных к Олонецким Петровским заводам. Л. 33.
- ²⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/229. [6-я ревизия]. 1811. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Рыборецкой вотчины Шелтозерской Бережной, Шокшинской, Шелтозерской Горной, Щелейской, Гиморецкой, Рыборецкой волостей. Л. 60.
- ²⁸ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка... С. 142.
- ²⁹ Там же. С. 262–263.
- ³⁰ Словарь русских народных говоров. Вып 3. Л.: Наука, 1968. С. 313.
- ³¹ Словарь карельского языка (ливвицкий диалект) / Сост. Н. Г. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 119.
- ³² *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricæ, II, 1997. S. 19.
- ³³ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородцкой губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьянам, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьянами, учиненная в 749-м году». Л. 244–245 об.
- ³⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/70. [5-я ревизия]. 1795. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Шокшинской волости, приписных к Олонецким Петровским заводам. Л. 31 об.
- ³⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 63/599. [9-я ревизия]. 1850 г. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Рыборецкой волости Шокшенского (Шокшинского) мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Л. 1 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. А. Эволюция ойкономической системы Сямозерья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540
2. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. 290 с.
3. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1974. 190 с.
4. Воробьева С. В. Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Кизи: 300 лет на заонежской земле: Сб. ст. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижи», 2014. С. 229–256.
5. Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 230 с.
6. Кузьмин Д. В. К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 9–35. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016
7. Кюрушнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
8. Зайцева Н. Г., Муллонен И. И., Мызников С. А., Жукова О. Ю., Бродский И. В. Лингвистический атлас вепсского языка. СПб.: Нестор-История, 2019. 574 с.
9. Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
10. Муллонен И. И., Жуков А. Ю. Динамика развития ойкономической системы в северолюдиковском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131
11. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
12. Спиридов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 162 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (дата обращения 15.03.2021).

Original article

Irma I. Mullonen, Dr. Sc. (Philology), RAS Corresponding Member, Professor, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-5279-4880; mullonen@krc.karelia.ru

TOPOONYMIC MARKERS OF THE SETTLEMENT NETWORK EVOLUTION IN VEPS PRIONEZHYE

A b s t r a c t. The author investigates oikonyms (names of settlements) and their evolution recorded in mass historical sources starting from the late XV century in order to trace the formation of a system of settlements in the territory inhabited by the northern Veps. Two main routes of the Veps migration from the southern Lake Onega and the Svir River regions are being reconstructed. The relevance of the study is determined by identifying the change in naming models over the centuries associated with both the socio-economic development of the territory and with the patterns of the toponymic system evolution. At the turn of the XVIII century, due to internal migration the coastal type of settlement gave way to the mudflow type. In the XIX century, a new oikonymic model emerged, which fully coincides with the anthroponym (*Habuk, Isak*) and is associated with the land tenure reform. Particular attention is paid to the existence of oikonyms at two levels – formal (written) and informal (oral) ones. The former was more conservative, while the latter responded more actively to the changes in circumstances related to the settlement's life, changes in household ownership, etc. It is proved that the widespread introduction and consolidation of popular Veps names in official practice took place in the middle of the XIX century, in the records of the 9th and 10th censuses of 1850 and 1858, respectively. These names are still in use today. The author also proposes a number of new etymologies based on the folk forms of calendar (*Išan* ← Russian dial. *Ishan* ← calend. *Ivan*) and non-calendar (village *Vanhimansel'g*: anthroponym **Vanhim* ← Veps *vanhim* 'oldest') Veps names.

К e y w o r d s : oikonymy, anthroponymy, Veps language, settlements, cadastres, census records, Karelia

A c k n o w l e d g e m e n t s . The publication was prepared as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (topic 121070700122-5 "Fundamental and Applied Research in the Finnic Languages of Karelia and Neighboring Regions").

F o r c i t a t i o n : Mullonen, I. I. Toponymic markers of the settlement network evolution in Veps Prionezhye. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675

REFERENCES

1. A f a n a s y e v a , A . A . Evolution of the oikonymic system of Lake Syamozero territory. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540 (In Russ.)
2. V i t o v , M . V . Historical and geographical essays about Zaonezhye of the XVI and the XVII centuries. The history of rural settlements. Moscow, 1962. 290 p. (In Russ.)
3. V i t o v , M . V ., V l a s o v a , I . V . Geography of the rural settlement of Western Pomor coast between the XVI and the XVIII centuries. Moscow, 1974. 190 p. (In Russ.)
4. V o r o b y o v a , S . V . Villages of the Kizhi volost between the XVI and the early XX centuries (according to archival sources). *The Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on Zaonezhye land: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2014. P. 229–256. (In Russ.)
5. K a r l o v a , O . L . -L-model in the toponymy of Karelia: Diss. Cand. Sc. (Philology). Petrozavodsk, 2004. 230 p. (In Russ.)
6. K u z m i n , D . V . To the reconstruction of the ancient Karelian anthroponymicon. *Problems of Onomastics*. 2020;17(2):9–35. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016 (In Russ.)
7. K y u r s h u n o v a , I . A . Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames in northwestern Russia between the XV and the XVII centuries. St. Petersburg, 2010. 672 p. (In Russ.)
8. Z a i t s e v a , N . G ., M u l l o n e n , I . I ., M y z n i k o v , S . A ., Z h u k o v a , O . Y u ., B r o d s k y , I . V . Linguistic atlas of the Veps language. St. Petersburg, 2019. 574 p. (In Russ.)
9. M u l l o n e n , I . I . Essays on Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
10. M u l l o n e n , I . I ., Z h u k o v A . Y u . Dynamics of development of oikonymic system in northern Lyudik language area. *Nauchnyi Dialog*. 2020;5:113–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131 (In Russ.)
11. P e t r o v s k y , N . A . Dictionary of Russian personal names. Moscow, 1984. 384 p. (In Russ.)
12. S p i r i d o n o v , A . M . Western Prionezhye: from the "Sami Iron Age" to the Middle Ages. Petrozavodsk, 2014. 162 p. Available at: http://carelica.petsu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (accessed 15.03.2021). (In Russ.)

Received: 9 April, 2021; accepted: 30 July, 2021

НИНА СЕМЕНОВНА ГАНЦОВСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии

Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)

gantsovsky_n@mail.ru

ЦИНЬ ЛИДУН

аспирант кафедры отечественной филологии

Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)

qinlidong@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПОТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ИДЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФОРТУНАТОВСКОЙ ШКОЛЫ (на примере текстов А. Н. Островского)

А н н о т а ц и я. Проблемы соотношения паратаксиса и гипотаксиса в современном русском литературном языке, способы проявления коммуникативных качеств сложноподчиненных предложений в зависимости от степени грамматической абстракции, основные черты их формальной и семантической структуры, характер и особенности функционирования их строительных черт в определенный период истории – таковы актуальные вопросы науки о русском языке, которые до сих пор имеют дискуссионный характер и являются теоретической базой настоящей работы. Эти проблемы заставляют вернуться к тем идеям представителей Фортунатовской школы, которые указали путь приоритетного исследования структурных (грамматических) свойств иерархически устроенных синтаксических единств. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности союзов условных сложноподчиненных предложений в пьесах одного из создателей современного русского литературного языка, классика русской литературы А. Н. Островского. Язык драм А. Н. Островского сыграл важную роль в демократизации русского литературного языка и донес до нас многие черты русской народно-разговорной речи, в том числе диалектной. В этом плане замыслы авторов статьи нашли опору в трудах классиков фортунатовского направления русского языкознания, в частности А. Б. Шапиро и Л. А. Булаховского. В результате исследования был сделан вывод об абсолютном характере распространения в книжных и разговорных конструкциях русского языка середины XIX века универсального моносемантического союза *если* и весомой роли по сравнению с современным состоянием русского литературного языка синкреметических союзов разговорного характера *ежели, как, когда, коли*.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гипотаксис, условные союзы, А. Н. Островский, фортунатовское направление, Василенко, Шапиро, Булаховский

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ганцовская Н. С., Цинь Лидун. Исследование гипотаксиса русского языка в свете идей представителей Фортунатовской школы (на примере текстов А. Н. Островского) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.676

ВВЕДЕНИЕ

В последнем из научных сборников под редакцией и с участием В. В. Виноградова «Мысли о современном русском языке» на обсуждение были предложены актуальные вопросы науки о русском языке, в том числе проблемы синтаксиса простого и сложного предложения, представленные в статьях И. А. Василенко, Н. Ю. Шведовой, Л. Ю. Максимова, Г. П. Уханова и Р. П. Рогожниковой. Дискуссионный характер носят положения статей И. А. Василенко и Л. Ю. Максимова, стоящих на несходных тео-

ретических позициях по вопросам способа организации сложноподчиненных предложений (СПП), однако придающих первостепенное значение вопросам их грамматической формы. И. А. Василенко, ученый широкого профиля, много лет возглавлявший кафедру общего языкознания в МГПИ имени В. И. Ленина, его последователи и ученики, как ранее и его учителя и соратники еще со времен пединститута имени В. П. Потемкина, был представителем Московской лингвистической школы фортунатовского направления. В его докторской диссертации

анализировались многочленные сложноподчиненные предложения, подобные темы предлагались и аспирантам кафедры, в том числе одному из авторов этих строк, Н. С. Ганцовской, руководителем которой была М. С. Бунина, ученица А. Б. Шапиро.

* * *

В статье сборника «Проблема сложного предложения в науке о русском языке» И. А. Василенко, называя основной единицей синтаксиса предложение, констатирует: проблема сложного предложения «остается еще недостаточно разработанной» [4: 81]. Он дает аналитический обзор синтаксических учений о сложном предложении в науке о русском языке, где мы выделим тот его сегмент, в котором Иван Афанасьевич останавливается на рассмотрении этих проблем представителями фортунатовского направления, которое при сходстве основных позиций не было внутренне однородным. Так, говоря о дискуссии в 30-х годах XX столетия о сочинении и подчинении, он неодобрительно оценивает позицию М. Н. Петерсона, исключавшего из проблем синтаксиса сочинение и подчинение, понятия главного и придаточного предложения, и поддерживает «голос» А. М. Пешковского в защиту подчинения и сочинения: «основой синтаксиса является зависимость одних синтаксических величин от других» и «проблема сочинения и подчинения перерастает в вопрос о синтаксических связях вообще» [4: 83]. Мысли А. Б. Шапиро о цельности сложного предложения и необходимости его понимания со стороны главного и придаточного предложения сочувственно воспринимаются автором обзора, но вопросы «существенной корректизы» придаточных предложений, которые тот делит на «два типа в зависимости от наличия или отсутствия в главном предложении соотносительных слов, указательных местоимений или наречий», подвергаются сомнению. И. А. Василенко тут приводит сходное с ним мнение С. И. Абакумова, одновременно и положительное, и критическое, о принципах классификации придаточных предложений А. Б. Шапиро [4: 84]. Он находит интересным замечание А. Б. Шапиро о неустойчивости формального критерия при различении сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, что дает основание не выделять сложные бессоюзные предложения в особый тип связи и распределять их между сочинением и подчинением [4: 86]. Во многом И. А. Василенко поддерживает мысль И. Г. Чередниченко о том, что нельзя во всех случаях пользоваться одной традиционной теорией о придаточных как развернутых

членах главного, но критикует его за разнородность принципов выделения придаточных предложений в его классификации то по признаку морфологическому, то синтаксическому, то семантическому, то лексическому, то психологическому [4: 85]. И. А. Василенко положительно рассматривает трактовку сложных предложений В. В. Виноградовым как сложного единства (в этом плане привлекается мнение В. А. Белошапковой и других ученых), в котором нет прямого параллелизма между подчинением слов и подчинением предложений, выделение им бессоюзных сложных предложений в особый разряд построений, в то же время отмечая его многообразие дефиниций сложного предложения и их терминологическую неясность [4: 88–89]. Он полагает, что «положения академика В. В. Виноградова получают дальнейшее развитие в грамматических работах Н. С. Поспелова» [4: 89], который разработал теорию об одночленности и двучленности СПП. Эта теория, как утверждает И. А. Василенко, «развивает синтаксические идеи традиционного русского языкоznания» и при этом делает отсылку к труду Ф. Ф. Фортунатова «Сравнительное языковедение. Лекции. Литограф. изд.» (стр. 229) [4: 90], однако И. А. Василенко не согласен с отождествлением в работах Н. С. Поспелова грамматической семантики сложного предложения с логическим понятием суждения. Также его не устраивает безоговорочное признание Н. С. Поспеловым позиций придаточных только как частей сложного предложения. Он сожалеет о том, что

«мысли Н. С. Поспелова об одночленности и двучленности сложноподчиненных предложений относятся к построениям с одним придаточным. Приложимость этого принципа (одночленности и двучленности) к сложноподчиненным предложениям с двумя, тремя и большим количеством частей (простых предложений) требует дальнейших исследований» [4: 90].

К слову сказать, Н. С. Ганцовская в своей диссертации «Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в научном стиле современного русского языка» (1967) сделала попытку осуществить эту идею.

И. А. Василенко в своей программной статье поднимает многие проблемы в области сложного предложения русского языка, которые, как он говорит, некогда ставили Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов и которые требовали своего разрешения в русле грамматики. Например, он выдвигает на повестку дня изучение предложений с соподчинением и подчинением, сложного синтаксического целого, многочленных построений и др. [4: 92]. В последующие первые

десятилетия подобные задачи в русском языко-знании частично решались, но затем под напором новых идей были отодвинуты в сторону.

Л. Ю. Максимов, коллега И. А. Василенко по МГПИ, творчески разрабатывая идеи представителей русской синтаксической школы А. А. Шахматова – В. А. Богородицкого – Н. С. Поспелова – В. В. Виноградова и др., пришел к выводу о неизбежности структурно-семантического описания сложных предложений. В статье сборника «Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц» он говорит о внешнем характере аналогии функций второстепенных членов простого предложения и соответствующих придаточных частей сложноподчиненного, которая не позволяет «считать сложноподчиненное предложение усложненным вариантом простого или его сложным аналогом» [10: 94]. Он полагает также, что «класс сложноподчиненных предложений не может быть в целом ни аналогией со словосочетанием, ни аналогией с простым предложением...» [10: 95], говоря же о ступенях грамматической абстракции, связанной с противопоставлением языка и речи, он считает, что

«признав... сложноподчиненное предложение в частности единицей коммуникативной, мы отнюдь не снимаем тем самым вопроса об их строении и функционировании в речи» [10: 100].

Для задач нашей статьи, где рассматриваются структурно-семантические особенности союзов условных СПП – а союзы – главные строительные средства гипотаксиса – в пьесах одного из создателей русского литературного языка, классика русской литературы А. Н. Островского, важно замечание Леонарда Юрьевича о том, что так называемые расчлененные структуры «скорее аналогичны простым предложениям с обстоятельственными детерминантами» [10: 95]. Действительно, во всех классификациях СПП признается, что придаточная часть обстоятельственных СПП функционально равноправна с главной частью в коммуникативной организации СПП расчлененной («двучленной») структуры. И основную роль в синтаксической структуре всей конструкции при этом более ярко, чем в «одночленных» структурах, играют союзы.

Поскольку язык драм А. Н. Островского и их строительных особенностей имел важное значение в демократизации русского литературного языка и донес до нас многие черты русской разговорной речи, в том числе диалектной, этой «живой старины» нашего национального языка, мы рассматриваем союзы условных предложений в пьесах драматурга как важнейшее

средство построения предложений обусловленности, отражающих продуктивность этих конструкций в русском языке послепушкинского периода. В отечественных исследованиях последних лет неоднократно затрагивалась эта проблематика, поскольку в должной мере типологический статус подчинительных союзов русского языка еще не выявлен. Назовем некоторые из них, касающиеся проблематики условных союзов: [1], [2], [5], [9]. Также см. наши предыдущие наблюдения по этой теме: [7], [8], [11], [12]. В плане выяснения тенденций развития строительных средств гипотаксиса, уточнения их статуса в разные периоды становления русского литературного языка мы ищем поддержки в трудах классиков русского языкознания фортунатовского направления, в частности А. Б. Шапиро и Л. А. Булаховского, к трудам которых, как полагаем, надо обращаться многократно и систематически.

В наборе союзов условных сложноподчиненных конструкций в пьесах А. Н. Островского достаточно значима доля устаревших для нашего времени союзов с яркой окраской разговорности: *коги*, *когда*, *кабы*, *ежели*, *ли*, *буде*, *раз*, но нередко с резко контрастивной частотностью их употребления в его жанрово и хронотопически разнотипных пьесах. Важным, возможно, и первостепенным источником изучения их происхождения, как и вообще исторических фактов языка, по мысли А. А. Шахматова, являются не только памятники письменности, но и живые русские говоры, что демонстрирует А. Б. Шапиро в своих «Очерках по синтаксису русских народных говоров» [13]. Его труд позволяет комментировать историю происхождения и особенности структурирования при помощи этих союзов условных СПП в диалогах пьес А. Н. Островского, отражающих реальные черты разговорной речи широкой и преимущественно неэлитной части русского общества середины XIX столетия послепушкинского периода – купцов, их семейств и их окружения, мелких служащих, чиновников, мещан, актеров, провинциальных дворян и др.

Представим список слов, способных в определенной степени выявить наличие условных союзов в пьесах драматурга за весь период его творческой деятельности (1840–1880) в порядке их убывающей частотности, пользуясь суммарными итоговыми данными (по всем периодам творчества писателя и по его художественным и нехудожественным текстам) «Частотного словаря языка А. Н. Островского» (ЧСЯО): *как* (7960), *ли* (2877), *если* (2278), *когда* (1404), *раз* (877), *коги* (817), *кабы* (288), *ежели* (179), *коль* (109).

Оговоримся, что, во-первых, в ЧСЯО дан союз *коль* как самостоятельный, но на самом деле его надо рассматривать как речевой вариант союза *коли*, во-вторых, в ЧСЯО обобщены показатели частотности союзов не только в художественных текстах (пьесах) драматурга, но и в его нехудожественных произведениях, что должно дать представление о степени их продуктивности в разных стилях и жанрах русского языка того периода, в-третьих, уточним, что мы не рассматривали союзы условных предложений в «исторических» пьесах драматурга типа «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», а только на синхронном срезе его пьес, отражающих особенности русского языка XIX века. Поэтому мы не указываем в списке союз *буде*, который, например, встретился в указанной здесь исторической пьесе драматурга.

В ЧСЯО, как и во всяком частотном словаре, представлены лексемы без расшифровки их семантики. В полной мере условными из приведенного выше списка слов можно считать только моносемантические союзы типа *если*, союзы же с синкетическими значениями типа *как, когда, ли, раз* поданы в предельно широком статистическом спектре одноименных единиц с другими лексико-грамматическими характеристиками. Это говорит о том, что развитие условных подчинительных союзов как структур гипотаксиса продолжается (впрочем, оно не окончено и к сегодняшнему дню). Более детальные сведения о продуктивности условных синтаксических скреп (союзов) в пьесах драматурга см. в приводимом ниже списке работ авторов статьи. Для примера дадим полную расшифровку сведений ЧСЯО об употребительности слова *как* (то же можно сделать для любого компонента списка) в художественных и нехудожественных текстах (в ЧСЯО обозначены соответственно как ХТ и НХТ) трех периодов деятельности А. Н. Островского. I (1840–1850-е годы): ХТ – 1560, НХТ – 209; II (1860-е годы): ХТ – 1947, НХТ – 260; III (1870–1880-е годы): ХТ – 2818, НХТ – 1160; общая частотность – 7960. Слово *как* оказывается самым частотным в этом списке: в ЧСЯО по причинам, изложенным выше, не указано, с каким значением употребляется слово *как* и каков его типологический статус, разумеется, лишь некоторая часть его фреквенции относится к условным конструкциям.

Дадим комментарий употребления условных союзов в гипотаксисе пьес драматурга, отражающих реальные особенности живой речи того периода, используя сведения, которые предоставляет о них А. Б. Шапиро. Описывая сложные

предложения с подчинительными союзами в русских диалектах, каждому союзу ученый посвящает отдельный очерк и также рассматривает их в порядке убывающей частотности. Он говорит, что «союз *как*, наряду с союзом *что*, является одним из наиболее употребительных в говорах» и что «чаще всего при союзе *как* между подчиненным и подчиняющим предложениями отношение временное» [13: 86], но

«при той же точно структуре... отношения между предложениями может иметь дополнительный условный оттенок», который «воспринимается на основании реального содержания того и другого предложения» [13: 88].

Однако при лишении предложения оттенка «процессности» (вследствие отсутствия или «скрытности» сказуемого или выражения его инфинитивом) возможно и структурное выражение дополнительного оттенка обусловленности [13: 88]. Точно те же явления мы наблюдаем и в драматургии А. Н. Островского (из соображений экономии места здесь мы не приводим иллюстраций из текстов писателя, см. примеры в указанных наших статьях, описывающих условные конструкции в его пьесах).

Союз *если*, как отмечает А. Б. Шапиро, в разных вариантах в основном присущ южнорусским говорам, без вариантов встречается в северновеликорусских говорах, но он для них мало характерен по сравнению с союзом *буде* [13: 96–97]. Однако *буде* совсем не встречается в неисторических пьесах Островского, а *если* прочно лидирует в русском литературном языке как самый частотный союз, имея (с XVII века) монозначение условия. По А. Б. Шапиро, в говорах «употребление союза *если* ничем не отличается от употребления союза *если*» [13: 97], но у А. Н. Островского, пожалуй, это один из самых малочастотных условных союзов, хотя он и моносемантический, подобно союзу *если* (не то, например, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, где союз *если* полностью вытеснил союз *если*).

Союз *когда*, по словам А. Б. Шапиро, в северновеликорусских говорах

«довольно редок, соответствующие функции обычно выполняет союз *как*» [13: 93], «основное отношение между подчиняющим и подчиненным предложениями, выражаемое союзом *когда*, – временное» [13: 94].

А. Б. Шапиро замечает, что при этом союзе возможен «оттенок условности», «который, впрочем, не имеет грамматических показателей, а воспринимается на основании соотношения реального содержания того и другого предложения» [13: 95]. Это же мы наблюдаем и на материале пьес А. Н. Островского.

Союз *кабы* в говорах «служит для выражения условного значения», но его отличие от других условных союзов состоит в том, что

«посредством *кабы* указывается, что условие, при котором что-либо (то, о чем говорится в подчиняющем предложении) возможно, представляется на самом деле несуществующим, между тем как при *если, ежели, лели* вопрос о реальности или нереальности этого условия не имеет значения, а важен самый факт этой связи» [13: 99–100].

Союз *коли* (*коль*) в говорах (по А. Б. Шапиро) по своему значению ближе всего к союзу *когда* и имеет основную функцию – выражать временное значение, но вместе с тем может дополнительно выражать вместе с другими синтаксическими средствами также оттенок условности [13: 98]. У А. Н. Островского, как и вообще в общелитературном языке, этот союз, как и его вариант *коль*, употребляется только с условным значением. Отметим, что по материалам исследования устаревших союзов в современной публицистике выявлены единичные случаи употребления условных союзов *коли* (*коль*), *кабы*, которые используются как «средство исторической стилизации, придання колорита разговорной народной речи, а также как инструмент создания тропов» [6: 88–90].

Л. А. Булаховский в «Курсе русского литературного языка» в разделе «6. Сложное предложение. Союзы» также монографически раздельно, хотя и в лаконичной форме, рассматривает подчинительные союзы в современном русском литературном языке, «специально связывающие предложения, в отличие от тех, которые связывают и предложения, и их члены»², и дает их обзор, иллюстрируя это материалом произведений русской классической литературы XIX и XX веков. Так, он перечисляет условные союзы (*если (бы), ежели, кабы, когда (бы), коль скоро, коли, ли, раз* и др.), анализируя их в сравнении друг с другом в структурно-семантическом, функционально-стилистическом и статистическом планах, используя примеры предложений из творчества Л. Толстого, Некрасова, А. К. Толстого, Гл. Успенского, Леонова, Фета, Безымянского, М. Литвинова, Н. Островского, Гоголя, Гладкова, Пушкина, Помяловского, Пришвина (орфография имен Л. А. Булаховского). Его тонкие наблюдения за функционированием этих союзов в процессе развития современного русского литературного языка в послепушкинский период поучительны во многих отношениях и важны для понимания динамики развития основных структурных средств СПП. Так, например, если «ежели, которое у некоторых классических писателей XIX в. соперничало, иногда даже преобладало над *если*» (тут он приводит примеры из текстов Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова), то

«у позднейших писателей *ежели* становится приметой народной речи и фигурирует наряду с другими средствами оттенить ее. Характерно, что в предложениях желания теперь употребляется только *если б...*»³. «*Кабы (каб) и коли (коль)* вносят колорит народной речи, причем последний союз может сочетаться с поэтическим стилем. *Кабы* чаще употребляется со значением желания или (при «не») со значением сожаления...»⁴. «*Когда* в определенно-условном значении малоупотребительно и скорее относится к разговорному языку... <...> *Когда бы* сохранилось лучше и до сих пор ощущается как естественное в поэтическом языке...»⁵.

В монографии «Русский литературный язык первой половины XIX века» Л. А. Булаховский [3] на примерах из произведений Крылова, Грибоедова, Пушкина, Баратынского и др. показывает, что

«наряду с установленвшимся в настоящее время в качестве господствующего союза *если*, в первой половине XIX века употребляют без специальной стилистической окраски *ежели* и – намного чаще, чем теперь – *коль* и *коли*» [3: 411].

Для СПП драм А. Н. Островского этот тезис Л. А. Булаховского в целом верен, за исключением замечания о союзе *ежели*. К творчеству А. Н. Островского применимо и следующее высказывание Л. А. Булаховского о стилистике союза *когда*:

«Что касается употребительного наряда с *если* и *ежели когда*, то оно, вообще говоря, не имеет отчетливо выраженной стилистической окраски, хотя, по-видимому, и воспринималось как союз, эмоционально несколько более подчеркнутый и, может быть, с некоторым легким налетом просторечия...» (тут он приводит примеры СПП у Грибоедова, Гоголя, Лермонтова) [3: 414].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сопоставительный анализ условных союзных средств в СПП современного русского литературного языка середины XIX века на материале текстов пьес А. Н. Островского с опорой на труды классиков фортунатовского направления или, иначе, деятелей Московской лингвистической школы показал весомую роль (со стороны валёра, значимости и частотности) союзов со стилистической окраской разговорности (*ежели, как, когда, коли*), обнаруживающих синкетизм семантики обусловленности и иных функционально-детерминантных оттенков, имеющую или же не имеющую опору в других строительных средствах рассматриваемых гипотактических конструкций. И в то же время обнаружилось абсолютное преобладание характерного для всех этапов развития нового литературного языка послепушкинского периода моносемантического союза *если*, универсальный характер семантики которого позволил ему употребляться в разнообразных структурно-семантических модификациях как в книжных, так и разговорных сложно-подчиненных конструкциях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЧСЯО – Частотный словарь языка А. Н. Островского / Под ред. Н. С. Ганцовской // А. Н. Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530–658.
- ² Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. Харьков: Гос. учебно-педагог. изд. «Радянська школа», 1937. С. 286.
- ³ Там же. С. 294.
- ⁴ Там же. С. 295.
- ⁵ Там же. С. 296.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А пр е с я н В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 30.06.2019).
2. Б е д н а р с к а я Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.
3. Б у л а х о в с к и й Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1954. 468 с.
4. В а с и л е н к о И. А. Проблема сложного предложения в науке о русском языке // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. / Под. ред. акад. В. В. Виноградова; Сост. А. Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 81–93.
5. Г а л к и н а Н. П. Типология строительных средств условных сложноподчиненных предложений в произведениях естественнонаучного цикла // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. 2013. Т. 19. Основной выпуск. № 1. С. 55–58.
6. Г а л к и н а Н. П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике // Известия Смоленского государственного университета, 2021. № 1 (53). С. 86–101. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-86-101
7. Г а н ц о в с к а я Н. С., Цинь Лидун. Конкуренция условных союзов как фактор проявления дискретности в развитии гипотаксиса русского языка (на материале драматургии А. Н. Островского) // Контигуальность и дискретность в языке и речи: Материалы VII междунар. науч. конф. (Краснодар, 24–28 окт. 2019 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 11–15.
8. Г а н ц о в с к а я Н. С., В о л к о в а Е. Б., Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в постепушкинскую эпоху: весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 1. С. 82–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436
9. К ульпина Е. Р. Полифункциональные союзы в русских говорах Карелии // Рябининские чтения – 2003 / Редкол.: Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др.; Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kizhi.karelia.ru/library/authors/kulagina-er> (дата обращения 13.09.2019).
10. М а к с и м о в Л. Ю. Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. / Под. ред. акад. В. В. Виноградова; Сост. А. Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 93–104.
11. Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в русском литературном языке постепушкинского периода (на примере условных союзов пьес А. Н. Островского) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (Владимир, 24–26 сент. 2019 г.). Владимир: ВлГУ: Транзит-ИКС, 2019. С. 446–452.
12. Цинь Лидун. Гипотактические условные конструкции в пьесах А. Н. Островского как этап в развитии русского литературного языка (на материале пьесы «Свои люди – сочтемся») // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Н. Г. Коптелова; Отв. ред. А. К. Котлов. Кострома: КГУ, 2020. С. 151–154.
13. Ш а п и р о А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1953. 319 с.

Поступила в редакцию 23.09.2020; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Nina S. Gantsovskaya, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
gantsovsky_n@mail.ru

Qin Lidong, Postgraduate Student, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
qinlidong@mail.ru

**STUDY OF HYPOTAXIS IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF THE IDEAS
OF THE FORTUNATOV'S SCHOOL REPRESENTATIVES
(illustrated by Alexander Ostrovsky's texts)**

A b s t r a c t. The Russian literary language, the ways of displaying the communicative qualities of complex sentences depending on the degree of grammatical abstraction, the main features of their formal and semantic structure, the nature

and features of the functioning of their construction features in a certain period of history – these are the current issues of the study of the Russian language, which still are of a debatable nature and form the theoretical basis for this work. These problems turn us to the ideas of the Fortunatov's school representatives who laid out the path for the priority research of the structural (grammatical) properties of hierarchically arranged syntactic units. The article deals with the structural and semantic features of the conjunctions of complex conditional sentences in the plays written by one of the creators of the modern Russian literary language – a classic of Russian literature Alexander Ostrovsky. The language of Ostrovsky's dramas played an important role in the democratization of the Russian literary language and preserved many features of Russian folk colloquial speech, including dialect ones. In this regard, the ideas of the authors of the article are based on the works of the classics who supported Fortunatov's intellectual tradition in the Russian linguistics, in particular, Abram Shapiro and Leonid Bulakhovsky. As a result of the study, the conclusion was made about the absolute predominance of the universal monosemantic conjunction *если* (*if*) in the literary and colloquial constructions of the Russian language in the mid-XIX century, as well as about a significant role of syncretic conjunctions of a colloquial nature, such as *ежели* (*if*), *как* (*when*), *когда* (*when*), *кому* (*if*), in comparison with the modern state of the Russian literary language.

Key words: hypotaxis, conditional conjunctions, Alexander Ostrovsky, Fortunatov's school, Vasilenko, Shapiro, Bulakhovsky

For citation: Gantsovskaya, N. S., Qin, Lidong. Study of hypotaxis in the Russian language in the light of the ideas of the Fortunatov's school representatives (illustrated by Alexander Ostrovsky's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.676

REFERENCES

1. A p r e s y a n , V. Yu., P e k e l i s , O. E. Subordinate conjunctions. Materials for the project on the corpus description of Russian grammar. Published as manuscript. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 30.06.2019). (In Russ.)
2. B e d n a r s k a y a , L. D. Complex sentences in the language of Russian lyric poetry of the XIX and the XX centuries. Orel, 2012. 391 p. (In Russ.)
3. B u l a k h o v s k y , L. A. Russian literary language of the first half of the XIX century. Moscow, 1954. 468 p. (In Russ.)
4. V a s i l e n k o , I. A. The problem of a complex sentence in the study of the Russian language. *Reflections on the modern Russian language. Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed., A. N. Kozhin, Comp.). Moscow, 1969. P. 81–93. (In Russ.)
5. G a l k i n a , N. P. Typology of means for constructing complex conditional sentences in scientific works. *Vestnik of Nikolay Nekrasov Kostroma State University*. 2013;19(1):55–58. (In Russ.)
6. G a l k i n a , N. P. The role and place of archaic conjunctions in modern journalism. *Izvestiya of Smolensk State University*. 2021;53(1):86–101. DOI: 10.35785 / 2072-9464-2021-53-1-86-101 (In Russ.)
7. G a n t s o v s k a y a , N. S., Q i n , L i d o n g . Competition of conditional conjunctions as a factor in the manifestation of discreteness in the development of hypotaxis in the Russian language (illustrated by Alexander Ostrovsky's dramas). *Continuity and discreteness in language and discourse: Proceedings of the VII international research conference (Krasnodar, October 24–28, 2019)*. Krasnodar, 2019. P. 11–15. (In Russ.)
8. G a n t s o v s k a y a , N. S., V o l k o v a , E. B., Q i n , L i d o n g . Development of hypotaxis means in the post-Pushkin era: A. N. Ostrovsky's spring tale *Snegurochka*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(1):42–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.436 (In Russ.)
9. K u l ' p i n a , E. R. Polyfunctional conjunctions in Russian dialects of Karelia. *Ryabinin Readings – 2003*. (T. G. Ivanova et al., Eds.). Petrozavodsk, 2003. Available at: <https://kizhi.karelia.ru/library/authors/kulpina-er> (accessed 13.09.2019). (In Russ.)
10. M a k s i m o v , L. Yu. A complex sentence among other syntactic units. *Reflections on the modern Russian language. Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed., A. N. Kozhin, Comp.). Moscow, 1969. P. 93–104. (In Russ.)
11. Q i n , L i d o n g . Development of hypotaxis means in the Russian literary language of the post-Pushkin period (illustrated by conditional conjunctions in Alexander Ostrovsky's plays). *Language categories and units: syntagmatic aspect: Proceedings of the XIII international research conference commemorating the 90th anniversary of Professor August Kopeliovich and the 100th anniversary of pedagogical education in the Vladimir region (Vladimir, September 24–26, 2019)*. Vladimir, 2019. P. 446–452. (In Russ.)
12. Q i n , L i d o n g . Hypotactic conditional constructions in Alexander Ostrovsky's plays as a stage in the development of the Russian literary language (illustrated by the play "It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves"). *Spiritual and moral foundations of Russian literature: Collection of articles*. (N. G. Koptelova, A. K. Kotlov, Eds.). Kostroma, 2020. P 151–154. (In Russ.)
13. S h a p i r o , A. B. Essays on the syntax of Russian folk dialects. Sentence structure. (R. I. Avanesov, Ed.). Moscow, 1953. 319 p. (In Russ.)

ЕЛЕНА РАФХАТОВНА ГУСЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9896-6019; rafhatovna@mail.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7232-8756; kiam24@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОЕКТУ «КАРЕЛЬСКОЕ ПОМОРЬЕ: ЛЕКСИКА И ОНОМАСТИКА (XVI–XXI века)»

Аннотация. Представлены результаты работы Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ по междисциплинарному проекту «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI века)». Проект направлен на сохранение и изучение культурного наследия уникального в этническом и историческом отношении региона. Основной задачей являлось создание фундаментального цифрового архива (медиатеки), предназначенного для использования в исследовательских, образовательных, просветительских целях. В ходе реализации проекта решен ряд научно-исследовательских, прикладных, учебно-методических задач. Разработаны базы данных, включающие языковой современный и исторический фактологический материал начиная с XVI века до нашего времени, который частично подвергнут анализу в рамках различных лингвистических подходов (системно-структурный, антропоцентрический). Проведено вторичное обследование поморских говоров с целью выявления степени сохранности диалектной системы, пополнения и уточнения имеющихся в архиве лаборатории данных. Медиатека представляет собой не имеющий аналогов инновационный лингвистический электронный ресурс. Опыт создания информационной системы может быть применен для разработки подобных систематизированных структур в других регионах России.

Ключевые слова: проектная работа, Карельское Поморье, медиатека, базы данных, севернорусские говоры, русская диалектология, компьютерная лексикография, ономастика, историческая лексикология, языковая контактология

Благодарности. Исследование выполнено по итогам проекта РФФИ № 18-012-00810.

Для цитирования: Гусева Е. Р., Кюршунова И. А. Филологические исследования по проекту «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI века)» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 26–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.677

ВВЕДЕНИЕ

Сохранение и изучение историко-культурного наследия, представленного в речевой культуре Русского Севера, – одна из важнейших задач гуманитарного научного сообщества. Именно эта задача была поставлена коллективом сотрудников Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии (далее – Лаборатория ЛКЭ)¹ и Исследовательской лаборатории локальной микроистории Карелии (далее – ИЛЛМИК) Гуманитарного инновационного парка Петрозаводского государственного универси-

тета, выбравшим для исследования территорию Карельского Поморья: данный регион, представляя в первую очередь архаику русских говоров и фольклора, отражает тысячелетние межэтнические контакты, нашедшие воплощение в культуре и языке.

Работа была начата в 2017 году в рамках Программы развития опорного университета ПетрГУ. Тогда в центре внимания находилась идея создания медиатеки (информационной системы) «Диалектная лексика и ономастика Карелии». В состав научного коллектива проекта помимо

филологов и историков вошли сотрудники Регионального центра новых информационных технологий ПетрГУ. Е. Р. Гусевой (руководитель), И. Н. Дьячковой, И. А. Кюршуновой, А. Г. Марахтановым, Л. П. Михайловой, О. В. Семеновой, Н. Г. Урванцевой, А. В. Приображенским, И. А. Черняковой, О. В. Черняковым были обозначены параметры медиатеки (языковой материал, источники, способы обработки и презентации лингвистических данных и др.). В основе заявки находился фактологический материал, накопленный в течение нескольких десятилетий коллективом диалектологов, ономатологов, историков языка Лаборатории ЛКЭ. Эти ресурсы, без сомнения, должны стать достоянием научного сообщества, и не только филологов, но и всех, кто по роду своей деятельности на разных уровнях связан с изучением настоящего и прошлого этого северного региона. Сотрудники ИЛЛМИК, имевшие многолетний опыт транслитерации текстов памятников письменности Карелии, включающих и диалектные явления, продолжили эту работу в рамках проекта. Первые результаты работы были описаны в статье Е. Р. Гусевой и А. Г. Марахтанова «Информационная система “Диалектная лексика и ономастика Карелии” как динамический медиаресурс по краеведению» [10].

Предварительный анализ источников, связанных с Карельским Поморьем, показал, что при наличии устойчивого интереса исследователей к региону отмечаются лакуны, относящиеся не только к изучению русских говоров, но и к другим гуманитарным сегментам: истории, фольклору, этнографии [16]. Следовательно, требуется более объемное, комплексное, исследование материала, соотносимого с Карельским Поморьем. Поэтому был заявлен новый междисциплинарный проект «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI века)», который поддержал Российский фонд фундаментальных исследований. В первую очередь были конкретизированы хронологические рамки охвата лингвистических и исторических данных – с XVI века по настоящее время. Начальная временная граница определяется имеющимися памятниками письменности, согласно которым территория Карельского Поморья попадает в целенаправленное описание. Несколько расширился научный коллектив: в него вошли Л. П. Михайлова (руководитель, 2018), Е. Р. Гусева (руководитель, 2019–2020), Е. Н. Варникова, И. Н. Дьячкова, И. А. Кюршунова, А. В. Приображенский, О. В. Семенова, представляющие лингвистический сектор; Н. Г. Урванцева, от-

ветственная за разработку фольклорного направления; И. А. Чернякова, О. В. Черняков, отвечающие за историко-этнографическое исследование территории и презентацию результатов проекта научному сообществу на страницах электронного журнала ПетрГУ «CARELiCA»; администрирование и ИТ-сопровождение информационной системы осуществлялось А. Г. Марахтановым.

Несмотря на то что проект носил междисциплинарный характер, в настоящей статье мы остановимся на результатах и перспективах работы лингвистического сектора.

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Основная цель проекта связана с созданием медиатеки – фундаментального цифрового архива. Его макроструктура включает ряд баз данных (далее – БД), презентирующих диалектную, ономастическую лексику, а также текстовые записи разных лет, выполненные в населенных пунктах Карельского Поморья (Беломорском, Кемском, Лоухском районах Карелии). Данный прикладной аспект как новый этап словарного дела обусловлен задачей сохранения материалов и их непрерывной обработки, связанной с постоянным дополнением сведений и коррекции уже имеющихся, а потому одной из отличительных черт медиатеки является «открытый вход». Это достаточно важный фактор, поскольку открытый вход дает возможность исследователям вводить в научный оборот неограниченный по количеству единиц любого уровня материал, что позволяет охарактеризовать медиатеку как лексикографический источник тезаурусного типа определенного региона. Информационная система разработана на базе YiiFramework 2 и СУБД MySQL, доступна по адресу: <https://lexis.petrsu.ru/>. Доступ к базам данных предоставляется зарегистрированным пользователям.

Создание каждой БД медиатеки «Диалектная лексика и ономастика Карелии» имеет ряд необходимых этапов:

1. Отбор источников, в состав которых входили:
 - а) делопроизводственные (опубликованные и рукописные) документы начиная с XVI века;
 - б) опубликованные фольклорные тексты;
 - в) картотека диалектных слов;
 - г) диалектные записи (рукописные и аудиозаписи), хранящиеся в Лаборатории ЛКЭ, архивах разного статуса, музеях, библиотеках.

2. Разработка параметров описания единиц: определение полей описания (общие и специфические для разных БД), их количество, объем

и прочие особенности метаязыка, необходимые при составлении БД.

3. Регистрация и обработка материала в БД в соответствии с установленными параметрами.

4. Отбор программных приложений, позволяющих авторам оптимально расположить информацию, хранить ее и использовать сведения для последующих теоретических или эмпирических описаний.

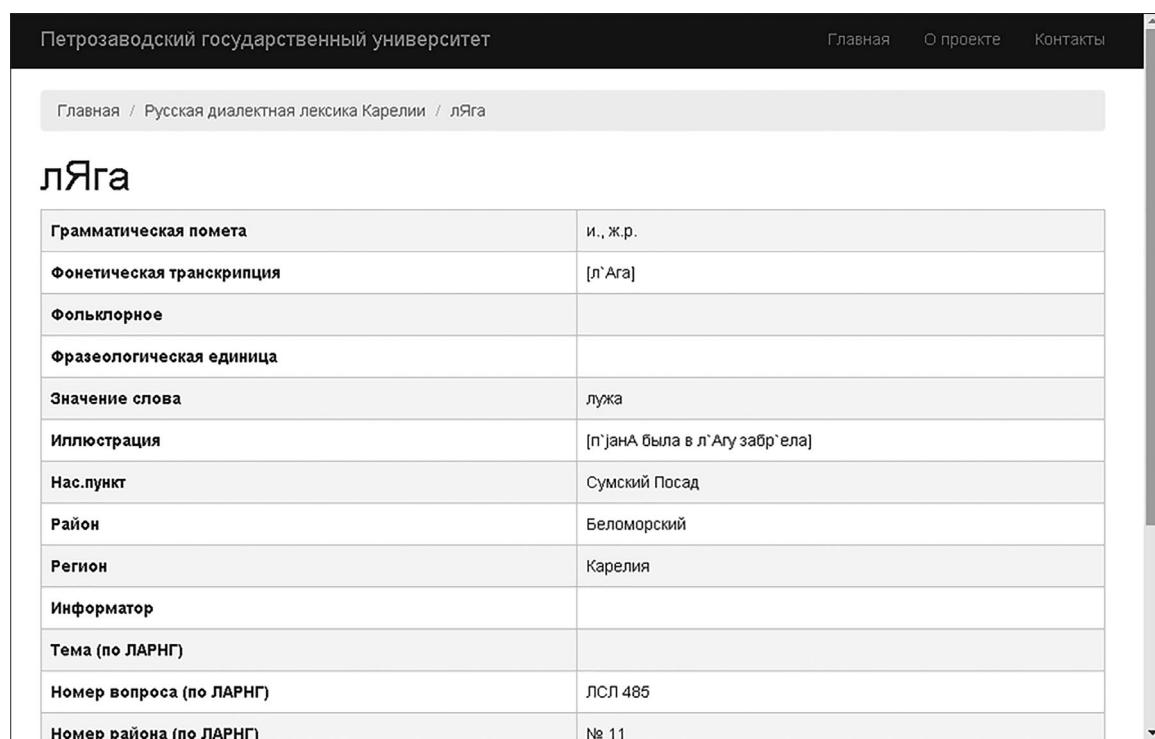
Базы данных на сегодняшний момент имеют разную степень наполнения и разработки, что обусловлено количеством материала, временными затратами, связанными с погружением участника проекта в тему исследования, человеческими ресурсами и проч.

Кратко опишем имеющиеся в медиатеке «Дialectная лексика и ономастика Карелии» базы данных, возможности их использования в научных целях.

1. База данных «Русская dialectная лексика Карелии» (авторы Е. Р. Гусева, И. Н. Дьячкова,

исполнители – большая часть коллектива проекта). Работа состояла в выявлении в архивных материалах Лаборатории ЛКЭ диалектных слов, относящихся к Карельскому Поморью, которые собирались в течение второй половины XX века по настоящее время преподавателями и студентами-филологами Карельского государственного педагогического института (университета, академии) и Петрозаводского государственного университета. В 90-е годы XX века эти сведения наряду с данными, зафиксированными в других русских регионах Карелии и сопредельных территориях, послужили основой «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (1994–2005)².

Поля БД большей частью совпадают с зонами словарной статьи «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» – диалектного словаря дифференциального типа: заголовочное слово, грамматическая зона, зона толкования, иллюстрации (рис. 1).



The screenshot shows a web-based database interface for the 'Russian dialect lexicon of Karelia'. The top navigation bar includes links for 'Петрозаводский государственный университет', 'Главная', 'О проекте', and 'Контакты'. Below the navigation is a breadcrumb trail: 'Главная / Русская dialectная лексика Карелии / ляга'. The main content area is titled 'ляга' and contains a table with the following data:

Грамматическая помета	и., ж.р.
Фонетическая транскрипция	[л'Ага]
Фольклорное	
Фразеологическая единица	
Значение слова	лужа
Иллюстрация	[Г'янА была в л'Агу забр'ела]
Нас.пункт	Сумский Посад
Район	Беломорский
Регион	Карелия
Информатор	
Тема (по ЛАРНГ)	
Номер вопроса (по ЛАРНГ)	ЛСЛ 485
Номер района (по ЛАРНГ)	№ 11

Рис. 1. Электронная база данных «Русская dialectная лексика Карелии»

Figure 1. Electronic database “Russian dialect lexis of Karelia”

В словарь вошел не весь массив сведений картотеки, поэтому перед карельскими диалектологами всталая задача его дополнения. Кроме того, в отличие от словаря в электронную БД вводится вся представленная на бумажной карточке информация: приводится точная

пространственная локализация лексемы – указываются не только районы Карелии, но и населенные пункты, в которых бытовало слово; отражено время фиксации лексемы, сведения о диалектоносителе и др. (рис. 2). Введено около 2000 ед.

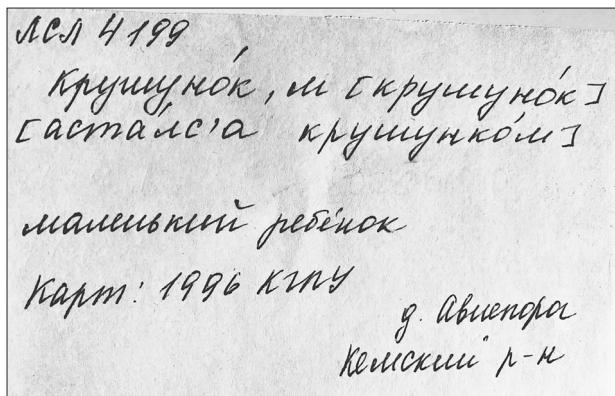
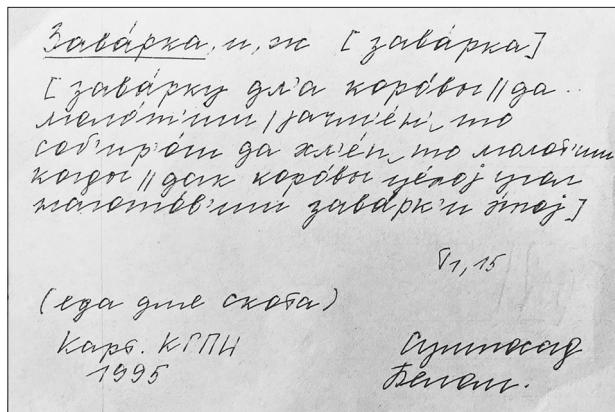


Рис. 2. Карточки из картотеки диалектных слов (архив Лаборатории ЛКЭ)

Figure 2. Cards from the index of dialect words (archive of the Laboratory of Linguistic Local Studies and Language Ecology)

Предполагается, что в БД войдут диалектные слова, извлеченные из фольклорных источников. Н. Г. Урванцевой осуществлена выборка более 3000 единиц из беломорских сказок М. М. Коргуба и Ф. Н. Свильина, монографий «Русская свадьба Карельского Поморья: (в селах Колежме и Нюхче)» (1980), «Русские народные песни Карельского Поморья» (1971) и других источников³. Проводится камеральная обработка материала.

Таким образом, у исследователя появляется возможность проследить динамику лексической диалектной системы как отдельного населенного пункта, так и более крупного территориального объединения и в целом – выявить изменения социального, экономического характера в истории региона, отраженные в слове; установить источники формирования отдельной частной диалектной системы и более крупных объединений; провести историко-этимологический, ареальный, словообразовательный анализ лексических единиц и т. д., функционирующих на той или иной территории Карелии; определить процессы, проходящие на различных уровнях в зоне контактирования иноструктурных языков.

Подобного рода исследования представлены в публикациях Л. П. Михайловой [23], [24], Е. Р. Гусевой [11]. К примеру, при выявлении этимологии лексемы *приходо́тье* ‘возлюбленный, милый’, зафиксированной на территории Карельского и Архангельского Поморья, обнаружилось, что она, по всей видимости, имеет генетические связи со словом *пригожий* и появилась в русской диалектной среде в результате «обратного заимствования»:

«Появление слова *приходо́тье* ярко свидетельствует о сложных лингвистических процессах в зонах длительного этнокультурного взаимодействия, к которым относится Карельское Поморье» [23: 186].

2. Диалектная текстовая база данных. Актуальность создания диалектной текстовой БД не подлежит сомнению, поскольку она вписывается в проекты по диалектной корпусной лингвистике. Этот ресурс по содержанию пересекается с уже представленной в п. 1 БД по лексике. Однако диалектная текстовая база имеет свое собственное назначение, определяемое прежде всего задачами, которые ставят диалектологи ПетрГУ. Авторами этой БД – И. А. Кюрушуновой и Е. Р. Гусевой – описаны принципы подачи и метаразметки текстов, перспективы ее использования. Основным отличием ресурса, соотносимого с Карельским Поморьем, является предназначение текстовой БД не для узкого, а для широкого круга пользователей. Необходимость продуктивного использования диалектных нарративов в различных областях гуманитарного знания обусловливает появление некоторых отступлений от строгой корпусной разметки текстов, особенно в области фонетики и грамматики. Несмотря на то что особенности создания и включения материалов уже были представлены в докладах и статье авторов [20], кратко опишем их. Текстовая БД составлена в приложении FileMakerPro (выбор приложения зависит от предпочтений автора-составителя, однако оно должно конвертировать информацию из одной программы в другую). БД включает рукописные записи, аудиозаписи, видеоматериалы, выполненные в Беломорском, Кемском, Лоухском районах Карелии студентами и специалистами-диалектологами во время полевых исследований с конца 60-х годов XX века. Эти записи оцифрованы, частично расшифрованы и включены в электронный каталог, насчитывающий около 400 текстов. Определены поля текстовой БД, однако их состав, порядок следования, полнота заполнения информацией могут меняться. Составлен алгоритм обработки информации, представленной на разных

носителях; разработан образец оформления данных, ускоряющий процесс их введения в научный оборот, и правила подачи текстового материала в орфографизированной записи, что дает возможность обращения широкой

целевой аудитории к специфическим диалектным текстам (рис. 3). В перспективе лексические единицы текстовой БД могут связываться посредством гиперссылок с подобными единицами других БД медиатеки.

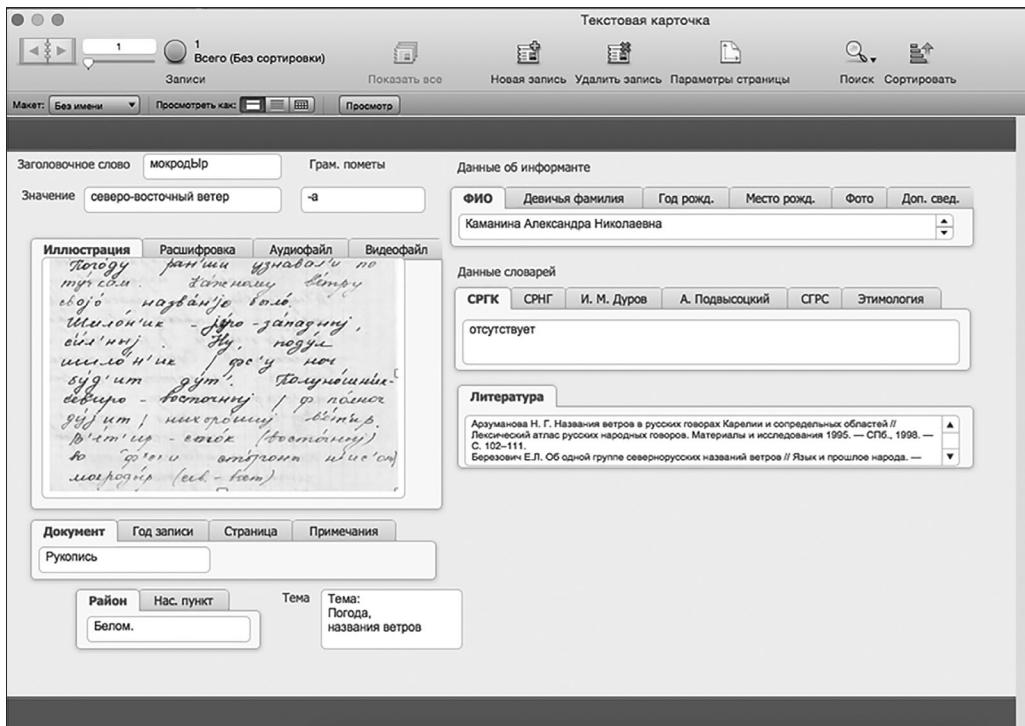


Рис. 3. Образец карточки текстовой базы данных

Figure 3. Sample of a text database card

3. База данных «*Региональная лексика памятников письменности Карелии*», разработчиками которой являются И. Н. Дьячкова, Е. Р. Гусева, построена по тому же типу, что и БД «Русская диалектная лексика Карелии». Отличие заключается в расширении границ описываемого материала – вводится не только диалектная, но и терминологическая и прочие тематические разряды лексики. Более того, проводится сопоставительный анализ с данными диалектных, исторических, современных толковых словарей, сведениями из Национального корпуса русского языка. В настоящий момент проведена камеральная обработка более 1500 лексических единиц (материал представлен в электронных таблицах Microsoft Excel), зафиксированных в соотношении с территорией Карельского Поморья списке «Летописца Соловецкого»⁴, ранее не подвергавшемся лингвистическому исследованию. Список, датируемый второй половиной 1790-х годов, принадлежит Национальной библиотеке Республики Карелия; рукопись написана одним почерком, «скорописью XVIII в.». В Соловецком летописце

повествуется о событиях в монастыре начиная с его основания; последние события, которые упоминаются в памятнике письменности, относятся к 1796 году. Частично материалы исторической БД представлены в статье И. Н. Дьячковой [15]. Отметим перспективность этой работы, поскольку территория Карелии, в частности Карельского Поморья, не раз попадала в зону исторического описания, что отражено в делопроизводственных документах разной жанровой принадлежности.

4. База данных «*Историческая антропонимия Карелии XVI–XVII веков*» составлена И. А. Кюршуновой на материале деловых документов. В течение достаточно большого периода проводилась подготовительная работа по сбору материалов из официально-деловых и актовых (частно-деловых) источников⁵, относящихся к территории Выгозерского погоста и Лопским погостам, изобилующих антропонимами – номинациями налогоплательщиков и лиц, ведущих различные деловые отношения друг с другом. Так, в БД из Писцовой книги Обонежской пятины

1563 года было внесено 1236 ономастических единиц, а из книги 1583 года – 1165 единиц. Для пополнения контента осуществлена сплошная выборка из документов 1616–1619 годов – 432 единицы, 1631 года – 403 единицы; из частно-деловых источников XVI века – 4025 единиц, XVII века – 487 единиц.

При разработке БД учитывался опыт создания подобного информационного ресурса, который был апробирован при изучении документов Олонец-

кого погоста. Однако во время работы по проекту РФФИ были уточнены поля введения информации, зонирована антропонимическая карточка, к описанию привлечены антропонимические единицы из документов разных лет; обращено внимание на сохранение отдельных ономастических единиц при переходе их из одного разряда в другой, например, отражение донационального именника в топонимии исследуемого региона, а также в современном фамильном фонде (рис. 4).

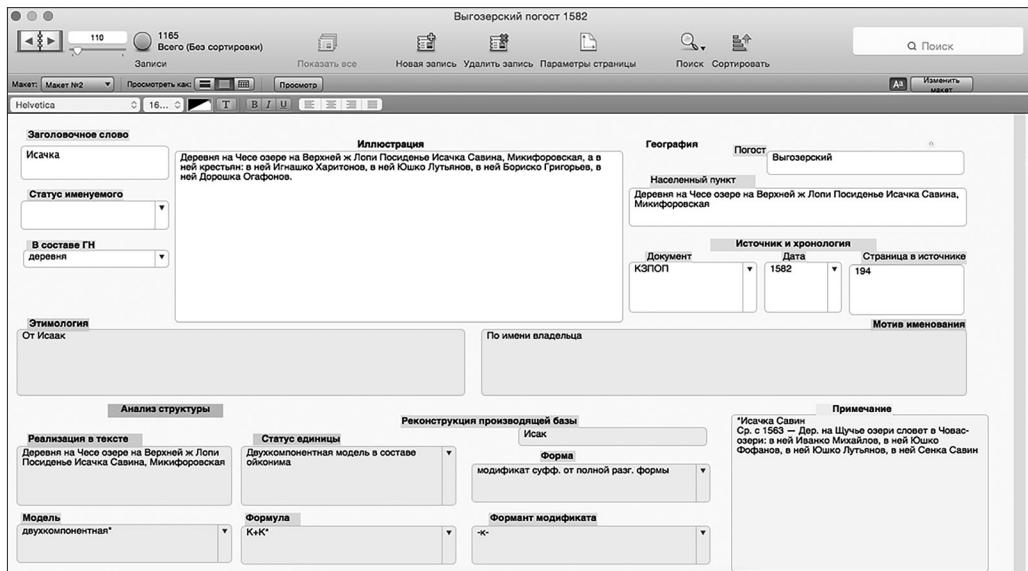


Рис. 4. Электронная карточка базы данных «Историческая антропонимия Карелии XVI–XVII веков»

Figure 4. Electronic card from the database “Historical anthroponymy of Karelia in the XVI and the XVII centuries”

Материалы БД послужили источником описания разных сторон донационального ономастика в статьях И. А. Кюршуновой [18], [19], [21].

5. Новым шагом в отечественной лексикографии является разработка БД на основе фольклорных текстов. Апробация проходит на материале сказок поморских сказителей М. М. Коргуева и Ф. Н. Свинына⁶, которые еще не были объектом лингвистического исследования. Ономастические единицы, извлеченные из сборников, включены в БД «Ономастикон сказок Карелии», параметры для которой были разработаны О. В. Семеновой: определены грамматические, семантические, ареальные и другие характеристики функционирующих в сказках именований. Количество онимов, уже описанных в указанном ресурсе, составляет в настоящий момент более 3500 единиц (материал представлен в электронных таблицах Microsoft Excel), остальные подвергнуты первичной камеральной обработке. Об актуальности введения ономастических материалов в научный оборот из этой БД свидетельствуют статьи О. В. Се-

меновой [27], [28], написанные во время работы по проекту.

Базы данных «Историческая антропонимия Карелии XVI–XVII веков», «Ономастикон сказок Карелии», «Русская диалектная лексика Карелии», программа для ЭВМ «Информационная система “Диалектная лексика и ономастика Карелии”» прошли государственную регистрацию⁷.

ПОЛЕВЫЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Полевые исследования, состоявшиеся в 2018–2019 годах, были проведены в семи населенных пунктах Беломорского района: Нюхче, Колежме, Сумском Посаде, Вирме, Сумострове, Ендогубе, Хвойном (экспедиции в Кемский и Лоухский районы Карелии, запланированные в 2020 году, не состоялись из-за коронавируса).

Экспедициям предшествовала большая подготовительная работа, связанная с участием в ней молодых исследователей и приобщением к сбору материала местных жителей. Участники проекта – Е. Н. Варникова, Е. Р. Гусева, И. Н. Дьячкова, И. А. Кюршунова, Н. Г. Урванцева – провели

подготовительные занятия, разработав методические рекомендации по сбору диалектной лексики, фиксации текстов (в том числе фольклорных), записи ономастических данных (топонимов, антропонимов, зоонимов) [6], [14], [17], [30].

Во время экспедиций было опрошено более 40 информантов разного возраста, уровня образования и социального положения, записано на аудио-, видеосъемки более 150 часов живой речи: рассказы о жизни поморов в разные исторические периоды, фольклорные нарративы (песни, частушки, анекдоты и др.). С одной стороны, наблюдается подтверждающая устойчивость устно-поэтическая традиция народной культуры, с другой – новации, обусловленные глобализационными процессами, в которые вовлечены и периферийные регионы Русского Севера. Эти же явления отмечаются и при фиксации диалектной лексики и устойчивых выражений. Только от диалектоносителей старшего поколения записаны наиболее насыщенные местными словами образцы речи с уже редуцированными или утраченными грамматическими и фонетическими чертами, свидетельствующими в большей степени, чем явления лексического уровня, о нивелировке говоров.

Сбор лексического материала осуществлялся по программе «Лексического атласа русских народных говоров», фиксировалась ономастическая лексика: локальная микротопонимия (названия полей, пожен, покосов, болот, ручьев и т. д.), антропонимия (современные групповые и индивидуальные прозвища) и зоонимия (клички животных). Кроме того, производилась фото-, видеосъемка диалектоносителей, объектов материальной культуры, церковных артефактов. Экспедиционные материалы включены в камеральную обработку, вводятся в БД медиатеки «Диалектная лексика и ономастика Карелии». Предварительные итоги отражены в статьях Е. Н. Варниковой [4], [5], [7], И. Н. Дьячковой и О. В. Семеновой и др. [26], Л. П. Михайловой [23], [24], Н. Г. Урванцевой [29], [31].

Архивная работа – это также одно из важных направлений проекта, которое включает два вида деятельности: 1) создание архивных материалов, содержащих лингвистический материал; 2) извлечение из архивных материалов историко-лингвистических сведений.

Архивирование материалов, содержащих лингвистические сведения, осуществлялось на протяжении всей работы по проекту «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI века)». С целью визуализации ономастических и апеллятивных диалектных сведений по Карельскому Поморью оцифрованы и введены данные в электронный научный архив Лаборатории

ЛКЭ ПетрГУ. Во-первых, были подвергнуты оцифровке рукописные записи диалектной речи начиная с конца 60-х годов XX века, относящиеся к Карельскому Поморью, хранящиеся в Лаборатории ЛКЭ: записи сканированы, переведены в орфографизированный вид, проводится их лексикографическая обработка – сопоставление данных с материалами диалектных словарей с целью выявления исследовательских лакун. Подобная работа проведена с диалектными текстами, записанными в экспедициях 2018–2019 годов, а также архивными аудиозаписями, хранящимися в Лаборатории. Во-вторых, оцифрованы материалы семейных архивов поморов, собранные в экспедициях по Карельскому Поморью в 2018–2019 годах: церковные книги, рукописные тексты и т. д. К примеру, опубликованы рассказы жителя дер. Сумостров Беломорского района Э. И. Риккинена, основанные на его воспоминаниях о послевоенном времени [13]. В-третьих, к архивным материалам могут быть отнесены аудио-, видеозаписи, а также экспедиционные фотоматериалы разных лет, представляющие этнографические реалии, объекты природного и историко-культурного наследия, фотографии информантов и т. д. Таким образом, формируются аудио-, видео-, фотоархивы с широкими задачами их использования в разных целях.

Не менее важной является задача извлечения материалов из документов, хранящихся в учреждениях и структурных подразделениях организаций разного уровня, включая музеи. Пожалуй, наиболее важным для диалектологической работы является факт отражения в языке архивных документов местной лексики и грамматики, названий географических объектов, которые не наносятся на официальную карту. Поэтому в рамках проекта была проведена работа в Национальном архиве Республики Карелия: сканированы картографические материалы, выявлены рукописные и машинописные тексты документов Беломорского, Кемского, Лоухского районов и Кемского уезда конца XIX – первой половины XX века, содержащие различные тематические группы лексики: рыболовство, оленеводство, охота, местные географические названия, административную и сельскохозяйственную терминологию и др. (см. статьи Л. П. Михайловой и А. В. Приображенского об использовании документов первой половины XX века для изучения лексико-семантической системы и топонимики Карельского Поморья [22], [25]).

Древние архивные источники использовались И. А. Кюршуновой при работе над БД «Историческая антропонимия Карелии XVI–XVII веков», проведена транслитерация и архивация сведений из Писцовой книги Заонежских

погостов Обонежской пятины 1631 года⁸. Материалы послужили основой для написания серии статей [18], [19], [21].

Многопрофильному исследованию подвергнут текст «Переписной книги, конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г.» из Российского государственного архива древних актов, выбраны и описаны зоонимические факты этого источника, что нашло отражение в статьях Е. Н. Варниковой по исторической зоонимии [1], [2], [3], [8], [9].

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Одной из актуальных целей проекта являлась интеграция упорядоченного в виде баз данных материала в научный, образовательный, просветительский процессы широкого гуманистического спектра. Исполнителями проекта РФФИ проведена большая учебно-методическая, культурно-просветительская работа с целью привлечения студентов, школьников, специалистов различного профиля, краеведов, заинтересованных в изучении языка, истории, культуры края, к сбору и обработке диалектного, исторического, этнокультурологического материала.

В 2018 году филологи участвовали в мероприятиях, инициированных карельской Ассоциацией этнокультурных центров и организаций по сохранению культурного наследия «Эхо»: прочитали доклады о поморском языке в Национальном музее Карелии. В экспедиции 2018 года был организован и проведен учебно-методический семинар «Карельское Поморье: нить времен» в Центре поморской культуры г. Беломорска.

При участии телеканала ГТРК «Карелия» и Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ в 2019 году записаны видеолекции о речевой культуре Русского Севера: И. Н. Дьячковой «Заговоры Карельского Поморья», Н. Г. Урванцевой «Русские сказки Карелии», Е. Р. Гусевой «Традиционная языковая среда Карельского Поморья»⁹. Во время диалектологической экспедиции 2019 года проведена Летняя школа *Moja rå tvoya* («Говорю на твоем языке»): прочитаны научно-популярные лекции, организованы мастер-классы и т. д.

В 2020 году сотрудниками Лаборатории ЛКЭ и ИЛЛМИК проведен V Открытый региональный конкурс исследовательских работ «Край родной – родное слово: язык, история, культура, ландшафт», направленный на выявление историко-культурного своеобразия районов Карелии и сопредельных областей. Участники конкурса – краеведы, школьники, учителя, работники музеев и домов культуры. Активное

участие в конкурсе приняли жители Карельского Поморья [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многоаспектный по направлениям и методическим задачам проект, нацеленный на изучение языка определенного региона, позволил не только провести ряд исследований, внедрить в научный оборот новые материалы, но и определить задачи последующих изысканий.

Основные выводы по проекту и перспективы следующего этапа работы связаны с использованием цифровых технологий, созданием электронных ресурсов. Так, первый опыт обращения к медиатеке как средству хранения больших объемов информации – лингвистических единиц разного уровня, а также текстов, изображений, аудио- и видеозаписей – показал, что таким образом возможно создание особой лексикографической среды тезаурусного типа, где органично дополняют друг друга различные виды информации, относящиеся к определенному региону. Региональный подход в данном случае является весьма эффективным при решении самых разных задач исследовательского плана с широкой перспективой разработки подобных систематизированных и даже несистематизированных структур. Применение компьютерных технологий допускает обращение в будущем к поиску (по типу гиперссылок) пересекающихся элементов, зафиксированных в разных базах данных медиатеки. Важной характеристикой динамического электронного ресурса, работающей на перспективу последующих исследований, является открытый вход, который позволяет вносить новые сведения (полевые или архивные, исторические или современные), корректировать и картографировать данные, визуализируя их.

Таким образом, представленный в базах данных контент – это своеобразное наращиваемое естественным образом информационное поле, элементы которого могут быть языковыми (лексемы, грамматические формы, текст) и неязыковыми (графические, аудио-, видеозаписи и т. д.). Кроме того, компьютерные технологии позволяют решать задачи экстравелингвистического плана – дают возможность обращения к ним представителей не только гуманитарных наук. Данные, введенные в медиатеку «Диалектная лексика и ономастика Карелии», сведения, полученные при полевом исследовании региона, уже стали неоценимой фактологической базой для комплекса региональных изысканий по лингвистике, истории, фольклористике, этнографии, географии, а также представлены в научно-исследовательских, просветительских, учебных публикациях широкого гуманитарного спектра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В настоящее время Лаборатория ЛКЭ является структурным подразделением Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ. Однако история ее создания и активная работа связана с Карельской государственной педагогической академией (институтом / университетом), вошедшей в 2013 году в состав ПетрГУ.
- ² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- ³ Максимов С. В. Год на Севере. СПб.: Изд-е книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859. Т. 1. Белое море и его прибрежья. 646 с.; Русская свадьба Карельского Поморья: (в селах Колежме и Нючче). Петрозаводск: Карелия, 1980. 220 с. (Памятники фольклора Карелии); Русские народные песни Карельского Поморья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 452 с.; Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.; Свинаин Ф. Н. Избранные сказки Ф. Н. Свинаина. Петрозаводск, 2016. 199 с.; Серебряный корабль: Сказки Матвея Коргугева / Лит. пересказ В. Пулькина. Петрозаводск: Карелия, 1988. 112 с. (Сказители и рунопевцы); Сказки Карельского Беломорья. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. Т. 1. Кн. 1: Сказки М. М. Коргугева. 660 с.; Сказки Карельского Беломорья. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. Т. 1. Кн. 2: Сказки М. М. Коргугева. 676 с.
- ⁴ Летописец Соловецкий (текст по списку конца XVIII в. из фондов НБ РК) / Подгот. к публ. и текстол. comment. Е. Н. Кутьковой. Петрозаводск: Изд-во Национ. библиотеки РК, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.karelia.ru/Resursy/Rukopisnye_knigi/Letopisec_Soloveckij/ (дата обращения 07.05.2021).
- ⁵ Писцовая книга Обонежской пятини 1563 г. Л., 1930; Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятини 1582/83 гг.: Заонежские погосты. Петрозаводск: Йоэнсуу, 1993; Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятини П. Войкова и дьяка И. Льговского 1616/19 гг. в транслитерации И. А. Черняковой, Е. Д. Сусловой; Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятини 1631 г. в транслитерации И. А. Кюршуновой. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308.
- ⁶ Свинаин Ф. Н. Избранные сказки Ф. Н. Свинаина. Петрозаводск, 2016. 199 с.; Сказки Карельского Беломорья. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. Т. 1. Кн. 1: Сказки М. М. Коргугева. 660 с.; Сказки Карельского Беломорья. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. Т. 1. Кн. 2: Сказки М. М. Коргугева. 676 с.
- ⁷ Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Историческая антропонимия Карелии XVI–XVII вв.» № 2018620314 от 20.02.2018; Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Ономастикон сказок Карелии» № 2018620313 от 20.02.2018; Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Русская диалектная лексика Карелии» № 2018620256 от 13.02.2018; Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ «Информационная система “Диалектная лексика и ономастика Карелии”» № 2018611474 от 02.02.2018.
- ⁸ Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятини 1631 г. в транслитерации И. А. Кюршуновой. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308.
- ⁹ Видеолекции участников экспедиции: Гусева Е. Р. Традиционная языковая среда Карельского Поморья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/rat7ykiFPuM> (дата обращения 07.05.2021); Дьячкова И. Н. Заговоры Карельского Поморья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/8UwO9cPUrw> (дата обращения 07.05.2021); Урванцева Н. Г. Русская сказка Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/AC40g6wiLcg> (дата обращения 07.05.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варникова Е. Н. Диахронические изменения в русской зоонимии // Ономастика Поволжья: Материалы XVII Междунар. научн. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года). В. Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. С. 422–426.
- Варникова Е. Н. Из истории русских кличек лошадей (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI–XVII вв.) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. научн. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 62–64.
- Варникова Е. Н. Использование исторической зоонимии при реконструкции древнерусского именослова // Ономастика Поволжья: Материалы XVIII Междунар. научн. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: В 2 т. Т. 1. Кострома: Костромск. гос. ун-т, 2020. С. 165–171.
- Варникова Е. Н. Клички животных в «Словаре русских народных говоров» // Северорусские говоры. 2019. № 18. С. 81–104.
- Варникова Е. Н. Лингвокультурный потенциал русской зоонимии // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: Сб. материалов Всерос. с междунар. участием научн. конф., [23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград]. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 367–372.
- Варникова Е. Н. Методические рекомендации по сбору зоонимического материала // CARELiCA: научный электронный журнал. 2019. № 1 (21). С. 40–53. DOI: 10.15393/j14.art.2019.126 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2019_1/Varnikova.pdf (дата обращения 14.04.2021).
- Варникова Е. Н. Названия мастей лошадей в «Словаре русских народных говоров» // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII междунар. научн. конф., посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогич. образования во Владимирской области (Владимир, 24–26 сентября 2019 г.). Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 99–101.
- Варникова Е. Н., Черкасова М. С. Переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г.: историко-лингвистический комментарий // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 124–151.
- Варникова Е. Н. Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI–XVIII вв.) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 47–83.

10. Гусева Е. Р., Марахтанов А. Г. Информационная система «Диалектная лексика и ономастика Карелии» как динамический медиаресурс по краеведению // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 89–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.314
11. Гусева Е. Р. Ландшафтная лексика в русских говорах Карельского Поморья (стреж, стрежень) // ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС. Чтения памяти Э. Ф. и Ф. Г. Чиспияковых: Сб. науч. ст. Новокузнецк: КГПИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2021. С. 181–191.
12. Гусева Е. Р., Чернякова И. А. Пятый конкурс «Край родной – родное слово: язык, история, культура, ландшафт»: из опыта организации исследовательской работы по регионоведению // CARELiCA: научный электронный журнал. 2020. № 1 (23). С. 172–183. DOI: 10.15393/j14.art.2020.151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2020_1/Guseva_2.pdf (дата обращения 14.04.2021).
13. Гусева Е. Р. «Боль бытия»: история вынужденного переселенца в рассказах Эрикки Риккинена из деревни Сумостров Беломорского района Карелии // Балагуровские чтения: Материалы VIII межрегионального краевед. конф., Беломорск, 22 октября 2019 г. Беломорск: Центр поморской культуры, 2020. С. 70–108.
14. Гусева Е. Р. Методические рекомендации по сбору диалектного материала // CARELiCA: научный электронный журнал. 2018. № 1 (19). С. 65–86. DOI: 10.15393/j14.art.2018.113 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2018_1/Guseva.pdf (дата обращения 14.04.2021).
15. Дьячкова И. Н. Имена числительные в летописных памятниках Русского Поморья (на материале «Соловецкого летописца» XVIII в.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. № 9 (132). С. 113–118.
16. Кюрушунова И. А., Гусева Е. Р. Карельское Поморье в лингвистическом контексте // Научный диалог. 2020. № 10. С. 62–95.
17. Кюрушунова И. А. Методические рекомендации по сбору и оформлению местных географических названий // CARELiCA: научный электронный журнал. 2018. № 1 (19). С. 87–106. DOI: 10.15393/j14.art.2018.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2018_1/Kyurshunova_2.pdf (дата обращения 14.04.2021).
18. Кюрушунова И. А. Некалендарные личные имена в контексте этнолингвистики (по материалам письменных источников Карелии XV–XVII вв.) // Притяжение Севера: язык, литература, социум: Материалы I Междунар. научн.-практ. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 549–555.
19. Кюрушунова И. А. Новые подходы в исследовании ономастических материалов // Ономастика Поволжья: Материалы XVII Междунар. научн. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года). В. Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. С. 73–77.
20. Кюрушунова И. А., Гусева Е. Р. Особенности создания диалектной текстовой базы данных (по материалам записей Карельского Поморья) // CARELiCA: научный электронный журнал. 2019. № 1 (21). С. 1–17. DOI: 10.15393/j14.art.2019.124 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2019_1/KYURSHUNOVA.pdf (дата обращения 14.04.2021).
21. Кюрушунова И. А. Региональный ономастикон донационального периода как источник этнокультурной информации // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. научн. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 191–193.
22. Михайлова Л. П., Приображенский А. В. Деловые документы 30-х – 50-х гг. XX века как источник изучения топонимии Карелии // Ономастика Поволжья: Материалы XVII Междунар. научн. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года). В. Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. С. 138–142.
23. Михайлова Л. П. К поиску этимологии необычного русского слова в этноконтактной зоне Карельского Поморья (приходохтье) // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 186–190.
24. Михайлова Л. П. Лексико-фонетические варианты в системе диалектных лексических различий // Фортунатовские чтения в Карелии: Сб. докладов междунар. научн. конф. (10–12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск): В 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 261–264.
25. Михайлова Л. П., Швайко В. И. Материалы к словарю деловых документов Беломорья XIX – начала XX века // CARELiCA: научный электронный журнал. 2018. № 2 (20). С. 19–51. DOI: 10.15393/j14.art.2018.118 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2018_2/Mikhailova.pdf (дата обращения 14.04.2021).
26. Особенности поморского говора в начале XXI века в деревне Колежма Беломорского района / Дьячкова И. Н. [и др.] // CARELiCA: научный электронный журнал. 2019. № 2 (22). С. 29–38. DOI: 10.15393/j14.art.2019.13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2019_2/Dyachkova.pdf (дата обращения 14.04.2021).
27. Семенова О. В. Антропонимикон «Беломорских сказок» М. М. Коргуева // Притяжение Севера: Язык, Литература, Социум: Материалы I Междунар. научн.-практ. конференции: В 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 572–579.
28. Семенова О. В. Ономастикон сказок Ф. Н. Свиньина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. научн. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 296–298.
29. Урванцева Н. Г. Детский фольклор в «Словаре живого поморского языка» И. М. Дурова // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конф. по изучению и актуализации традиц. культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 467–469.
30. Урванцева Н. Г. Методические рекомендации по сбору фольклорного материала // CARELiCA. 2018. № 1 (19). С. 107–121. DOI: 10.15393/j14.art.2018.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2018_1/Urvantseva.pdf (дата обращения 14.04.2021).

31. Урванцева Н. Г. Сказки о папанинцах в творчестве сказителей Карельского Поморья // CARELiCA. 2019. № 2 (22). С. 39–46. DOI: 10.15393/j14.art.2019.13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petsru.ru/2019_2/Urvantseva.pdf (дата обращения 14.04.2021).

Поступила в редакцию 14.05.2021; принята к публикации 30.07.2021

Review article

Elena R. Guseva, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9896-6019; raflatovna@mail.ru

Irina A. Kyurshunova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7232-8756; kiam24@mail.ru

PHILOLOGICAL RESEARCH WITHIN THE PROJECT “KARELIAN POMORIE: LEXIS AND ONOMASTICS (XVI–XXI CENTURIES)”

A b s t r a c t. The article presents the results of the work of the Laboratory of Linguistic Local Studies and Language Ecology of the Petrozavodsk State University Humanitarian Innovation Park carried out within the interdisciplinary project “Karelian Pomorie: Lexis and Onomastics (XVI–XXI Centuries)”. The project is aimed at preserving and studying the cultural heritage of the region, which is unique in ethnic and historical terms. The main task was to create a fundamental digital archive (media library) intended for research, educational and enlightenment purposes. During the implementation of the project a number of research, applied, educational and methodological problems were solved. Databases were developed that include modern and historical factual language material from the XVI century to the present day, which was partially analyzed within the framework of various linguistic approaches (systemic structural and anthropocentric ones). A secondary survey of Pomor (the White Sea) dialects was carried out in order to identify the degree of the dialect system preservation, as well as to replenish and clarify the data available in the laboratory’s archive. The media library is an unparalleled innovative linguistic electronic resource. This experience of creating an information system can be used to develop similar systematized structures for other regions of Russia.

Key words: project work, Karelian Pomorie, media library, databases, North Russian dialects, Russian dialectology, computer lexicography, onomastics, historical lexicology, linguistic contactology

For citation: Guseva, E. R., Kyurshunova, I. A. Philological research within the project “Karelian Pomorie: Lexis and Onomastics (XVI–XXI Centuries)”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):26–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.677

REFERENCES

1. Varnikova, E. N. Diachronic changes in Russian zoonyms. *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVII international research conference (Veliky Novgorod, September 17–20, 2019)*. Veliky Novgorod, 2019. P. 422–426. (In Russ.)
2. Varnikova, E. N. The history of Russian horse names (according to the census books of Vologda monasteries of the XVI–XVII centuries). *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference. Yekaterinburg, September 9–13, 2019*. Yekaterinburg, 2019. P. 62–64. (In Russ.)
3. Varnikova, E. N. The use of historical zoonyms for reconstructing the Old Russian name book. *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVIII international research conference. Kostroma, September 9–10, 2020*. In 2 vols. Vol. 1. Kostroma, 2020. P. 165–171. (In Russ.)
4. Varnikova, E. N. Nicknames of animals in “Dictionary of Russian Folk Dialects”. *Northern Russian Dialects*. 2019;18:81–104. (In Russ.)
5. Varnikova, E. N. Linguocultural potential of Russian zoonyms. *People’s Russia: scattering of languages, dialects, cultures: Proceedings of international research conference, [April 23–25, 2019, Volgograd]*. Volgograd, 2019. P. 367–372. (In Russ.)
6. Varnikova, E. N. Methodological recommendations for the collecting of zoonymous language materials. *CARELiCA*. 2019;1(21):40–53. DOI: 10.15393/j14.art.2019.12. Available at: http://carelica.petsru.ru/2019_1/Varnikova.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
7. Varnikova, E. N. Names of horse colors in the Dictionary of Russian Folk Dialects. *Language categories and units: syntagmatic aspect: Proceedings of the XIII international research conference commemorating the 90th anniversary of Professor A. B. Kopeliovich and the 100th anniversary of pedagogical education in the Vladimir region (Vladimir, September 24–26, 2019)*. Vladimir, 2019. P. 99–101. (In Russ.)
8. Varnikova, E. N., Cherkasova, M. S. Stable yard inventory book of the Spaso-Prilutsky Monastery of 1702: historical and linguistic commentary. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2020;2(30):124–151. (In Russ.)
9. Varnikova, E. N. Semantic and word-formation features of horse names in the history of the Russian language (based on the inventory books of Vologda monasteries in the 16th – early 18th centuries). *Problems of Onomastics*. 2020;17(1):47–83. (In Russ.)

10. Guseva, E. R., Marakhtanov, A. G. Information system “Dialect Lexis and Onomastics of Karelia” as a dynamic media resource for local studies. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;3(180):89–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.314 (In Russ.)
11. Guseva, E. R. Landscape lexis in Russian dialects of Karelian Pomorie (strezh, strezhen’). *LANGUAGE. CULTURE. ETHNOS. Readings in memory of E. F. and F. G. Chispiyakov: Collection of articles*. Novokuznetsk; Krasnoyarsk, 2021. P. 181–191. (In Russ.)
12. Guseva, E. R., Chernyakova, I. A. The fifth contest “Native Land – Native Word: Language, History, Culture, Landscape”: Experience of organizing research work in regional studies. *CARELiCA*. 2020;1(23):172–183. DOI: 10.15393/j14.art.2020.151. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2020_1/Guseva_2.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
13. Guseva, E. R. “The pain of being”: the story of a forced migrant in the stories of Erikki Rikkinen from the Sumostrov village in the Belomorsk district of Karelia. *Balagurov Readings: Proceedings of the VIII interregional local studies conference, Belomorsk, October 22, 2019*. Belomorsk, 2020. P. 70–108. (In Russ.)
14. Guseva, E. R. Methodological recommendations for the collecting of dialect materials. *CARELiCA*. 2018;1(19):65–86. DOI: 10.15393/j14.art.2018.113. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2018_1/Guseva.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
15. Dyachkova, I. N. Numerals in the chronicles of Russian Pomorie (on the material of the “Solovetsky Chronicler” of the 18th century). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2018;9(132):113–118. (In Russ.)
16. Kyurshunova, I. A., Guseva, E. R. Karelian seaside in a linguistic context. *Scientific Dialogue*. 2020;10:62–95. (In Russ.)
17. Kyurshunova, I. A. Methodological recommendations for the collecting and processing of local geographical names. *CARELiCA*. 2018;1(19):87–106. DOI: 10.15393/j14.art.2018.11. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2018_1/Kyurshunova_2.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
18. Kyurshunova, I. A. Non-calendar personal names in the context of ethnolinguistics (based on the written sources of Karelia between the XV and the XVII centuries). *Attraction of the North: language, literature, society: Proceedings of the I international research and practice conference*: In 2 parts. Part 1. Petrozavodsk, 2018. P. 549–555. (In Russ.)
19. Kyurshunova, I. A. New approaches to the study of onomastic materials. *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVII international research conference (Veliky Novgorod, September 17–20, 2019)*. Veliky Novgorod, 2019. P. 73–77. (In Russ.)
20. Kyurshunova, I. A., Guseva, E. R. Features of creating a dialect text database (based on records of Karelian Pomorie). *CARELiCA*. 2019;1(21):1–17. DOI: 10.15393/j14.art.2019.124. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2019_1/KYURSHUNOVA.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
21. Kyurshunova, I. A. Regional onomasticon of the pre-national period as a source of ethnocultural information. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference. Yekaterinburg, September 9–13, 2019*. Yekaterinburg, 2019. P. 191–193. (In Russ.)
22. Mikhailova, L. P., Priobrazhensky, A. V. Business documents of the period between the 1930s and the 1950s as a source for studying Karelian toponymics. *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVII international research conference (Veliky Novgorod, September 17–20, 2019)*. Veliky Novgorod, 2019. P. 138–142. (In Russ.)
23. Mikhailova, L. P. On the search for the etymology of the unusual Russian word in the ethno-contact zone of the Karelian Pomorie (приходо́тье). *Vestnik of Kostroma State University*. 2018;24(3):186–190. (In Russ.)
24. Mikhailova, L. P. Lexical and phonetic variants in the system of dialect lexical differences. *Fortunatov Readings in Karelia: Proceedings of the international research conference (September 10–12, 2018, Petrozavodsk)*: In 2 parts. Part 1. Petrozavodsk, 2018. P. 261–264. (In Russ.)
25. Mikhailova, L. P., Shvaiiko, V. I. Materials to the dictionary of Belomoria business documents XIX – beginning XX. *CARELiCA*. 2018;2(20):19–51. DOI: 10.15393/j14.art.2018.118. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2018_2/Mikhailova.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
26. Specific features of the Pomor dialect at the beginning of the 21st century (Kolezhma village of the Belomorsk region). Dyachkova I. N. [et al.] *CARELiCA*. 2019;2(22):29–38. DOI: 10.15393/j14.art.2019.13. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2019_2/Dyachkova.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
27. Semenova, O. V. Anthroponymicon of *The White Sea Fairy Tales* by M. M. Korguev. *Attraction of the North: language, literature, society: Proceedings of the I international research and practice conference*. In 2 parts. Part 1. Petrozavodsk, 2018. P. 572–579. (In Russ.)
28. Semenova, O. V. Onomasticon of F. N. Svinin’s fairy tales. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference. Yekaterinburg, September 9–13, 2019*. Yekaterinburg, 2019. P. 296–298. (In Russ.)
29. Urvantseva, N. G. Children’s folklore in the Dictionary of the Living Pomor Language by I. M. Durov. *Ryabinin Readings – 2019: Proceedings of the VIII conference on the study and actualization of the traditional culture of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 467–469. (In Russ.)
30. Urvantseva, N. G. Methodological recommendations for the collecting of folklore material. *CARELiCA*. 2018;1(19):107–121. DOI: 10.15393/j14.art.2018.11. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2018_1/Urvantseva.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)
31. Urvantseva, N. G. Papanin and his comrades in the tales of the Pomor folk narrators. *CARELiCA*. 2019;2(22):39–46. DOI: 10.15393/j14.art.2019.13. Available at: http://carelica.petrsu.ru/2019_2/Urvantseva.pdf (accessed 14.04.2021). (In Russ.)

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, научный сотрудник секции языкоznания Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

ЯЗЫК ТВЕРСКИХ КАРЕЛОВ: ЧЕТЫРЕ ВЕКА ИСТОРИИ

Аннотация. На протяжении четырех столетий тверские карелы проживают на территории Верхневолжья в изоляции от остальных прибалтийско-финских народов и в окружении русскоязычного населения. Невзирая на сложные перипетии истории, им удалось не просто сохранить и донести свой язык до современного поколения, но и создать его литературную норму, а также накопить уникальное письменное наследие, хранящее в себе весь опыт народа. В статье предложен обзор истории исследования тверских диалектов карельского языка, основных этапов формирования тверской карельской письменности. Недавно открытые, а также впервые вводимые в научный оборот рукописные памятники XVII – начала XX века в совокупности с богатым достоянием последнего столетия позволяют проследить историю языка тверских карелов с момента их массового переселения на новую родину до настоящего времени. Применение к языку памятников филологического метода внутренней реконструкции, привлечение к исследованию диалектных текстов, записанных в XX столетии, позволяют в дальнейшем определить основные архаичные и инновационные черты языка тверских карелов. Лингвистический анализ учебной и художественной литературы 30-х годов прошлого века, а также последних трех десятилетий позволит определить основные тенденции процесса нормирования карельского языка в регионе.

Ключевые слова: карельский язык, тверские карелы, история языка, диалектология, письменность, памятник письменности, нормирование языка

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РFFI в рамках научного проекта № 20-012-00200A.

Для цитирования: Новак И. П. Язык тверских карелов: четыре века истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 38–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.678

ВВЕДЕНИЕ

Современные карельские говоры Тверской Карелии¹ являются наследниками древнекарельского языка. Они сформировались в Верхневолжье как следствие вызванного военным противостоянием России и Швеции переселения карелов из Северо-Западного Приладожья. Историки выделяют несколько этапов переселения карелов в Замосковье: спорадические переселения 80–90-х годов XVI века; массовые переселения 30–70-х годов XVII века (стихийные в начале периода и организованные с 1656 года); незначительные переселения начала XVIII века² [10], [11].

Быстрые темпы прироста населения в регионе указывают на то, что карелы на новом месте жительства чувствовали себя комфортно. В 1834 году насчитывалось около 83 тысяч, в 1897-м – около 118 тысяч, а в 1926-м уже свыше 140 тысяч карелов.

В «Списке карельских селений Московской области» 1932 года числится более 150 тысяч карелов³.

Вплоть до конца XIX века карельский язык служил основным средством общения в Тверской Карелии. Согласно данным переписи населения 1897 года, двуязычными являлись 37,1 % мужчин и всего около 6,7 % женщин⁴. По данным переписи 1926 года, более 95 % карелов владели карельским языком⁵.

В середине XX века численность карелов Верхневолжья начала резко сокращаться (к 1959 году до 59 тысяч, к 1989-му до 23 тысяч человек), что объясняется последствиями коллективизации, репрессий, Великой Отечественной войны, массовых вербовок, урбанизации [2: 70–71], а также ассимиляции. XX век в истории тверских карелов характеризуется постепенным переходом на русский язык через двуязычие.

Согласно официальным данным, в 2010 году в Тверской области проживало 7394 карела. Общее число владеющих карельским языком составляло 3644 человека, 2750 человек указали карельский родным языком⁶, что является достаточно высоким показателем для современной ситуации. На настоящий момент карельский язык используется как язык семейно-бытового общения. Им владеют карелы старшего поколения, люди среднего возраста язык в лучшем случае понимают. Передача языка детям в семье была практически прервана в 1970–1980-е годы.

ТВЕРСКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА. ИСТОРИЯ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тверские диалекты карельского языка относятся к его собственно карельскому наречию, на котором говорят также карелы северной и средней Карелии, Ленинградской области и Финляндии (рис. 1). Говоры карельского языка населенных пунктов, расположенных на территориях бывших Вышневолоцкого, Новоторжского и Бежецкого уездов, составили основу самого крупного из тверских толмачевского диалекта. Бывший Весьегонский уезд объединил в одноименный диалект карельские говоры своей территории.

На территории бывшего Зубцовского уезда в нескольких деревнях вдоль р. Дёржа еще можно услышать говор единичных носителей находящегося на грани исчезновения дёржанского диалекта.

Фиксация и планомерное изучение языка тверских карелов были начаты силами финляндских исследователей во второй половине XIX – начале XX века. Первым в 1848 году тверские земли посетил фольклорист Д. Е. Д. Европеус. Летом 1882 года на протяжении месяца сбором лексики толмачевского диалекта (около 5 тыс. слов с примерами) занимался историк Т. Швингт [18]. В 1895 году продолжительную экспедицию в Тверскую Карелию предприняли исследователи К. Ф. Карьялайнен и В. Алава. Результатом их работы стала фиксация 10 тыс. слов на толмачевском и весьегонском диалектах, а также 900 текстов [15]. Летом 1912 года в карельских деревнях на Дёрже побывал языковед Ю. Куёла, а в следующем году им была предпринята поездка к весьегонским и толмачевским карелам (собрано около 15 тыс. слов и фольклорный материал). Диалектные и фольклорные записи В. Алава и Ю. Куйола были частично опубликованы в изданиях «Suomen kansan vanhat runot. II» (1927) и «Karjalan kielen näytteitä. I» (1932).

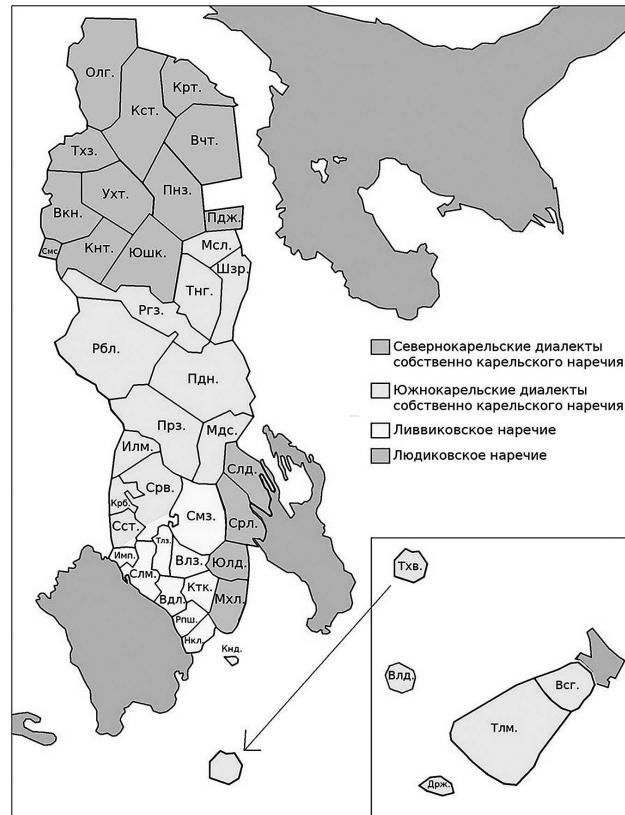


Рис. 1. Диалекты карельского языка

Figure 1. Dialects of the Karelian language

В военные годы интерес к тверскому наречию карельского языка в Финляндии не уменьшился. Сбором материала в лагере для военнопленных в Савонлинна в 1941–1942 годах занимался исследователь А. Пенттиля, большое число слов и текстов было записано им от тверских карелов (95 стр. от информантов из четырех деревень)⁷.

Финляндский языковед П. Виртаранта с 1957 по 1995 год предпринял семь поездок к тверским карелам (более 200 часов аудиозаписей, ок. 6,6 тыс. словарных карточек) [16: 71]. Итогом его работы стали издания «Tverin karjalaisten entistä elämää» (1961), «Kauas läksit karjalainen» (1986), «Karjalan kiertä ja kansankulttuuria» (1990), «Tverin karjalaisista nimistä» (1992), «Kynällä kylmällä – Kädellä lämpimällä» (1993) и др., а также многочисленные статьи.

Собранный исследователями из Финляндии в XIX–XX веках лексический материал вошел в шеститомный словарь карельского языка. Уникальные тверские карельские диалектные материалы хранятся в фондах Научно-исследовательского института языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus), Фонограммархива финского языка (Suomen kielen nauhoitarkisto) и Общества финской литературы (Suomen kirjallisuuden seura) [16: 71–73].

В настоящее время центром изучения карельского языка в Финляндии является Университет Восточной Финляндии (г. Йоэнсуу). Сотрудники университета ежегодно организуют экспедиционные выезды в места компактного проживания тверских карелов.

Тверские говоры карельского языка во второй половине XX века привлекали внимание и эстонских лингвистов. В 1961–1963 годах языковед П. Палмеос со студентами собирали диалектный материал в Весьегонском районе Калининской области, в 1984 году в этом же регионе работал лингвист Я. Ййспуу, а в 1983–1989 годах доцент Тартуского университета Т. Куук. Вторым регионом, который не обделили своим вниманием эстонские языковеды, стал Зубцовский район. П. Палмеос работала в нем в 1964–1973 годах, в 1984–1988 совместно с Я. Ййспуу [14]. Исследователи из Тартуского университета и Института языка и литературы АН ЭССР внесли существенный вклад в развитие исследования языка тверских карелов: П. Палмеос: «Über den Vokalismus der zubcover Mundart des Karelischen» (1966), «Astmevaheldus Karjala Djorža murrakus» (1973–1974); Я. Ййспуу: «Система глагольного словоизменения в южнокарельских периферийных говорах» (1985), «Djorža-karjalan nominitaivutus» (1988), «Djorža-karjalan nomini-

sanasto» (1988), «Djorža karjala tekstd» (1990), «Karjala keelesaarte sõnamuutmissüstem» (1994), «Djorža karjala vormisõnastik» (1995); Т. Куук: «Словообразование наречий в карельском языке» (1987), «Vesjegonskin karjalaisten tšastuškoja» (1989), «Näiteid karjala keele Vesjegonski murrakust I, II, III, IV» (1984, 1986, 1989, 1990).

Российские языковеды обратились к исследованию языка тверских карелов в первой половине XX века. В 1930-е годы сбором карельского лексического материала занималась кафедра языка и литературы Калининского педагогического института. Бесценный вклад в изучение диалектов карельского языка, в том числе тверских, внесла работа по сбору материала для «Диалектологического атласа карельского языка» (1997) под руководством Д. В. Бубриха. Вопросники к атласу были заполнены в 36 карельских населенных пунктах Тверской области, уточнение и обработка данных производились языковедом А. В. Пунжиной. Начиная с 1957 года к тверским карелам ежегодно организовывались лингвистические экспедиции Института языка, литературы и истории КФ АН СССР под руководством Г. Н. Макарова. Во время этих экспедиций было записано около 2,5 тыс. страниц рукописных текстов, хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН, а также более 30 часов магнитофонных записей (Фонограммархив ИЯЛИ). Частично диалектные материалы увидели свет в виде издания «Образцы карельской речи: Калининские говоры» (1963). Параллельно велась работа над исследованием грамматической и лексической систем отдельных тверских карельских говоров сотрудниками института А. А. Беляковым («Современный карельский диалект села Толмачи» (1946), «Фонетика карельского диалекта села Толмачи Калининской области» (1949), «Грамматика карельского языка: Калининское наречие собственно-карельского языка» (1948)) и А. В. Пунжиной («Именные категории в калининских говорах карельского языка» (1977), «Näytteitä karjalan kielestä» (Образцы карельской речи) (1994), «Слушаю карельский говор» (2001), «Культура повседневности карельской семьи» (2014)). Состояние лексической системы диалектов карельского языка конца 70-х – начала 80-х годов XX века (в том числе трех тверских) представлено в «Сопоставительно-ономастиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007). Важнейшим результатом многолетнего исследования языка тверских карелов в диалектологическом и лексикографическом аспектах является «Словарь карельского языка: Тверские говоры» (1994),

составленный тверской карелкой, языковедом А. В. Пунгиной⁸. Словарь содержит около 17 тыс. слов, значения и функционирование которых многогранно отражены в иллюстрациях.

Исследование тверских карельских говоров языковедами прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии было продолжено в XXI веке. Особенности грамматических систем всех наречий карельского языка, в том числе тверских говоров, проанализированы в работах П. М. Зайкова («Глагол в карельском языке» (2000), «Karjalan kielen murteet» (Диалекты карельского языка) (2017)) и И. П. Новак («Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи» (2014)), «Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология» (2016), «Карельский язык в грамматиках» (2019, в соавторстве с М. Пенттоненом, А. Руусканеном и Л. Сиилин), «Грамматика тверского карельского языка» (2020)).

В последние годы ведется активная работа по наполнению тверским карельским языковым материалом «Открытого корпуса вепсского и карельского языков»⁹. На настоящий момент корпус включает около 150 тверских карельских текстов и около 3000 лемм на тверском новописьменном варианте карельского языка с полной словоизменительной парадигмой.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Процесс развития тверской карельской письменности характеризуется исследователями отсутствием преемственности или прерванной традицией [4: 44]. В нем выделяются следующие основные периоды: допечатный период, фиксации языка конца XVIII – начала XX века, период советского языкового строительства и современный период [6]. Второй и третий этапы регулировались языковой политикой государства, тогда как инициатором современного периода выступила общественность [4: 45].

Допечатные записи на тверском карельском языке

Самыми первыми письменными текстами на прибалтийско-финских диалектах, содержащими карельские элементы, принято считать берестяные грамоты XIII–XV веков, а также зафиксированные в исторических документах XVI–XVII веков карельские топонимы и антропонимы [6: 65–66].

Первым лексикографическим памятником тверского карельского языка является недавно обнаруженная Н. В. Савельевой в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора

Коломнятина карело-русская словарная запись «Сказание о преведении коръльского речения на слове(н)ский», датируемая 1668 годом [8]. Имеющиеся в рукописи сведения указывают на ее создание в Поволжье. Запись содержит около 600 лексем, представленных в виде 20 лексико-семантических глав. Очевидно, они отражают язык карелов, только что переселившихся в Центральную Россию [9].

Печатные и рукописные фиксации тверского карельского языка конца XVIII – начала XX века

Результатом зарождения сравнительно-исторического языкоznания в XVIII веке стало создание целого ряда словарей сопоставительного типа. Так, в 1787 и 1789 годах под руководством П. Палласа были изданы «Сравнительные словари всех языков и наречий», содержащие 273 понятия на 200 языках, слова приводятся в том числе «по-корельски» (собственно карельское наречие) и «по-олонецки» (ливвиковское наречие)¹⁰. Наличие в собственно карельской части нескольких (для отдельных понятий трех – четырех) вариантов наименования понятия указывает на возможность использования нескольких источников, что отмечено и в предисловии к первой части: «на карельскомъ... присланная изъ разныхъ странъ словари...». Лингвистический анализ материала позволяет сделать вывод о возможности его записи как от карелов средней и приграничной Карелии, так и от карелов Центральной России.

Развитие карельской письменности в XIX веке было обусловлено переводом религиозных текстов, а также подготовкой словарей для тех, «кому предстояло вести просветительскую работу, направленную на приобщение карелов к православию» [6: 71].

После того как Российское библейское общество инициировало деятельность по переводу Библии на языки народов Российской империи, в 1817 году учителем Новоторжского духовного уездного училища священником Матвеем Золотинским был выполнен перевод «Евангелия от Матфея» на толмачевский говор тверского диалекта карельского языка. Священник села Козлова Григорий Введенский, получивший этот перевод на проверку, подготовил свой вариант перевода. В редактировании рукописи принимали участие оба священника. В 1820 году первый печатный памятник тверского карельского языка увидел свет [13: 7–15]. Появление перевода вызвало большой резонанс в финно-угроведении. Так, например, ведущий финляндский языковед Эйно Лескинен отмечал, что труд Г. Е. Введенского «следует считать настоящим подвигом,

а его исполнителя... самым крупным специалистом в области развития карельского языка во все времена»¹¹. В 1864 году перевод был переиздан в латинской транслитерации Ф. Видеманном, а годом позже А. Альквистом. Результатом совместной работы Г. Е. Введенского и М. А. Золотинского стал также неизданный перевод «Евангелия от Марка», направленный в РБО 23 марта 1820 года. Рукопись была обнаружена Г. Н. Макаровым в 1959 году в фондах РБО Ленинградского государственного исторического архива. Впервые расшифровка памятника была опубликована языковедом в 1971 году [5: 101–122]. Язык обоих памятников представляет собой чистый тверской карельский диалект (козлов-

ско-толмачевский говор) начала XIX века, сохранивший в определенной степени архаичные черты того языка, на котором говорили карелы на своей исторической родине [13: 16–25], [17: 401–403]. Оба перевода представляют собой исключительную научную ценность для изучения истории формирования и развития карельского языка, а также для исследования его исторической грамматики и диалектологии.

XIX веком датирована и рукопись «Карельской исповеди» (рис. 2), хранящаяся в Государственном архиве Тверской области¹². Текст исповеди написан кириллицей на четырех листах с обеих сторон. В 1970 году неполный перевод рукописи был подготовлен А. А. Беляковым¹³.

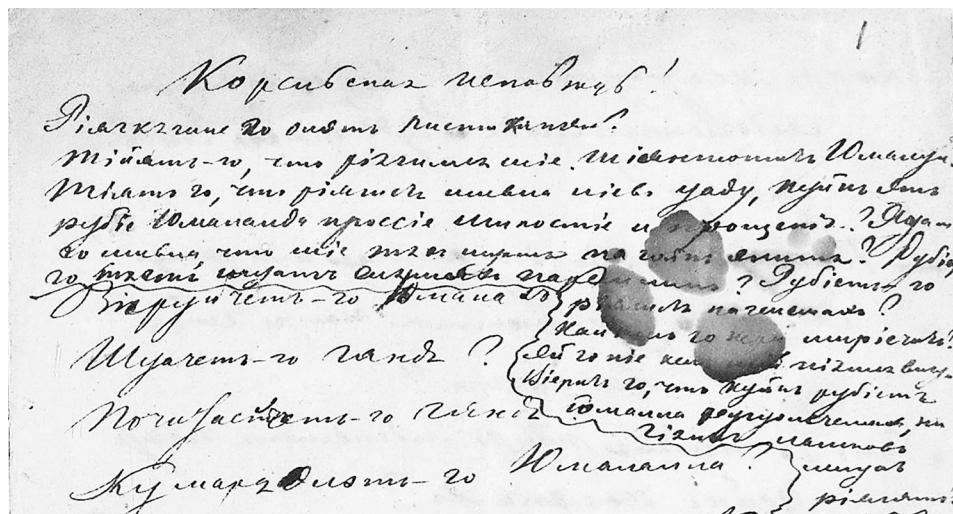


Рис. 2. Копия отрывка перевода «Карельской исповеди»

Figure 2. Copy of an excerpt from translated “Karelian Confession”

К редким памятникам тверского карельского языка данного периода следует отнести и наделенные обереговой функцией апокрифические тексты, распространявшиеся среди карелов в XIX – начале XX века¹⁴. Копия перевода на карельский язык апокрифа «Сон Богородицы» (с включенным «Сказанием о 12 пятницах»), записанная на десяти листах школьной тетради, представлена в Козловской сельской библиотеке (Спировский район) (рис. 3). Оригинал рукописи хранится у местной жительницы, которая получила его от матери мужа сестры 1913 года рождения, а та в свою очередь от бабушки. Текст написан крупными буквами кириллицей, почерком, подражающим печатному тексту.

С целью обучения карелов русской письменности в конце XIX – начале XX века велась работа над созданием карело-русских букварей [1]. В 1887 году в Москве было издано учебное пособие «Родное карельское. Карельско-ру-

ский букварь для легчайшего обучения грамоты карельских детей»¹⁵, составленное учительницей начальной народной школы села Никольское-Тучевское Бежецкого уезда А. Толмачевской. В предисловии к изданию описаны правила чтения карельского языка, а также приводятся основные грамматические сведения: ударение, приставки (речь идет о послелогах), падежная система, спряжение отрицательного глагола, отсутствие категории рода. Издание включает алфавит с правилами чтения, список карельских слов, перечень предложений, 17 небольших текстов из азбуки Л. Н. Толстого, тексты с описанием двунадесятых праздников, пять молитв и перечень заповедей. Далее приводятся списки карельских слов по частям речи, а также заметка об отрицательной частице с примерами ее употребления. Завершают букварь краткие карельско-русский (около 700 слов и словоформ) и русско-карельский (свыше 900 лексем) словари.

Вскоре после букваря А. Толмачевской в 1889 году свет увидел «Проводник-переводчик по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского¹⁶. Во втором томе представлено около 2 тысяч карельских слов с переводом на русский язык, фразы, краткий грамматический очерк. Исследователи относят словарь к памятникам письменности говоров карельского языка Центральной России [6: 67]. Сравнение словников указывает на то, что Старчевским,

очевидно, были использованы материалы букваря Толмачевской (дословное совпадение целого списка слов, в том числе ошибочно приведенных словоформ в качестве начальной формы слова). Наряду с тверскими карельскими материалами приводятся и ливвиковские соответствия (напр., «сестра» – *сизярэ*, чиджой, чикко; «сметана» – *каннатэкэ*, *куорэ*), что свидетельствует о привлечении и других источников.

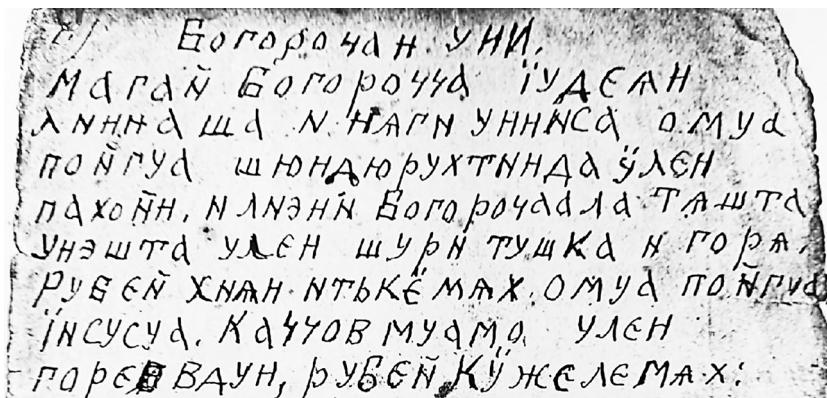


Рис. 3. Копия отрывка перевода апокрифа «Сон Богородицы»

Figure 3. Copy of an excerpt from the translated apocryphal text “The Mother of God’s Dream”

Кроме перечисленных источников к рассматриваемому периоду развития письменности на тверском карельском языке следует отнести также публикацию этнографического характера: «Карельские заговоры, приметы и заплакки», собранные народной учительницей из села Воздвиженка Бежецкого уезда М. В. Михайловской. В публикации представлено 37 текстов¹⁷. Коллекция в полном составе в латинской транслитерации вошла в издание «Suomen kansan vanhat runot. II», в котором в общей сложности представлено 294 фольклорных текста, записанных в Тверской Карелии начиная с 1848 года¹⁸.

Период советского языкового строительства

Данный этап в сравнении с предыдущим характеризуется, с одной стороны, непродолжительностью (1930–1939), а с другой – плодотворностью. Письменность, разработанная в начале 1930-х годов для карельского населения Тверского округа, является первым вариантом нормированного карельского языка.

Комитетом по делам национальностей Народного комиссариата просвещения СССР 1 марта 1930 года было проведено совещание с участием профессора Д. В. Бубриха по вопросу создания карельской письменности для карелов Московской области на основе толмачевского говора

[1], [2: 38]. Работой над алфавитом на латинской графической основе занималась уроженка с. Толмачи А. А. Милорадова. В регионе были организованы курсы для учителей из карельских районов, в 1931 году были открыты Лихославльский карельский педагогический техникум и карельская секция в Тверском пединституте [7]. В 1935–1936 годах карельский язык преподавался в 181 школе региона [3: 69].

Самой сложной задачей оказались разработка и издание учебников и книг для чтения. В общей сложности к 1937 году было подготовлено порядка 100 наименований печатной продукции на карельском языке: букварь А. А. Милорадовой (1931), букварь для взрослых П. П. Смирнова (1931, 1936), «Karielan kielen učebnikka» (1933, 1934), первая часть которого была подготовлена А. А. Милорадовой и П. П. Смирновым, вторая – А. А. Беляковым и Д. В. Бубрихом, и др. Большое значение имело издание литературных хрестоматий, содержащих переводы произведений классиков русской литературы, а также отдельных публикаций переводов. На карельском и русском языках издавались газеты: «Kolhozoin puoleh» (За колхозы, 1931–1933), «Karielan toži» (Карельская правда, 1937–1939).

Работа по изданию книг на тверском карельском языке прекратилась в 1937 году. Это было

вызвано тем, что по итогам работы Карельской лингвистической конференции в Петрозаводске в августе было принято решение о строительстве литературного карельского языка на основе народного карельского языка в целом. Нужно отметить, что в начальных школах Тверской Карелии обучение, как и издание газет, все же еще продолжалось на тверском карельском языке [1]. В 1937 году вышла написанная с использованием кириллической графики «Грамматика карельского языка» Д. В. Бубриха, в которой автор предпринял попытку отобрать явления, понятные для всех карелов. Бубрих отмечал, что построенный им язык немногим отличается от литературного языка, существующего с 1931 года в Калининской области. В январе 1938 года на основе «Грамматики...» был разработан проект «Основные правила правописания единого карельского литературного языка на новом алфавите». За период с 1937 по 1939 год в Петрозаводске увидело свет более 200 изданий, написанных на едином варианте карельского языка. К печати были подготовлены учебники, школьные грамматики, словари.

В феврале 1939 года в Тверской Карелии был упразднен существующий с июля 1937 года Карельский национальный округ, обучение детей было полностью переведено на русский язык, была уничтожена практически вся карелоязычная литература¹⁹, карельский язык продолжил существовать лишь в устной форме в сельской местности.

Период возрождения карельской письменности

29 октября 1990 года в Твери состоялась учредительная конференция карельского народа, по итогам которой было создано областное Общество культуры тверских карел (с 1997 года – Национально-культурная автономия). Основные его усилия были направлены на развитие карельской письменности на основе латинской графики, издание литературы и обучение языку [4: 44]. На протяжении довольно продолжительного времени осуществлялось преподавание карельского языка в школах, для чего в Лихославльском педагогическом училище и в Тверском государственном университете была организована подготовка учителей карельского языка. С 1992 года обучение карельскому языку велось в 15 школах Тверской области [12: 8–9]. На настоящий момент – факультативно в одной школе.

С начала 1990-х годов в Тверской Карелии активно развивается новописьменный вариант тверского карельского языка на базе толмачевского диалекта (говоры Лихославльского

и Спировского районов). Его выбор в качестве основы литературного языка правомерен не только с точки зрения процентного соотношения носителей тверских карельских диалектов, но и с практической стороны, поскольку он выделяется на общем фоне наиболее однородными фонетической и морфологической системами.

За три десятилетия свет увидела целая линейка учебных пособий на новописьменном варианте тверского карельского языка: «Bukvari» (1992) М. М. Орлова, книга для чтения «Armaš šana» (1996) З. А. Туричевой, мультимедийный диск и книга для чтения «Aiga paissa i lugie karielakši» (2002, 2009) Л. Г. Громовой, разговорник «Miun enžimäzet šada šana karielakši» (2013), созданный коллективом авторов, коммуникативный курс общения «Pagauta milma karielakši» (2018) Л. Г. Громовой, самоучитель с аудиодиском «Miun harpaukšet karielan kieleh» (2019) И. П. Новак и И. Ю. Комиссаровой.

Важную роль в развитии и нормировании современной карельской письменности на тверском диалекте сыграла газета «Karielan šana» (редакторы А. А. Зайцева, Л. Г. Громова), которая выходила на протяжении двух десятилетий. В газете постоянное внимание уделялось вопросам сохранения языка, его развития, разработке современных норм карельской письменности, публиковались материалы разных жанров, что способствовало формированию публицистического и официального стилей тверского карельского языка²⁰. Востребованность изданий авторских художественных произведений М. М. Орлова, Н. М. Балакирева, С. В. Тарасова, Л. Бархатовой, К. Виноградовой, а также сборников фольклорных текстов, информационных буклетов и переводов на карельском языке демонстрирует, что разработанные нормы прижились и получили широкое распространение.

Важным этапом становления тверской карельской письменности стало создание в декабре 2017 года Комиссии по использованию письменной формы языка тверских карел в публичной сфере. В состав Комиссии входят специалисты по карельскому языку: филологи, языковеды, авторы учебников и пособий, преподаватели курсов карельского языка. За время работы Комиссии удалось принять целый ряд важнейших решений по выработке правил и норм литературного языка: переход на единый алфавит карельского языка (замена символа ё на у), определение условий расстановки символов паллатализации²¹, унификация целого ряда правил именного и глагольного словоизменения. В ходе работы учитывались как широта распространения,

тичность того или иного языкового явления, так и логичность, возможность его освоения носителями разных говоров. Выработанные правила и нормы закреплены в «Грамматике тверского карельского языка» (2020).

Освоению письменной тверской карельской речи способствуют организованные в местах компактного проживания карелов, а также в г. Твери языковые курсы и разнообразные интернет-площадки по обучению языку²².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Связь истории языка с историей народа очевидна. Формирование тверских диалектов карельского языка – довольно непростой и многогранный процесс, отражающий не менее сложную историю народа, проживающего в Верхневолжье уже на протяжении четырех столетий. Языко-

вое наследие тверских карелов, к которому наряду с памятниками письменности XVII – начала XX века относятся диалектные материалы, собираемые лингвистами и фольклористами начиная с середины XIX века, является уникальным звеном в процессе исследования истории карельского языка, его исторических грамматики и лексикологии, а также диалектологии. Хронологические рамки создания языковых памятников и проведения полевых исследований в регионе могут позволить восстановить историю языка тверских карелов с момента их массового переселения на новую родину до сегодняшнего дня. Сравнительно-исторический анализ источников поможет определить явления, не нашедшие продолжения на том или ином этапе развития языка, а также инновационные черты, возникшие в нем в недавнем прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тверская Карелия – ряд территорий Тверской области, характеризующихся компактным расселением тверских карелов. Первым термин «Тверская Карелия» упоминает Ф. Н. Глинка в начале XIX века в издании «О древностях в Тверской Карелии» (1836).
- ² Вершинский А. Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. Т. 4. М., 1935. С. 76–88.
- ³ Вершинский А. Н. Список карельских селений Московской области. М.: Пролетарская правда, 1932. С. 25.
- ⁴ Государственный архив Тверской области. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 25. Л. 121.
- ⁵ ГИС «Тверские карелы в XVII–XIX вв.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://histgeo.ru/karely.html> (дата обращения 14.04.2021).
- ⁶ Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 10.04.2021).
- ⁷ Karjalan kielen sanakirja [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/kks> (дата обращения 09.04.2021).
- ⁸ На начальном этапе в работе над словарем принимали участие языковеды сектора языкоznания ИЯЛИ А. А. Беляков, В. Е. Злобина и В. П. Федотова.
- ⁹ Открытый корпус вепсского и карельского языков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения 15.04.2021).
- ¹⁰ Сравнительные словари всех языков и наречий. Части 1, 2. 1787, 1789 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/371073>, <https://www.prlib.ru/item/371071> (дата обращения 19.04.2021).
- ¹¹ Leskinen E. Tietoja v. 1820 Tverin-Karjalan murteella ilmestyneen Matteuksen evankeliumin kääntäjästä // Virittäjä. 1939. № 3. S. 404.
- ¹² Государственный архив Тверской области. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3129.
- ¹³ Рукопись расшифрована И. П. Новак в 2021 году.
- ¹⁴ Государственный архив Тверской области. Р-1367. Оп. 1. Д. 24. Л. 8–9.
- ¹⁵ Толмачевская А. Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей. 1887 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.tverlib.ru/kraevedenie/rodnoe_karelskoe/ (дата обращения 13.04.2021).
- ¹⁶ Старчевский А. В. Проводник-переводчик по отдаленнейшим окраинам России. 1889 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006531149#?page=1> (дата обращения 14.04.2021).
- ¹⁷ Михайловская М. В. Корельские заговоры, приметы и заплакчи // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. V. Вып. 2. Л., 1926. С. 511–630.
- ¹⁸ Suomen Kansan Vanhat Runo [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/skvr-teos> (дата обращения 12.04.2021).
- ¹⁹ С оцифрованными копиями сохранившихся изданий можно познакомиться на интернет-порталах, напр.: «Финно-угорские библиотеки России» (<http://fulr.karelia.ru>), библиотека финно-угорской литературы (<https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi>), группа ВК «Учим карельский язык» (https://vk.com/karjalan_kieli).
- ²⁰ Архив газеты «Karielan šana» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.tverlib.ru/kollekci/tverskaya_kareliya/karelskoe_slovo_gazeta (дата обращения 15.04.2021).
- ²¹ Новак И. П. «Мягкий» карельский (об обозначении палатализации в тверском карельском языке). 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/@tverkarelkjuta-pehmie> (дата обращения 12.04.2021).

²² Мультимедийное пособие «Aiga paissa i lugie karielakši» Л. Г. Громовой (<http://aiga.tverlib.ru/main.htm>); уроки карельского языка Г. И. Светлова (<http://depyvladimir.narod.ru/urokkat/index.html>), группа ВК «Lindu» (<https://vk.com/tverkarelkirjuta>), словарь тверского карельского языка «Tverinkarielan Šanakniiga» (<http://lexicon.fedotochkin.ru/>) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 89–104.
- Головкин А. Н. Рождение карельской письменности. Тверь: Чудо, 2000. 92 с.
- Головкин А. Н. Формирование карельской письменности на тверской земле в начале XX века на латинице // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 61–70.
- Громова Л. Г. Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 42–54.
- Макаров Г. Н. Рукопись переводного памятника карельского языка начала прошлого века (Евангелие от Марка) // Прибалтийско-финское языкознание. 1971. № 5. С. 96–122.
- Нагурая С. В. Карельская письменность // Народы Карелии. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 65–77.
- Рунтова А. Н. Попытка создания карельской письменности в 30-е годы XX века (Тверская область) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1643>. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1643 (дата обращения 10.04.2021).
- Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63
- Савельева Н., Муллонен И., Федунева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // *Linguistica uralica*, 2021. В печати.
- Салохейм В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 455–465.
- Степанова Ю. В., Савинова А. И. Расселение карел в Верхневолжье в середине – второй половине XVII в. // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 57–72. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.4.28508
- Тверские карелы – одна из граней многонационального народа Российской Федерации – российской нации. Тверь: Триада, 2015. 64 с.
- Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.
- Шийпуу Я. 60 лет исследования карельского языка в Эстонии // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 100–110.
- Alava V. Matkamuistelmia Tverin Karjalasta kesällä 1985 // Kalevalaseuran Vuosikirja. 1973. № 53. S. 203–265.
- Joki L. Tverinkarjalan aineistoista ja tutkimuksesta // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 70–80.
- Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // Virittäjä. 1964. № 3. S. 401–404.
- Schmidt T. Matkamuistoja Tverin Karjalasta // Kansatieteellinen arkisto. Helsinki: Puromiehen Kirjapaino O.-Y., 1957. 62 с.

Поступила в редакцию 22.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Irina P. Novak, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

LANGUAGE OF THE TVER KARELIANS: FOUR CENTURIES OF HISTORY

A b s t r a c t. The Tver Karelians have lived in the Upper Volga region for four centuries, in isolation from the rest of the Baltic-Finnic peoples, amidst Russian-speaking population. In spite of all the twists and turns of history, they managed not only to preserve and transmit their language to the present generation, but also to create its standard and amass unique written heritage incorporating the entire people's life experience. The article offers a review of the history of research into Tver Karelian dialects and major stages in the formation of the Tver Karelian written language. The recently discovered and newly introduced hand-written monuments from the period between the XVII and the early XX centuries, together with the vast heritage of the last century, enable to trace the history of the Tver Karelians' language from their mass relocation to a new homeland to the present day. In the future, the application of the internal reconstruction method to the language of written monuments coupled with the study of dialectal texts recorded in the

XX century will help to identify the key archaic and innovation traits in the language of the Tver Karelians. Linguistic analysis of educational texts and fiction written in the 1930s and over the last three decades will reveal the main trends in the process of the Karelian language standardization in the region.

Key words: Karelian language, Tver Karelians, language history, dialectology, written language, written language monument, language standardization

Acknowledgements. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 20-012-00200A.

For citation: Novak, I. P. Language of the Tver Karelians: four centuries of history. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):38–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.678

REFERENCES

1. Barantsev, A. P. Karelian written language. *Baltic-Finnic language studies. Topics in the study of phonetics, grammar and lexicology*. Leningrad, 1967. P. 89–104. (In Russ.)
2. Golovkin, A. N. The birth of the Karelian written language. Tver, 2000. 92 p. (In Russ.)
3. Golovkin, A. N. Formation of the Latin-script Karelian written language on the Tver land in the early XX century in the Latin alphabet. *Tver Karelians: history, language, culture*. Tver, 2011. P. 61–70. (In Russ.)
4. Gromova, L. G. Specific development of the Karelian written language in the Tolmachevsky version of the Tver dialect. *Tver Karelians: history, language, culture*. Tver, 2011. P. 42–54. (In Russ.)
5. Makarov, G. N. Manuscript of the translated monument of the Karelian language of the early last century (Gospel of Mark). *Baltic-Finnic Language Studies*. 1971;5:96–122. (In Russ.)
6. Nagurnaya, S. V. Karelian written language. *Peoples of Karelia*. Petrozavodsk, 2019. P. 65–77. (In Russ.)
7. Runtova, A. N. An attempt at creating the Karelian writing system in the 1930s. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2020;5. Available at: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1643>. (accessed 10.04.2021). DOI: 10.15393/j103.art.2020.1643 (In Russ.)
8. Saveljeva, N. V. Unknown samples of lexicographical legacy in *Tsvetnik* by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaia Literatura*. 2019;3:54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63 (In Russ.)
9. Saveljeva, N., Mullen, I., Fedynina, G. Karelian-Russian and Komi-Zyryan-Russian phrasebook dictionaries in a handwritten collection of 1668. *Linguistica Uralica*. 2021. In press. (In Russ.)
10. Salohem, V. The birth of Tver Karelia. *Baltic-Finnic peoples. History and fates of related peoples*. Jyväskylä, 1995. P. 455–465. (In Russ.)
11. Stepanova, Yu. V., Savinova, A. I. Settlement of the Karelians in the Upper Volga region in the middle and the second half of the XVII century. *Historical Information Science*. 2018;4:57–72. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.4.28508 (In Russ.)
12. Tver Karelians – one of the facets of the Russian Nation, the multinational population of the Russian Federation. Tver, 2015. 64 p. (In Russ.)
13. Tver translated monuments of the Karelian written language of the early XIX century. Petrozavodsk, 2020. 295 p. (In Russ.)
14. Oispuu, J. 60 years of studying the Karelian language in Estonia. *Tver Karelians: history, language, culture*. Tver, 2011. P. 100–110. (In Russ.)
15. Alava, V. Matkamuistelma Tverin Karjalasta kesällä 1985. *Kalevalaseuran Vuosikirja*. 1973;53:203–265.
16. Joki, L. Tverinkarjalan aineistoista ja tutkimuksesta. *Tverskie karely: istoriya, yazyk, kul'tura*. Tver', 2011. P. 70–80.
17. Leskinen, H. Suomen itämurteet keskiajaa ja uuden ajan taitteessa. *Virittäjä*. 1964;3:401–404.
18. Schwindt, T. Matkamuistoja Tverin Karjalasta. *Kansatieteellinen arkisto*. Helsinki, 1957. 62 p.

Received: 22 April, 2021; accepted: 30 July, 2021

ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА ШКУРАН

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкоznания и коммуникативных технологий филологического факультета

Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Луганская Народная Республика)

ORCID 0000-0002-0063-464X; oksana.shkuran@mail.ru

САКРАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ *КУМИР* НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ

Аннотация. Актуальной проблемой современной лингвистики является изучение аксиологического и функционального аспектов языковых единиц в русском языке, вошедших в медиатексты, как современных лингвокультурных единиц с сакральной семантикой, с повышенным индексом стилистической экспрессии. Объектом исследования выбрана языковая единица *кумир*, предметом – процесс ее языковой сакрализации. В статье представлен спектр сакральных смыслов эмпирического материала со словом *кумир* в медиатекстах. Слово *кумир* рассматривается в синхронном и диахронном аспектах: от толкования значения в ветхозаветных текстах с десакральной семантикой до активного употребления авторами медиатекстов трансформированной языковой единицы с сакральным значением. Целью научной статьи является исследование процесса сакрализации лексемы *кумир* от названия языческого артефакта до номинации объектов идеализации современной молодежи. Языковая жизнь советского общества во многом определила семантику исследуемой единицы *кумир*, ее роль в речевой деятельности, в ценностном состоянии литературного языка современной логосферы, популяризируя образы выдающихся и единственных в своем роде людей. Таким образом, фиксация словарных дефиниций в лексикографических источниках показала, что секуляризованная литература, а позже медиапространство намеренно определили вектор формирования квазикультурных ценностей – современных кумиров, ориентированных на эгоцентричные потребности. Исследовательский материал иллюстрирует в качестве наблюдателя активные процессы языкового развития и формирования языкового вкуса эпохи.

Ключевые слова: языковая сакрализация, языковая десакрализация, семантическая трансформация, стилистическая экспрессия, медиатекст, ядерные и периферийные значения

Для цитирования: Шкуран О. В. Сакрализация языковой единицы *кумир* на материале медиатекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.679

ВВЕДЕНИЕ

С конца XX столетия представители гуманитарных наук активно изучают процесс осмысливания связи языка и ценностных ориентаций, в результате чего эффективность влияния языка на сложившуюся картину действительности происходит достаточно стремительно. Система ценностей личности, по словам М. М. Бахтина, близка по смыслу с ценностными кругозором, окружением, эмоционально-волевой установкой, эмоционально-волевым тоном, социальной оценкой, а человек благодаря данным ценностным постулатам уплотняет мир вокруг себя, становясь его центром [1: 32]. Все данные феномены взаимодействуют и влияют на языковую личность, поэтому семенная и семная разнооценочность, по мнению И. А. Стернина, иллюстрирует раз-

личия в когнитивной базе человека, а известная доля субъективности позволяет выявить индекс коннотативной яркости [8: 12–130].

Объектом нашего исследования выбрана языковая единица (ЯЕ) *кумир*, предметом – процесс ее языковой сакрализации, предопределивший поставленную задачу: проиллюстрировать диахронический срез лексемы *кумир*, представить ее функциональный аспект в медиадискурсе, репрезентируя ее современное аксиологическое наполнение в связи с семантической трансформацией в современных текстах. Согласно В. В. Колесову, необходимо не только изучать современное понимание слова, но и «проследить истоки и источники, исторический фон и социальное основание» [2: 15].

Для решения поставленных задач применялись метод словарных дефиниций, описательный и аналитический методы.

БОГОСЛОВСКИЙ АСПЕКТ СЛОВА «КУМИР»

Языковая единица *кумир*, представленная в Ветхом Завете, номинирует изображение небесного или земного идола, которому поклоняются и служат. В древнееврейском языке, по словам арх. Никифора (Бажанова), лексема *кумир* имела ряд номинаций, среди них: *Елилам, Гиллутим, Гевел или Авен, Хамманим, Мифлецеф, Шиккутиц, Терафим, Адрамелех, Анамелех* и др., каждая из перечисленных имела определенное ритуальное значение¹. В Священном Писании упоминаются более десятка номинаций, но в переводе на славянский язык обозначена только лексема *кумир*. По мнению И. Н. Сокольского, «переводчики Библии позволяли себе вольности в переводе на другие языки»². Мы считаем, что такая высшая степень обобщенности и разумный взгляд переводчиков свидетельствуют о желании адаптировать тексты Священного Писания на другие языки с учетом особенностей быта, флоры, фауны, религии. Ко всем трудностям перевода с древнееврейского языка добавляется верование иудеев, их символизм и загадочность артефактов, дающие толчок для внимательного прочтения Святой Книги. Только исследования представителей различных наук, в данном случае богословия, помогают найти ответы на поставленные вопросы.

Лексема *кумир* зафиксирована во второй книге Ветхого Завета «Исход» (20:4):

«*Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли*»³;

«Второзаконии» (5:8–10):

«*Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им*».

Это вторая заповедь Бога, относящаяся к правилам Его познания и почитания и начертанная на каменных скрижалях для еврейского народа на Синайской горе. Эту заповедь Господь повторяет много раз, уточняя и конкретизируя ее:

«*Не обращайтесь к идолам, и богов литых не делайте себе. Я Господь, Бог ваш*» (Лев. 19:4). «*Не делайте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться пред ними*» (Лев. 26:1).

Возникает вопрос в уточнении семантики слова *кумир* в различных текстах. Обратимся к некоторым примерам из древнееврейского языка. Главнейшими идолами или лжебогами в древнееврейском языке были *Адрамелех* и *Анамелех* – боги сепарвимские (4Цар. XVII:31), *Ашиима* – божество емафян (4Цар. XVII:30), *Астарты* – божество сидонское (Суд. II:13; III Цар. XI:33),

Ваал (Суд. II:11–13), *Дагон* – бог филистимский (Суд. XVI:23), *Веельзевул* (бог мух) – божество аккаронское (4Цар. 1:2), *Хамос* – бог моавитский (III Цар. XI:33), *Диана*, или *Артемида*, читаемая особенно в Эфесе (Деян. XIX:24–27), *Молох*, или *Милхом*, лжебог или мерзость – божество аммонитское (Деян. XVIII:21; III Цар. XI:33), *Юпитер* и *Меркурий*, иначе *Зевес* и *Ермий* (Деян. XIV:12), *Нево* (*пал Ваал, низвергся Нево*) (Ис. XLVI:1) – богиня неба (Иер. XLVI:17, 25), *Рем-фан* – идол в виде звезды, как полагают, планеты *Сатурна* (Деян. VII:43), *Римон* (4Цар. V:18), *Фаммуз* (Иез. VIII:14) – божество сирофиникийское и др.

Получается, что библейские тексты фиксируют различные виды кумиров (идолов), которые олицетворяли обоготворенных людей, солнце, луну и звезды, огонь и воду, небо и землю, свет и тьму, животных и растений, представляемых в формах истуканов и пользующихся популярностью. Предупреждение о запрещении уподоблять

«Божество чему-либо познаемому, так как всякое понятие, согласно с каким-либо удобопостижимым представлением составляемое по некоему естественному уразумению и предположению, созидает Божий кумир, а не возвещает о Самом Боге»⁴.

Из текста мы понимаем, что кумиром называют изображение какой-нибудь твари, небесной, или земной, или в воде живущей, которой поклоняются и служат вместо Бога.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ «КУМИР»

ЯЕ *кумир* вошла в современный русский язык через церковнославянский, имеет аналоги в финском, армянском, осетинском, но установить, по мнению этимологов, источник ее происхождения не представляется возможным. По предположениям С. Младенова, И. Шишманова, корни нужно искать в семитских языках: *kumra* ‘жрец’; версию Г. Якобсона о новогреческом происхождении в значении ‘ствол дерева’ М. Фасмер исключает⁵; словарь А. Преображенского иллюстрирует заимствование из финского *kumartaa* в значении ‘кланяться’⁶.

В истории Древней Руси кумиры изготавливались из дерева, и впервые были зафиксированы западноевропейскими хронистами XI–XII веков те из них, которые были установлены, а позже уничтожены князем Владимиром в 980 году. Характерным признаком высшего языческого божества считалась многоголовость, так, Збручский кумир, найденный в 1848 году, – это деревянный стержень с четырьмя головами языческих богов. После принятия христианства все кумиры были

сброшены в реку, предварительно пройдя процедуру волочения с привязыванием к хвосту коня, или же вырваны за пределы русской земли⁷. По словам С. Н. Толстой,

«христианство лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей» [9: 52].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» ЯЕ *кумир* представлена тремя дефинициями: 1) изображение языческого божества, сделанное из металла, камня или дерева; идол, истукан, болван (имеет пять значений, среди которых ‘отрубок дерева с круглым верхом, на котором выпрямляются парики, шляпы и другие головные уборы’); 2) предмет особенной любви; 3) предмет, к которому имеется особенная привязанность. Словообразовательное гнездо лексемы *кумир* представлено такими дериватами: *кумирище* ‘с ув. *кумир*’, *кумирник* ‘идолопоклонник’, *кумирный* ‘относящийся к *кумирам*’, *кумирница* ‘кашище’, *кумироделатель* ‘делающий *кумиры*’, *кумирослужение* ‘воздавание Божеской чести *кумирам*’, *кумирослужитель* ‘жрец’, *кумирослужительный* ‘идолопоклоннический’, *кумирский* ‘идольский’⁸.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля лексема *кумир* проиллюстрирована, помимо вышеназванных, дефиницией: ‘быть язычником; поклоняться мамону (греч. ‘имение, богатство, блага земные), мирскому, великим мира сего’. К лексеме *идол* лексикограф подобрал синонимический ряд: *истукан*, *пагода*, *болван*; к лексеме *идолослужитель* – *истуканник*, *кумирник*, *поганец*, *язычник*. Дериват *идолотворец* приведен с дефиницией ‘раболепствовать перед людьми, начальством’⁹. Из этого следует, что исследуемая ЯЕ *кумир* с принятием христианства иллюстрирует вхождение в сферу десакрального языка – ‘утратившего мелиоративно-коммуникативную функцию и получившего экспрессивно-инфэрнальный статус, способный вызвать стилистический эффект и ведущий к деструкции языковой личности» [10: 339], поскольку иллюстрирует доминанту ‘идол, изваяние языческого божества’ или употребляется в переносном значении ‘раболепление перед начальством’.

Дополнительный отрицательный смысл исследуемых единиц наделен эмоциональностью и оценочностью, что является «продуктом» русской культуры. По словам В. А. Масловой, зафиксированная в языке ранняя культура славян трансформировалась до неузнаваемости,

живет в языковых метафорах, фразеологизмах и т. д., что свидетельствует о мифоархетипическом начале славянской культуры [4].

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ «КУМИР»

Лингвокультурологическая позиция в отношении современных названий лексемы *кумир* зависит от многих факторов: «исторической ретроспективы, этнической, религиозной и национальной принадлежности, а последнее время и от политических убеждений» [3: 65].

Экстраглавионистические факторы оказывают существенное влияние на развитие системы языка, и в первую очередь на лексический уровень. Язык меняет свое наполнение в зависимости от того, какая идеология доминирует в обществе. А. П. Романенко в статье «Типы советской культуры и языка» представляет два типа культуры, доминирующие в социуме в послереволюционное (1917–1924) и предвоенное время (1930–1940). Автор отмечает, что язык трансформировался по-разному: ленинский период советской истории базировался на старом, с некоторыми изменениями, языке интеллигентии, а сталинский период изменил нормы культуры на массовые, и, как следствие этого, «старый» язык поменялся на «новый». Он порвал связи с предшествующими культурными традициями, стал языком массовым. Советский разговорный язык отвечал требованиям простоты, доступности, ясности, поэтому он насищенно упрощался [6]. При насищении идеологического мышления сфера религии являлась закрытой. В советском обществе был другой объект для поклонения и сакрализации – вместо православных ценностей *Ленин, коммунизм*. Одним из результатов подобной языковой политики стало упрощение словаря за счет вытеснения религиозно-философской лексики. Словарь Д. Ушакова стал первым лексикографическим источником, в котором была кодифицирована идеологическая норма тоталитарного общества. Именно такой простой язык зафиксирован в толковом словаре советской эпохи, напр.: *кумир* – 1. Изваяние языческого божества, идол. 2. перен. Предмет слепого поклонения¹⁰. И такие идеологические установки переходили из одного словаря в другой: подобные мысли высказаны в первых изданиях Большого и Малого академических словарей¹¹. Для развития советского языкоznания была важна социальная оценка, по мнению Г. Я. Солганик,

«производимая сознательно и целенаправленно привносимая в семантику языковых знаков в процессе

номинации явлений и понятий общественно-политической жизни со стороны общественных классов, партий и социальных групп» [7: 123].

Современный словарь иллюстрирует синонимический ряд к слову *кумир*: 1) *божество, божок, идол, статуя, фетиш*; 2) *герой, любимец, властитель дум* (высок.)¹², дифференцируя языковые единицы на две категории, по всей вероятности, рассматривая их в диахронии и представляя как ядерное, так и периферийное значение.

Для того чтобы получить объемное, максимально приближенное к ядерной семе лексемы *кумир* представление о периферийных значениях, необходимо не только детально изучить его внутреннюю форму, но и представить ее в движении, в действии, в естественных функциональных связях в медиатекстах. Исследуемая нами единица рассматривается не как статичная система, имманентно, а в динамике, в связи с многочисленными факторами, влияющими как на создание и производство речевых единиц и последовательностей, так и на их функционирование и восприятие.

Рассмотрим лексему *кумир*, которая вытесняет из языкового сознания религиозные ценности и выступает репрезентантом новой идеологии, напр.:

«Для Ивана Калайды основоположник оказывался порою слишком правым, выходило так, что диктатура пролетариата считалась Марксом вынужденной и неизбежной кратковременной акцией, в то время как Троцкий, *кумир* комсомола, властно провозгласил: “Царству рабочего класса не будет конца”» (Семен Липкин. Записки жильца (1962–1976)); «Там он жил настолько незаметно, что многочисленные его последователи в течение двадцати лет считали, что их *кумир* давно мертв» (В. П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970)); «Без *кумира* нельзя. Вот Лиличка – мой *кумир*» (Л. Н. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче (1990–1999)); «Правда, образованностью своей она щеголяет осторожно, деликатно, так как Леночка для нее по-прежнему *кумир*» (А. И. Пантелеев. Наша Маша (1966)) и др.¹³

Лексема приобретает положительные коннотации, посыпая метаязыковые сигналы, объединенные модальным значением ‘советская личность нуждается в *кумире*’.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВСИОМ) обнародовал результаты последних исследований, в которых определены главные советские кумиры XX века: Ю. Гагарин (44 %), В. Высоцкий (28 %), Г. Жуков (27 %), И. Сталин (22 %), А. Солженицын (14 %), М. Плисецкая (13 %), В. Ленин (13 %) и др.¹⁴ Данный факт показывает стремление русского человека к идеализации выдающихся личностей

советской эпохи, то есть кумиризация сохранила свою актуальность. Поэтому, на наш взгляд, семантическая трансформация и фокусирование на ядерной семе ‘идеал’ иллюстрируют новое массовое понимание слова.

Языковая единица *кумир* приобретает диахроническую презентативность – от десакрального к современному сакральному, то есть «ценностно-смысловому существованию в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле», но в котором не присутствует вера и доверие к Богу [11: 198].

Рассмотрим более подробно ситуацию с современной номинацией кумиров. На сайте Spletnik.ru выделяются главные характеристики современных кумиров подростков: юные, бесстрашные, амбициозные, зарабатывающие миллионы, знающие, как растопить сердца поклонников, «эти люди являются настоящими кумирами»¹⁵. Таких рейтингов огромное количество, выделим один letidor.ru: в десятку лучших вошли деятели зарубежного и российского искусства, видеоблогеры, модели: Билли Айлиш (США), группа «BTS (Bangtan Boys или Beyond The Scene)» (Южная Корея), Антон Лапенко (Россия), Юрий Дудь (Россия), Lil Pump (США), Little Big (Россия), Dua Lipa (Великобритания), Millie Bobby Brown (Великобритания)¹⁶. Основными характеристиками данных кумиров являются: внешняя красота, тяготеющая на право совершенства; наличие успешных продюсеров; миллионные заработки благодаря популярности во Всемирной паутине. Речь медиапространства призвана воздействовать на эмоции языковой личности, которые выступают в качестве катализатора процесса изменения набора компонентов стереотипа. Именно такие изменения, по мнению В. А. Пищальниковой, «без всякой аргументации встраиваются в сознание респондента, в результате чего происходит сдвиг фиксированных социальных установок, меняется отношение личности к ценности, стереотипу» [5: 3]. Современный человек имеет в приоритете другие ценностные установки, отражающие физическое, финансовое благополучие, что не сравнимо с понятием вечности.

В процессе метафоризации смысла лексемы *кумир* в медиапространстве формируется континуум смыслов, определяющих современную языковую картину, напр.: *Кумир* (комплект учебных миров, представляет графическую языковую игру) – ‘система программирования, предназначенная для поддержки начальных курсов информатики в средней и высшей школе’¹⁷; язык *кумир* – ‘универсальный язык программирования, его прототипом послужил «школьный язык

программирования»¹⁸; сайт для покупки чуров, кумиров славянских белых и черных богов¹⁹; название платформы *Кумир и его поклонники*²⁰ с фотоизображениями актеров советского периода и др. Мифологизированное представление об артефактах доминирует над научным, в дальнейшем не связывая цивилизационный сюжет с накопленными ранее знаниями и верованиями.

Публичное web-приложение GoogleTrends презентирует информацию о запросах в поисковую систему Google и помогает выяснить популярность слова *кумир* в текущий 2021 год²¹. Пик его популярности среди пользователей данной поисковой системы приходится на 22 марта 2020 года в таких регионах России, как Якутия, Ямало-Ненецкий округ, Пензенская область и др. Повышенный интерес показан в начале декабря, марта и летние месяцы. Объяснить некоторые всплески использования можно датами празднования в народном календаре: 22 марта – русский православный праздник 40 севастийских мучеников совпадает с народным праздником на Руси Сороки, или Сорок сороков, и Вороньим днем у хантов и мансов. По традиции в Вороний день ханты и манси на священных местах готовят пищу на костре, молятся духам, кланяются березе, повязывают разноцветные лоскутки, монеты, куколки и бублики, которые символизируют солнце.

«Все, что оставалось бы за вычетом христианских институтов, черт и особенностей, можно было бы отнести на счет дохристианского язычества. Однако дело осложняется в значительной степени наличием фрагментов “третьей” культуры, заимствований и собственно славянских инноваций общего и особенно локального происхождения» [9: 53].

Итак, языковая единица *кумир* прошла процесс семантической эволюции – от сакральности к десакральности, от десакральности снова к сакральности. Положительным является то, что она функционирует, активно употребляется современными авторами медиатекстов, а негативным – семантическая деформация привела к популяризации и обожествлению предметов восхищения и подражания, не являющихся таковыми. Гори-

зонтальная координата нравственных ориентиров не может мотивировать человека к духовному совершенству, что всегда было в нравственном приоритете у русского человека. Это связано со многими факторами: нестабильностью бытия, бесконечностью социальных, исторических, политических изменений, популяризацией «культуры низов», интеграцией европейской толерантности и др., что на протяжении последних трех столетий способствовало созданию понятия «светская сакральность» и повлекло за собой отказ от христианских идеалов, стереотипов поведения, мировоззренческих комплексов [10: 327].

Согласно Н. А. Бердяеву, в душе русского человека слиты воедино христианство и язычески-мифологическое представление о мире: «первобытие, природное язычество, и православие, из Византии полученное, устремление к потустороннему миру»²². Немаловажную роль в формировании менталитета нации играет история, общее пространство, то есть пейзаж русской земли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, языковая единица *кумир* обладает широким функциональным потенциалом. Ядерное значение, которое берет свое начало с ветхозаветного текста, сохраняется, однако к нему добавляются новые периферийные значения с положительными коннотативными оттенками, которые стирают грань между абсолютным и секулярным, выражают трансформированные базовые ментальные установки этноязыкового сознания, способствуют квазикультурации личности в ходе овладения русским языком. Пользователи социальных сетей, авторы письменной речи интернет-текстов активно используют лексему *кумир* независимо от жанрового разнообразия, повышая ценностно-стилистический регистр и связывая с дефиницией ‘идеал’. Сакральное всегда воплощает в себе высшие недосягаемые ценности в форме идеала, поэтому распадающийся и внутренне противоречивый феномен десакрализации приобретает необратимый характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Иллюстрированная Библейская энциклопедия / Архимандрит Никифор (Бажанов). М.: Эксмо, 2016. 640 с.
- 2 Сокольский И. Н. Прекрасные растения Библии. М.: Авторская Академия, 2013. 348 с.
- 3 Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2010. 1346 с. Далее цитируется по этому изданию.
- 4 Григорий Нисский Святитель. О жизни Моисея Законодателя или о совершенствовании в добродетели [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russportal.ru/index.php?id=church_fathers.gregory_nyssa01_1861_034 (дата обращения 21.04.2021).
- 5 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2: Е–Муж. 672 с.
- 6 Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Сокво, 1910. 716 с.

- ⁷ Славянские древности: Этнологический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 687 с.
- ⁸ СЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847. Т. 2. 475 с.
- ⁹ Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусского языка. 1-е изд. М.: Изд. Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1865. Ч. 2. 1351 с.
- ¹⁰ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
- ¹¹ Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 171 с.
- ¹² Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
- ¹³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.04.2021).
- ¹⁴ Названы главные российские кумиры 20 века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trinixy-ru.turbopages.org/trinixy.ru/s/155712-nazvanye-rossiyskie-kumiry-hh-veka-22-foto.html> (дата обращения 20.04.2021).
- ¹⁵ Пятнадцать кумиров молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spletnik.ru/culture/media/96335-15-modnykh-i-perspektivnykh-ispolniteley-na-rossiyskoy-estrade.html> (дата обращения 20.04.2021).
- ¹⁶ Восемь кумиров современных подростков, о которых нужно срочно узнать [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://letidor.ru/zvezdy-i-deti/8-kumirov-sovremennykh-podrostkov-o-kotorykh-vam-srochno-nado-uznat.htm> (дата обращения 20.11.2020).
- ¹⁷ Система программирования КуМир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.niisi.ru/kumir/> (дата обращения 20.04.2021).
- ¹⁸ Система программирования КуМир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.niisi.ru/kumir/> (дата обращения 20.04.2021).
- ¹⁹ Кумиры славянских богов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mirslavbog.ru/> (дата обращения 20.04.2021).
- ²⁰ Стильные кумиры советской эпохи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://back-in-ussr.com/2013/10/stilnye-kumiry-sovetskoy-epohi.html> (дата обращения 20.04.2021).
- ²¹ GoogleTrends [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU> (дата обращения 20.04.2021).
- ²² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://svitk.ru/004_book_book/13b/2834_berdyaevisstoki_i_smisl_russkogo_kommunizma (дата обращения 21.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
- Ломакина О. В., Шкуран О. В. Способы экспликации коммуникативного намерения фразеологизма-библеизма «запретный плод» // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 65–76.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Пищаликова В. А. Основания динамической теории значения: когнитивный аспект // Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прагматический аспект / Под ред. и с вступ. ст. Пищаликовой В. А. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 3–8.
- Романенко А. П. Типы советской культуры и язык // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28. С. 29–48.
- Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: функциональные грамматические категории. Текст и контекст. М., 1984. 211 с.
- Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken, 2011. 192 с.
- Толстая С. Н., Толстой Н. И. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. 241 с.
- Шкуран О. В. Бинаризация понятий *профанный* – *десакральный* в культурно-языковой константе «русскости» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 327–342 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tl-ic.kurksu.ru/#archive> (дата обращения 29.06.2020)
- Шкуран О. В. Параметризация когнитивно-мыслительных кодов лингвокультуры «профанный язык» – «десакральный язык» // Когнитивные исследования языка. М.: Ин-т языковедения РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2020. Вып. 43. С. 194–199.

Original article

Oksana V. Shkuran, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Lugansk People's Republic)
ORCID 0000-0002-0063-464X; oksana.shkuran@mail.ru

SACRALIZATION OF THE LINGUISTIC UNIT *IDOL* ILLUSTRATED BY MEDIA TEXTS

Abstract. One of the topical issues of modern linguistics is the study of the axiological and functional aspects of Russian linguistic units used in media texts as modern linguocultural units with sacred semantics and with an increased index of stylistic expression. The object of the research is the linguistic unit *idol*, while the subject is the process of its linguistic sacralization. The article presents a spectrum of sacred meanings of the empirical material with the word *idol* in media texts. The word *idol* is investigated in its synchronous and diachronous aspects: from the interpretation of its meaning in the Old Testament texts with desacred semantics to the active use of the transformed linguistic unit with sacred meaning by the authors of media texts. The aim of the article is to study the process of sacralization of the lexeme *idol* from the name for a pagan artifact to the name for objects idealized by modern young people. The linguistic life of the Soviet society largely determined the semantics of the studied unit (*idol*), its role in speech and in the value state of the literary language of the modern logosphere through popularization of the images of outstanding and unique personalities. Thus, fixation of dictionary definitions in lexicographic sources showed that secularized literature and later the media space deliberately determined the vector for the formation of quasi-cultural values – modern *idols* focusing on egocentric needs. The research material observantly illustrates the active processes of language development and the formation of the language taste of the epoch.

Keywords: linguistic sacralization, linguistic desacralization, semantic transformation, stylistic expression, media text, nuclear and peripheral meanings

For citation: Shkuran, O. V. Sacralization of the linguistic unit *idol* illustrated by media texts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.679

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. Collected works in 7 vols. Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s. Moscow, 2003. 955 p. (In Russ.)
2. Kolesov, V. V. Old Russian literary language. Leningrad, 1989. 296 p. (In Russ.)
3. Lomakina, O. V., Shkuran, O. V. Methods of communicative intention explication of the phraseological unit with biblical expression “forbidden fruit”. *Izvestiya of Smolensk State University*. 2020;2(50):65–76. (In Russ.)
4. Maslova, V. A. Linguoculturology: Textbook for students of higher educational institutions. Moscow, 2001. 208 p. (In Russ.)
5. Pishchalnikova, V. A. Foundations of the dynamic theory of meaning: cognitive aspect. *Lukashevich E. V. Cognitive semantics: evolutionary and pragmatic aspect. (V. A. Pishchalnikova, Ed.)*. Barnaul, 2002. P. 3–8. (In Russ.)
6. Romanenko, A. P. Types of Soviet culture and language. *Issues of Stylistics*. Saratov, 1999. Issue 28. P. 29–48. (In Russ.)
7. Solganik, G. Ya. The problem of text modality. The Russian language: functional grammatical categories. Text and context. Moscow, 1984. 211 p. (In Russ.)
8. Sternin, I. A., Rudakova, A. V. Psycholinguistic meaning of the word and its description. Saarbrücken, 2011. 192 p. (In Russ.)
9. Tolstaya, S. N., Tolstoy, N. I. Slavic ethnolinguistics: theoretical issues. Moscow, 2013. 241 p. (In Russ.)
10. Shkuran, O. V. Binarization of the concepts *profane – desacral* in the cultural and linguistic constant of “Russianness”. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020;2(37):327–342. Available at: <https://tl-ic.kurksu.ru/#archive> (accessed 29.06.2020). (In Russ.)
11. Shkuran, O. V. Parametrization of cognitive and thinking codes of the linguoculture “profane language” – “desacral language”. *Cognitive studies of language*. Moscow, Tambov, 2020. Issue 43. P. 194–199. (In Russ.)

Received: 31 May, 2021; accepted: 30 July, 2021

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ *СВОЙ* В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение особенностей функционирования местоимения *свой*, в большинстве случаев не имеющего аналогов в других языках, а именно семантических, грамматических и прагматических свойств лексемы в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Необходимость обращения к системному рассмотрению данной категории объясняется наличием ошибок и сомнений иностранцев и носителей русского языка при использовании возвратно-притяжательного местоимения. Анализируются приемы и этапы введения языкового материала, направленного на усвоение правил употребления местоимения *свой* на примере различных учебников по русскому языку как иностранному. Практическая ценность работы состоит в предоставлении рекомендаций по употреблению лексемы *свой*: делается вывод о возможности / невозможности его замены на притяжательные местоимения *мой*, *твой* и др., отмечается ограничение синтаксических функций в связи с многозначностью лексемы и условиями речевого акта.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, местоимение *свой*, методика преподавания, возвратно-притяжательное местоимение

Для цитирования: Шубина Н. С. Особенности употребления местоимения *свой* в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.680

ВВЕДЕНИЕ. СВОЕОБРАЗИЕ МЕСТОИМЕНИЯ *СВОЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Преподавание русского языка иностранцам позволяет оценить богатство и разнообразие русского языка и вместе с тем глубже понять особенности функционирования тех или иных лексических единиц и грамматических категорий. В частности, именно опыт общения с иностранными студентами привел к размышлению о местоимении *свой*, которое в русском языке традиционно относится к притяжательным (или – реже – к возвратно-притяжательным), наряду с такими местоимениями, как *мой*, *твой*, *наши*, *ваши* и др., однако его употребление в речи осложняется, во-первых, многозначностью, во-вторых, особой коммуникативно-прагматической ролью.

В толковых словарях русского языка фиксируется до семи значений местоимения *свой*, оно может использоваться как в прямом, так и в переносном значении, нередко входит в состав фразеологизмов, к тому же исследователями отмечены случаи трансформации значения, при которых местоимение приобретает оценочные свойства и особые возможности в плане от-

ражения оппозиции «свое – чужое», а именно способности очерчивать «ближайшее к субъекту и примыкающее к нему личностно-телесное, родственно-общинное, территориально-природное, вещественно-предметное и идеальное пространство» [7: 54].

Местоимение *свой* указывает на принадлежность «любому лицу единственного и множественного числа, выступающему в качестве субъекта действия»¹, то есть является своеобразным «конкурентом» притяжательных местоимений *мой*, *твой*, *наши*, *ваши* и др., причем

«притяжательные местоимения *свой*, *своя*, *свое*, *свои* являются нейтрализованными по признаку дифференциации лиц в речевых актах и указывают на принадлежность предмета субъекту действия или состояния: *студент читает свой реферат* (я читаю, ты читаешь, он читает свой реферат)»².

Несмотря на «активное использование возвратно-притяжательного местоимения по сравнению с собственно притяжательными» [5: 9], даже у носителей русского языка возникают ошибки и сомнения при употреблении местоимения *свой*. Э. В. Колесникова в статье «*Свой* или *мой*: синтаксика, семантика, прагматика» пишет:

«Почему неопределенно-личное *свой* занимает одну структурную клетку вместе с личными *мой / наши, твой / ваши*? Почему язык это допускает и не избавляется от дублетов? И почему, наконец, носители русского языка порой отказываются признавать конструкции с личными формами *правильными?*» [6: 74].

Эти вопросы можно дополнить следующими: когда местоимение *свой* является взаимозаменяемым с притяжательными местоимениями *мой, твой, наши, ваши?* Когда замена невозможна? Возможно ли употребление местоимения *свой*, если в предложении субъект действия формально не выражен или нет указания на субъект действия? Эти и другие вопросы возникают и у иностранцев, в родном языке которых не всегда есть равнозначная единица.

Особенности употребления местоимения *свой* в иноязычной аудитории при отсутствии в родном языке аналога уже неоднократно комментировались исследователями в сопоставлении с английским [8], французским [1], китайским [3] и другими языками, однако данная проблема сохраняет свою актуальность и требует специального рассмотрения в более широком контексте, позволяющем сформировать ряд рекомендаций для любого иностранного обучающегося.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ *СВОЙ* В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ)

К изучению местоимения *свой* иностранные учащиеся обращаются на начальном этапе: оно входит в лексический минимум по русскому языку как иностранному элементарного уровня (A1)³. Однако авторы учебников по РКИ по-разному представляют данный языковой материал: 1) упражнения без теоретических сведений; 2) объяснение теории на английском языке; 3) представление особенностей употребления анализируемого местоимения через иллюстрации с комментариями и таблицы.

1) В пособии Л. В. Московкина, Л. В. Сильвиной «Русский язык. Элементарный курс для иностранных студентов»⁴ обучающимся предлагается познакомиться с примерами употребления местоимения *свой* и самостоятельно сделать выводы об особенностях его значения и употребления:

«Прочитайте предложения, проанализируйте значение возвратного местоимения *свой*. 1. Это мой портфель. Я положил свой портфель на стол.» и др. примеры. «2. Я попросил у Наташи свой учебник. Наташа дала мне мой учебник» и др. примеры.

Такой подход (от примеров к выводам) представляется малопродуктивным, так как не все

студенты, изучающие русский язык, способны осмыслить лингвистические явления без теоретической базы. Задача преподавателя, которую самостоятельно нужно будет искать способы объяснения нового языкового явления, соответственно, усложняется.

2) В учебнике И. М. Пулькиной, Е. Б. Захаровой-Некрасовой «Русский язык. Практическая грамматика с упражнениями», предназначенном для лиц, имеющих начальную подготовку по русскому языку, применяется иной подход к объяснению языкового материала. Теоретические сведения о местоимении представлены на английском языке:

«The pronoun **свой** ‘one’s (own) shows that the object it qualifies belongs to the performer of the action (which is the subject of the clause or sentence)».

Далее следует перевод всех иллюстраций на английский язык с помощью местоимений *my, your, his, our, their* с указанием на то, что предложения типа «Мы кончили свою работу» и «Мы кончили нашу работу» имеют сходное значение: «The meaning of the two sentences is the same»⁵. Данный подход нельзя признать правильным, так как, несмотря на широкое распространение английского языка, использование учебника возможно не в любой аудитории, а только в англоговорящей.

К тому же перевод с помощью местоимений *my, your, his, our, their* не всегда является корректным: замена местоимения *свой* на *мой, твой, его, наши, их* не всегда равнозначна. Ю. А. Бельчиков в «Практической стилистике русского языка» отмечает:

«...при желании усилить эмоциональность высказывания, а также при подчеркивании принадлежности предмета, лица, свойства, черты характера кому-либо (в том числе и говорящему) или личной причастности того, о ком идет речь, к чему-либо предпочтительно употребление местоимений *мой, твой, наш, ваши*: Я дочь мою мнил осчастливить браком (Пушкин), И вы не смоете всей вашей черной кровью Поэта праведную кровь (Лермонтов)» [2].

Участники проекта корпусного описания русской грамматики⁶, анализируя примеры, приведенные в работах Е. В. Падучевой и А. Д. Шмелева, подчеркивают, что притяжательные местоимения *мой, твой* и другие обладают конкретным значением в отличие от местоимения *свой*, которое может относиться «к разным лицам в разные моменты времени»:

(1) а. Только мне было жалко мою собаку ≠
б. Только мне было жалко свою собаку.

(2) а. Даже в такой ситуации я бы не мог ударить мою жену ≠

б. *Даже в такой ситуации я бы не мог ударить свою жену.*

В (1а) именная группа *мою собаку* обозначает конкретное животное, а в (1б) собаки у разных людей разные; именная группа *мою жену* в (2а) обозначает конкретное лицо, а *свою жену* в (2б) может относиться к разным лицам в разные моменты времени (иначе – в разных возможных мирах).

Таким образом, авторы русской корпусной грамматики приходят к выводу о том, что «возвратное местоимение обладает более широкими возможностями, чем личное», отмечая, что «это видно в дистрибутивном (ситуация с несколькими участниками) и модальном (условное наклонение) контексте»⁷.

Продолжая мысль об отличии притяжательных местоимений и возвратно-притяжательного *свой*, можно также привести выводы Э. В. Колесниковой, которая считает, что

«мой по сравнению со *свой* обладает более выраженной семантикой интимности и важности для говорящего его личной сферы, его приватного пространства. Я не позволю вам вмешиваться в мою личную жизнь звучит сильнее и категоричнее, чем аналогичное высказывание с анафором (местоимением «свой»): как видим, семантика принадлежности говорящему здесь выражена тавтологично – не просто моя, но моя и только моя личная жизнь» [6: 79].

3) Один из самых удачных вариантов описания особенностей употребления местоимения *свой* представлен в популярном учебнике «Дорога в Россию». Еще до введения теоретического материала местоимение *свой* активно внедряется в сознание изучающих русский язык через формулировки заданий в учебнике элементарного уровня (А1):

«Покажите фото *своей* семьи и расскажите о ней; Начните *свой* ответ так... ; Вы хотите познакомить *своего* друга (подругу) с друзьями в группе. Расскажите немного о нем (о ней)»⁸ и др.

Прием опережающего введения лексических единиц позволяет учащимся интуитивно научиться использовать то или иное слово, однако сознательность применения лексико-грамматических средств русского языка позволяет понимать суть языковых явлений, прочно усваивать и грамотно употреблять их с учетом всех семантических нюансов.

Более подробное рассмотрение местоимения *свой* предполагается на базовом уровне (А2). В учебнике «Дорога в Россию»⁹ студентам нужно проанализировать иллюстрации с комментариями и таблицу, демонстрирующие особенности употребления анализируемого языкового

явления, ориентируясь на которые обучающийся должен сделать вывод о том, что 1) если субъект, выполняющий действие, совпадает с владельцем объекта, о котором идет речь, то необходимо использовать местоимение *свой*: *Антон не думает о своем здоровье; Анна думает о своем здоровье; Но больше всего врач думает о своем здоровье*; 2) если субъект, выполняющий действие, не является владельцем объекта, о котором идет речь, то следует использовать притяжательные местоимения *его, ее* и др.: *Мама заботится о его и ее здоровье; Врач заботится о его здоровье; Врач заботится о ее здоровье; Врач заботится об их здоровье*; 3) местоимение *свой* может быть синонимичным местоимениям *мой, твой, наши, ваши*, но не является взаимозаменяемым с местоимениями *его, ее, их*: *Я думаю о своем = о моем друге, Ты думаешь о своем = твоем друге, Мы думаем о своем = нашем друге, Вы думаете о своем = вашем друге*, но *Он думает о своем ≠ его друге, Она думает о своем ≠ ее друге, они думают о своем ≠ их друге*; 4) местоимение *свой* нельзя использовать при существительном в именительном падеже: *Это мой друг (1). Мой друг учится со мной в одной группе (1)*, но *Я расскажу вам о своем друге (6)*.

Отметим, что и во многих других учебниках по русскому языку как иностранному¹⁰ принцип представления теоретического материала через схемы, таблицы, иллюстрации также находит свое отражение, однако объем и качество материала уступают учебнику «Дорога в Россию».

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ МЕСТОИМЕНИЯ *СВОЙ*

Несмотря на детальное описание нюансов употребления местоимения *свой*, периодическое возвращение к теме при изучении других падежных форм, применение иллюстраций, схемнографической наглядности, разнообразных упражнений, направленных на дифференциацию притяжательных и возвратно-притяжательного местоимений, недочеты иностранных обучающихся при использовании данного языкового явления все же остаются. Их нельзя назвать частотными, однако некорректное употребление местоимений говорит о необходимости системного рассмотрения данной категории. Приведем некоторые примеры ошибок, условно разделив их на группы:

(1) **Свои* паспорт я забыл дома (вместо *свой* паспорт).

**Я пишу свои* текст (вместо *свой* текст).

(2) **Махмуд увидел его брата* (вместо *своего* брата).

(3) **Нет театра, потому что свой* родной город – небольшой город.

(4) *Самый хороший город в *своей* стране называется Амман.

Ошибки первой группы (1) можно отнести к фонетическим (когда иностранный студент не видит разницы между звуками [и] и [й]: [й] произносится с большим напряжением и очень кратко в отличие от гласного [и]) или графическим (когда обучающийся путает не только звуки, но и буквы). Преподавателю нужно обратить внимание на необходимость постановки специального знака над буквой Й, являющейся обязательным в отличие от точек над Ё, которые во многих случаях не используются. Отсутствие диакритического знака приводит к образованию иной грамматической формы: *свой* – местоимение мужского рода единственного числа, *свои* – форма множественного числа.

Ошибки второй группы (2) связаны с отсутствием учета условий речевого акта и коммуникативных ролей действующих лиц. Местоимение *свой* употребляется, когда «определяется предмет, принадлежащий действующему лицу»¹¹. При использовании местоимения *его* во фразе *Махмуд увидел его брата* мы понимаем, что брат «чужой», «не принадлежащий» Махмуду, тогда как местоимение *свой* в данном контексте будет говорить о том, что имеется в виду именно брат Махмуда.

Третья группа ошибок (3) связана с ограничениями местоимения *свой* в плане синтаксических функций: «...местоимение *свой* никогда не определяет в предложении подлежащее»¹². Как уже было сказано ранее, для выбора правильного местоимения необходимо различать субъект и объект, точнее, видеть, кому принадлежит объект – субъекту или нет. В конструкциях же с местоимением *свой* при подлежащем при отсутствии объекта сделать это невозможно, а значит, употребление притяжательного местоимения *свой* некорректно.

Ошибки четвертой группы (4) являются следствием нарушения логики¹³. Представленный пример показывает, что иностранный студент, не задумываясь об условиях употребления местоимения *свой*, не учитывает, что принадлежность города стране возможна, тогда как страна городу принадлежать не может. Поэтому во фразе *Самый хороший город в *своей* стране называется Амман* возможно использование только лично-притяжательного местоимения: *Самый хороший город в *моей* стране называется Амман*.

ПРАВИЛА УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ *СВОЙ*

Анализ ошибок иностранных студентов, научно-методическая литература, пособия по стили-

стике и другие материалы позволили сформулировать некоторые дополнительные рекомендации по использованию местоимения *свой*.

1) При употреблении местоимения *свой* нужно ориентироваться на коммуникативную ситуацию и понимать, кто является субъектом и кому принадлежит объект, о котором идет речь. В случае совпадения субъекта и владельца объекта необходимо использовать местоимение *свой* вместо притяжательных *мой*, *твой* и т. д. Нужно отметить, что представленное правило не всегда было актуальным:

«...при общем устойчивом характере в разные исторические периоды эта лексико-грамматическая конкуренция давала преимущество либо лично-притяжательным местоимениям, либо возвратно-притяжательному, либо нулевому варианту, то есть отсутствию притяжательного местоимения» [4: 4].

Для усвоения этого правила можно предложить обучающимся таблицу, в которой последовательно отражены замены местоимений *мой*, *твой*, *наш*, *ваши* и других на местоимение *свой*. По горизонтали располагаются личные местоимения – это субъект предложения или действующее лицо, по вертикали – указание на принадлежность объекта, в пустых ячейках предполагается использование соответствующих местоимений *мой*, *твой*, *наш*, *ваши*, *его*, *ее*, *их*.

Условия употребления местоимения *свой*
Conditions of using the pronoun *svoi*

	я	ты	мы	вы	он	она	они
мой	<i>свой</i>						
твой		<i>свой</i>					
наш			<i>свой</i>				
ваши				<i>свой</i>			
его					<i>свой</i>		
ее						<i>свой</i>	
их							<i>свой</i>

Если речь идет обо мне и моей книге, то *я взял свою книгу*; если речь идет о тебе и твоей книге, то *ты взял свою книгу* и т. д. Если же речь идет обо мне, но книга не моя, то *я взял твою / его / ее / вашу / нашу / их книгу* и т. д.

Представленное правило необходимо закрепить на практике, желательно используя большее количество упражнений, чем предлагается в анализируемом учебнике «Дорога в Россию». Хорошим дополнением является сборник упражнений О. И. Глазуновой «Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях»¹⁴, пособие по письму В. В. Самариной «Пишем каждый день по-русски»¹⁵, в котором предлагаются упражнения на использование замен:

«Напишите местоимение *свой* там, где это возможно (вместо местоимений *мой*, *твой*, *наши*, *ваш*); Напишите пропущенные местоимения *мой* или *свой* в правильной форме. В каких предложениях возможны варианты?» и другие формулировки заданий.

2) Нужно отметить, что представленное выше правило действует не всегда и конструкции «*Я взял мою книгу*» вместо «*Я взял свою книгу*» все-таки возможны, но, как уже ранее отмечалось, «этот параллелизм <...> носит экспрессивный характер»¹⁶.

Иностранному студенту необходимо объяснить, что при использовании форм 3-го лица замена местоимений *свой* на *его*, *ее*, *их* ведет к изменению смысла, тогда как в формах 1-го и 2-го лица при совпадении субъекта и владельца объекта предпочтительными вследствие своей частотности в речи носителей русского языка являются конструкции с местоимением *свой*. Однако предложения с местоимениями *мой*, *твой*, *наши*, *ваш* являются грамматически корректными, хотя используются реже: например, при необходимости сделать фразу более категоричной, подчеркнуть конкретность лица, предмета или для отражения каких-либо дополнительных оттенков значения.

Сравните фразы «*Я читаю свою книгу*», «*Дай мне свою книгу*», которые считаются предпочтительными, с конструкцией «*Я не хочу читать свою книгу, дай свою*», которая воспринимается носителями русского языка как неприемлемая и требует употребления притяжательных местоимений *мой* и *твой*, подчеркивающих противопоставление принадлежности предмета: *Я не хочу читать свою книгу, дай твою* или *Я не хочу читать мою книгу, дай твою*.

3) Особого комментария требуют конструкции с субъектом, формально не представленным во фразе. Речь идет об определенно-личных односоставных предложениях типа «*Возьми свой паспорт*», «*Читай свою книгу*». Несмотря на отсутствие личного местоимения в роли подлежащего, глаголы в форме императива указывают на того, кто данное действие будет выполнять, то есть субъект действия незримо присутствует в предложениях, а потому приведенные для примера конструкции понимаются однозначно, не вызывая сомнений как у говорящего, так и у слушателя. Отметим только, что в данных фразах замена местоимений на *твой* чаще отвергается носителями русского языка: **Возьми твой паспорт*, **Читай твою книгу*.

4) Также нужно иметь в виду, что субъект не всегда выражен формой именительного падежа существительного или местоимения. В научно-методической литературе указано, что

«местоимение *свой* употребляется в безличных предложениях, где субъект состояния обозначен формой дательного падежа: *Ей нужно взять свои книги*; *Студентам можно принести на зачет свои словари*»¹⁷.

Действительно, принадлежность объекта определить в данных конструкциях несложно, поэтому и трактовка местоимения *свой* однозначна. Если же в безличном предложении нет указания на действующее лицо, употребление местоимения *свой* выглядит сомнительным.

5) Необходимо обратить внимание на двусмысленность предложений с местоимением *свой* при наличии нескольких действующих лиц. Во фразе «*Я попросил друга принести свои тетради*» не ясно, чьи тетради нужно принести – мои или друга. Рекомендуется избегать таких конструкций, трансформируя их в сложные предложения (*Я попросил друга о том, чтобы он принес свои тетради*) или иначе выражая свои мысли.

6) Как уже было отмечено, местоимение *свой* никогда не определяет в предложении подлежащее. Возможно, это связано с тем, что оно «соотносительно с местоимением *себя*», которое не имеет формы именительного падежа, так как «обозначает объект действия, тождественный с субъектом»¹⁸.

Исключением будут случаи употребления *свой* при подлежащем не в качестве притяжательного местоимения (подробно «непротяжательные» значения местоимения *свой* были описаны Е. В. Падучевой [9]), а в роли прилагательного со значением *собственный*, *своеобразный*, *подходящий*, *родной*:

У него есть своя (то есть собственная) машина.

В каждом доме свой (то есть своеобразный) запах.

На все есть свои (то есть подходящие) правила.

Также и в составе устойчивых выражений местоимение *свой* может находиться при существительных в форме именительного падежа: *Своя рубашка ближе к телу*; *Своя ноша не тянет*; *Свои люди – сочтемся*; *У вас своя свадьба – у нас своя* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный перечень рекомендаций не охватывает всех нюансов употребления местоимения *свой*. Однако надеемся, что представленные комментарии относительно анализируемой лексемы будут полезны как иностранцам, так и носителям русского языка и помогут определиться с выбором подходящего местоимения с точки зрения грамматических норм и семантико- pragmaticальных условий общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русская морфология: Учеб. пособие для обучающихся по направлению подготовки бакалавриата «Филология» (профиль «Русский язык как иностранный») / Авт.-сост. А. А. Котов, Е. А. Мухина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 81.
- ² Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: Учебник. 3-е изд. / Под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб.: Лань, 2001. С. 446.
- ³ Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2013. 80 с.
- ⁴ Московкин Л. В., Сильвина Л. В. Русский язык. Элементарный курс для иностранных студентов. СПб.: СМИО Пресс, 2016. С. 235.
- ⁵ Пулькина И. М., Захарова-Некрасова Е. Б. Русский язык. Практическая грамматика с упражнениями: Учебник (для говорящих на английском языке). М.: Русский язык, 2000. С. 154.
- ⁶ Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 12.05.2021).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафонова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию: Учебник русского языка (элементарный уровень). 15-е изд., испр. СПб.: Златоуст, 2017. 344 с.
- ⁹ Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: Учебник русского языка (базовый уровень). 11-е изд. М.: ЦМО МГУ им М. В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2017. 256 с.
- ¹⁰ См, например: Чернышев С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2009. С. 142; Долматова О. А. Точка Ру. Tochka Ru. Russian course A2. М.: Пере, 2019. С. 44 и др.
- ¹¹ Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. С. 445.
- ¹² Там же.
- ¹³ В речи носителей, к сожалению, подобные ошибки также встречаются. Например, в рекламном тексте автошколы Петрозаводска: «*Кружка с логотипом своего заведения в подарок*». Некорректно использованное местоимение ведет к двусмысленности.
- ¹⁴ Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. 9-е изд. СПб.: Златоуст, 2017. С. 165–169.
- ¹⁵ Самарина В. В. Пишем каждый день по-русски: Пособие по письму. Иркутск: ИГЛУ, 2012. 124 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nashaucheba.ru/v61026/самарина_в.в._пишем_каждый_день_по-русски (дата обращения 12.05.2021).
- ¹⁶ Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. С. 447.
- ¹⁷ Книга о грамматике. С. 445.
- ¹⁸ Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. С. 98.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баклашкина О. Н., Карасёва В. А. Употребление притяжательных местоимений русского и французского языков в контексте идентификации «свой – чужой» // Global and regional research. 2020. Т. 2, № 2. С. 455–460.
- Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка: нормы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2012. 422 с.
- Ван Сяоян. Употребление русского возвратно-притяжательного местоимения *свой* в сопоставлении с китайским *zijide* // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 29–34.
- Гусева Л. А. Актуализация оценочного значения у местоимения *свой* в газетном тексте. // Культура. Литература. Язык: Материалы конф. «Чтения Ушинского» / Под ред. М. Ю. Егорова. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2015. С. 3–9.
- Гусева Л. А. Притяжательные местоимения в языке СМИ // Культура. Литература. Язык: Материалы конф. «Чтения Ушинского». Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2016. С. 8–12.
- Колесникова Э. В. *Свой* или *мой*: синтаксика, семантика, прагматика // Полилингвальность и транскультурные практики. 2013. № 1. С. 74–80.
- Кондрашова О. В., Шельдешова И. В. Ограничивающая семантика лексемы «свой» (по толковому словарю В. И. Даля) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 4 (227). С. 47–55.
- Куриленко К. В., Вишневская Ю. И., Стадник В. А. Притяжательно-возвратное местоимение *свой* и некоторые особенности его изучения в англоязычной аудитории // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации: Материалы 71-й научной сессии сотрудников университета / Витебский государственный медицинский университет. Витебск, 2016. С. 415–417.
- Падучева Е. В. Местоимение *свой* и его непротяжательные значения // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1983. С. 78–80.

Original article

Natalia S. Shubina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
nfomina81@yandex.ru

SPECIFICS OF USING THE PRONOUN *SVOY* IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

A b s t r a c t. The aim of the article is to investigate the specific functioning of the pronoun *svoy* (*own*), which in most cases has no analogues in other languages, namely the semantic, grammatical and pragmatic features of the lexeme in the context of teaching Russian as a foreign language. The need for a systematic review of this category is determined by the existence of mistakes and doubts of both foreigners and native speakers of the Russian language when using the reflexive possessive pronoun. The article analyzes the techniques and stages of introducing language material aimed at learning the rules of using the pronoun *svoy* through the examples of various textbooks for teaching Russian as a foreign language. The practical value of the article is in presenting recommendations for using the lexeme *svoy*: the author draws conclusions about when it is possible or impossible to replace it with the possessive pronouns *my*, *your*, etc., and notes the limited syntactic functions of the pronoun *svoy* in connection with the polysemy of the lexeme and the conditions of the speech act.

Key words: Russian as foreign language, pronoun *svoy*, teaching methods, reflexive possessive pronoun

For citation: Shubina, N. S. Specifics of using the pronoun *svoy* in the context of teaching Russian as a foreign language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.680

REFERENCES

1. Baklashkina, O. N., Karasyova, V. A. Russian and French possessive pronouns in the context of identification “friend or foe”. *Global and Regional Research*. 2020;2(2):455–460. (In Russ.)
2. Bel'chikov, Yu. A. Practical stylistics of the modern Russian language: the rules of word usage, idiomatic expressions, grammatical forms and syntactic constructions. Moscow, 2012. 422 p. (In Russ.)
3. Wang, Xiaoyang. The use of the Russian reflexive-possessive pronoun *cvoū* (in comparison with Chinese *zijide*). *Pedagogical Education in Russia*. 2016;12:29–34. (In Russ.)
4. Guseva, L. A. Actualization of the evaluative meaning of the pronoun *own* in newspaper texts. *Culture. Literature. Language: Proceedings of the conference “Ushinsky Readings”*. (M. Yu. Egorov, Ed.). Yaroslavl, 2015. P. 3–9. (In Russ.)
5. Guseva, L. A. Possessive pronouns in the language of mass media. *Culture. Literature. Language: Proceedings of the conference “Ushinsky Readings”*. Yaroslavl, 2016. P. 8–12. (In Russ.)
6. Kolesnikova, E. V. *Svoy or moy: syntax, semantics, pragmatics*. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2013;1:74–80. (In Russ.)
7. Kondrashova, O. V., Shel'deshova, I. V. The limiting semantics of lexeme “one's own” (according to the explanatory dictionary by V. I. Dahl). *The Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and the Arts*. 2018;4(227):47–55. (In Russ.)
8. Kurilenko, K. V., Vishnevskaya, Yu. I., Stadnik, V. A. Reflexive possessive pronoun *svoy* (*own*) and some features of its study in English-speaking classroom. *Achievements of fundamental medicine, clinical medicine and pharmacy: Proceedings of the LXXI scientific session of the University staff*. Vitebsk State Medical University. Vitebsk, 2016. P. 415–417. (In Russ.)
9. Paducheva, E. V. The pronoun *svoy* (*own*) and its non-possessive meanings. *Category of possessiveness in the Slavic and Balkan languages*. Moscow, 1983. P. 78–80. (In Russ.)

Received: 7 June, 2021; accepted: 31 August, 2021

ИРИНА СЕРАФИМОВНА УРМАНЧЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6376-1059; isurman@rambler.ru

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ (на примере печорской фразеологии)

Аннотация. Рассматриваются фразеологические единицы говоров Низовой Печоры, основанные на процедуре псевдоисчерпания и построенные по фразеологической модели, включающей союз *ни... ни*. Ставится цель выявить типы отношений между компонентами в сочинительных конструкциях с отрицанием, что должно способствовать экспликации семантических, лингвокультурологических, художественных особенностей идиом (гипотеза). В качестве материала к исследованию привлекаются фразеогизмы, зафиксированные на территории распространения печорских говоров (Усть-Цилемский район Республики Коми Российской Федерации), которые рассматриваются в сопоставлении с общерусскими и диалектными фраземами. Источниками материала послужили фразеологические, в том числе региональные, словари. В результате анализа печорских конструкций с псевдоисчерпанием было установлено, что компоненты этих оборотов вступают в разнообразные парадигматические отношения – антонимические и синонимические, гипонимические и партитивные, ситуативные и ассоциативные. Фразеогизмы с компонентами-экстремумами и синонимами обладают высокой степенью прогнозируемости состава идиомы. Спорадический выбор компонентов присущ оборотам с компонентами, находящимися в тематически близких отношениях. Анализ конструкций с псевдоисчерпанием как одним из способов идиоматического кодирования смысла позволяет реконструировать отдельные фрагменты диалектной и – шире – общерусской картины мира, раскрыть творческий потенциал русского народа.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, сочинительные конструкции с отрицанием, псевдоисчерпание, парадигматические отношения

Для цитирования: Урманчева И. С. Парадигматические отношения компонентов в конструкциях с псевдоисчерпанием (на примере печорской фразеологии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.681

ВВЕДЕНИЕ

Псевдоисчерпание – это перечисление отдельных элементов общего множества, создающее иллюзию представленности всех элементов множества. При этом выбор репрезентанта семантического объединения может быть закономерным или случайным, а сами элементы могут обладать разной конкурирующей способностью на фоне всех представителей множества. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский относят псевдоисчерпание к видам переинтерпретации. Переинтерпретация, в свою очередь, является составляющей категории идиоматичности¹, к базовым идеям (факторам) которой, наряду с переинтерпретацией, относятся непрозрачность и усложнение способа указания на денотат [2: 30–50]. Процедура псевдоисчерпания успешно реализу-

ется фразеологическими единицами, включающими союз *ни... ни*.

Фразеогизмы, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами, исследованы в научной литературе в разных аспектах, например в морфолого-сintаксическом [14], лингвокультурологическом [11], сопоставительном [7]. Довольно подробно рассмотрены вопросы семантико-грамматической классификации и компонентного состава подобных конструкций [20], [21], [23], стратегий номинации [3], моделирования семантики и вариантов фразеологизации [1]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский рассматривают конструкции с сочинительными союзами типа *ни свет ни брат, ни кола ни дворя* как метонимические модели, основанные на псевдоисчерпании [4: 24], исследование в их работах

проводится на базе общерусского фразеологического фонда.

В настоящей статье объектом изучения являются фразеологические единицы (ФЕ)² говоров Низовой (Нижней) Печоры, представляющие собой сочинительные конструкции с союзом *ни...* *ни*, основанные на псевдоисчерпании. Они относятся к фразеологическим моделям, состоящим из постоянных и переменных компонентов. Постоянными компонентами являются сочинительные союзы *ни...* *ни*; переменные компоненты регулярно заполняются в этих оборотах определенным лексическим материалом [14: 26]. Общее описание сочинительных конструкций с отрицанием представлено в статье автора «Фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, в говорах Низовой Печоры»³. В указанной работе конструкции с псевдоисчерпанием охарактеризованы с разных точек зрения: структуры и семантики, механизмов реализации процедуры псевдоисчерпания как вида переинтерпретации, художественных особенностей идиом. Печорские обороты рассмотрены на фоне общерусского фразеологического фонда, в отдельных случаях печорские фразеологизмы сравниваются с выражениями других говоров, в основном территориально близких. В настоящей статье более глубокому анализу будет подвергнут компонентный состав печорских сочинительных конструкций с псевдоисчерпанием. Выявление типа парадигматических отношений между компонентами фразеологизма сопряжено с экспликацией семантико-когнитивных и художественно-организационных особенностей подобных конструкций. Все рассмотренные в статье печорские фразеологические единицы зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н. А. Ставшина)⁴, преимущественно во втором томе. Ссылки на этот словарь в большинстве случаев не приводятся.

Фразеология печорских говоров в настоящей статье не описывается, так как задачи исследования не требуют детального освещения этого вопроса. С литературой по этой проблеме можно ознакомиться в работах автора (см., например: [18], [19]) и других ученых ([9], [13]).

Н. М. Шанский отмечает, что слова, которые объединяются в конструкциях с сочинительными союзами в целую единицу, выступают или как синонимичные, или как антонимичные [22: 83]. Ма Цзя считает, что во фразообразовательной модели, действующей по формуле «ни А ни Б», «А» и «Б» есть полярные понятия (например, *ни рыба ни мясо, ни дать ни взять*,

ни свет ни тьма и др.). Эта же модель, по мнению ученого, может включать синонимичные окказиональные компоненты (например, *ни складу ни ладу, ни охнуть ни вздохнуть и др.*) [14: 26]. Однако анализ диалектных фразеологизов показал, что компоненты конструкций с псевдоисчерпанием могут находиться в разных парадигматических отношениях, – антонимических, синонимических, гипонимических и др. Структурно-парадигматический аспект лексического значения характеризует нелинейные отношения знаков, образующих определенный класс взаимосвязанных и противопоставленных лексических единиц [16: 455], которые в составе фразеологизма подвергаются полной или частичной десемантизации. Рассмотрим подробнее компонентный состав фразем.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Кодируемая семантическая сфера может обозначаться двумя крайними точками – экстремумами [2: 41]. В лексическом плане это языковые или контекстуальные **антонимы**, образующие фразеологизированные антитезы, которые «характеризуются не столько противопоставленностью лексических значений компонентов, сколько их внутренним смысловым единством» [1: 181]. На **языковых антонимах** строятся такие пучорские идиомы, как *ни дня ни ночи не знать, ни сяди ни спереди, ни встретить ни проститься, ни добром ни ликом*.

Понятия *день* и *ночь* кажутся исчерпывающими, а антонимы, их передающие, комплементарными. Но, по мнению многих ученых, концептам времени суток присуща нечеткость и противоречивость. *День* по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого *утра*, но до наступления *вечера* [8: 64]. Концепт русского языка не разлагается полностью на составляющие его более узкие по объему концепты, он включает в себя понятие *утро* и частично *вечер*, но при этом сохраняет свою собственную незаменимость: с 13 до 16 – это только *день*, иначе это время не может быть названо [12: 198]. То есть между *днем* и *ночью* есть не вполне четкое, размытое понятие *вечер*, а после *ночи* (особенно летом в северных широтах) следует не *день*, а *утро*. Но при процедуре псевдоисчерпания вся эта размытость семантики нивелируется, в составе идиомы лексемы *день*, *ночь* выступают как максимально противоположные. В пучорском фразеологизме *ни дня ни ночи не знать* ‘беспрерывно мучиться’ временные

отрезки, заполняющие семантическую область *сутки*, обобщенно-метонимически обозначают все то, что человек не замечает во время мучительных страданий.

Компоненты-антонимы в составе конструкций с псевдоисчерпанием могут подвергаться разной степени десемантизации. Например, фразема *ни сзади ни спереди* характеризует, с одной стороны, худую, плоскогрудую женщину, с другой – женщину, не имеющую детей и мужа. Адвербальные компоненты способствуют формированию конкретной и отвлеченной семантики. Причем при реализации значения ‘худая, плоскогрудая женщина’ наречия *сзади* и *спереди* выполняют эвфемистическую функцию, маскируя детали внешности, делающие фигуру женщины особенно привлекательной. Но это далеко не полный перечень женских внешних признаков. При реализации абстрактной семантики ‘о женщине, не имеющей детей и мужа’ адвербальные компоненты ФЕ *ни сзади ни спереди* выполняют символическую функцию, метафорически описывая ситуацию одиночества.

Устойчивое выражение *ни встретить ни проститься* ‘ничего не уметь сделать правильно, как полагается’ основано на неточных антонимах. В «Словаре антонимов русского языка» (САРЯ) М. Р. Львова зафиксирована пара *встретиться – проститься*⁵. Идиома описывает сценарий встречи гостей, поэтому включает возвратный и невозвратный глагольные компоненты, называющие начальный и завершающий этапы приема гостей.

Конструкции, основанные на языковых антонимах, могут включать в свой состав компоненты, которые в литературном языке квалифицируются как устарелые или просторечные: *ни добром ни лихом не сговорить* ‘никакими средствами не договориться с кем-то’, где *лихо* (устар. и прост.) ‘зло’⁶. В словаре антонимов пара *добро – лихо* отсутствует. Во «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Коми»⁷ И. А. Кобелевой зафиксирован вариант *ни добро ни лихо*⁸.

Тематически близкие компоненты ФЕ в конструкциях с псевдоисчерпанием могут восприниматься как антонимы, то есть вступать в отношения противоположности только в пределах устойчивого оборота: *ни на ноги ногавки ни на руки рукавки, ни туши ни рожи, ни дома ни на поле, ни в работе ни в гульбе, ни в сусеке ни в мешке, ни костей ни вестей*.

Компоненты *ноги – руки* языковыми антонимами не являются. Согласно САРЯ слово *ноги* вступает в антонимические отношения со сло-

вом *голова*⁹, а слово *руки* вообще антонимов не имеет. В трехчастном внешнем и внутреннем атласе тела соматизмы *руки* и *ноги* занимают не противоположные ярусы этой конструкции, а срединный и нижний [6: 117–118]. И тем не менее в печорском фразеологизме *ни на ноги ногавки, ни на руки рукавки* ‘у кого-либо нет ничего, даже самого необходимого’ эти компоненты воспринимаются как антонимичные благодаря конструкции псевдоисчерпания, которая позволяет не перечислять все части человеческого тела, а упоминать только взаимосвязанные (объединяющим семантическим стержнем в данном случае является сема ‘конечности’). Компоненты *ногавки* и *рукавки* как самостоятельные слова в печорских говорах не зафиксированы (в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» (СРГНП) они отсутствуют). В архангельских и вологодских говорах *рукавки* означает ‘рукавицы’¹⁰, в говорах Карелии – ‘рукавицы, сшитые из рукава шубы’¹¹. У слова *ногавки* в СРНГ зафиксировано шесть значений¹². Однако в составе фразеологизма компоненты *ногавки* и *рукавки* могут быть окказиональными, не имеющими конкретного значения за пределами ФЕ и реализующими обобщенную семантику ‘вещь, надеваемая на определенную часть тела’, поскольку при процедуре псевдоисчерпания важен факт упоминания некоторых членов неназванного множества. Вся конструкция строится на редупликации, что дополнительно подтверждает окказиональность однокоренных компонентов.

Во фразеологизме *ни туши ни рожи* ‘о совсем непривлекательной, некрасивой женщине’ тело как нижняя часть человека условно противопоставляется верхней части, голове. В отличие от литературного языка, где компоненты *туши, рожа* стилистически и экспрессивно окрашены¹³, в печорских говорах, по всей видимости, они употребляются как нейтральные языковые единицы (ср.: *туши* – ‘тело, туловище человека и животного’: «*Он дерибоватой, а у неё фигура да туши баска*»¹⁴, *рожа* – ‘лицо’: «*Ты веть на рожу молодая*», «*Ранышэ рожой звали, нынче лицё*»¹⁵).

Противоположность компонентов наблюдается в печорских оборотах, которые характеризуют поведение, деятельность человека. В ФЕ *ни дома ни на поле* ‘нигде (кто-либо не хочет работать)’ компонент *на поле* символически противопоставлен компоненту *дома* и называет любую недомашнюю работу. Фразеологизм *ни в работе ни в гульбе* ‘кто-либо ни в чем не способен себя проявить’ условно делит жизнь человека на труд и отдых, при этом упоминаются далеко не единственные проявления этих состояний.

Во фразеологизме *ни в сусеке ни в мешке* ‘нигде ничего нет’ перечисляются возможные хранилища для зерна, псевдо-противопоставленные по принципу «статичность – динамичность». А в идиоме *ни костей ни вестей* ‘ничего не известно о ком-нибудь, нет ни письма, ни извещения о смерти’ компоненты *вести* и *кости* символизируют *жизнь* и *смерть*.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Псевдоисчерпание осложняется плеоназмом во фразеологизмах с компонентами-**синонимами** и **семантически близкими словами**, например: *ни дела ни работы* ‘о бездельном времяпрепровождении’, ‘о невозможности работать из-за кого-то или чего-то’. Оборот *ни складу ни ладу* ‘невозможно с кем-нибудь договориться’ («Да с *Никифоровой* ни складу ни ладу») является семантическим вариантом общерусского выражения, так как в говорах Низовой Печоры употребляется с иным, по сравнению с литературным языком, значением: *общерус.* *ни складу ни ладу* ‘никакого порядка; нет логики, связи, стройности’¹⁶.

Один из компонентов-синонимов в составе сочинительных конструкций с отрицанием может употребляться в переносном смысле (*ни шуму ни грому* ‘кто-либо ведет себя тихо, спокойно, никого не беспокоит’, где *гром* – ‘сильный шум’¹⁷) или в устаревшем / областном значении (*ни письма ни грамотки* ‘нет никаких известий от кого-либо’, где *грамота* – устар. ‘письмо, пожелание’¹⁸; *ни скота ни живота* ‘нет своего хозяйства’, где *живот* – устар. ‘домашний скот’¹⁹, печор. ‘сельскохозяйственное животное’²⁰; *ни вести ни павести* ‘нет никаких известий о ком-либо’, где *павесть* – волог., арх., печор., мурман. и др. ‘известие, молва, слух’²¹).

Диалектными могут быть оба синонимичных компонента ФЕ: *ни в тешках ни в бажках* ‘не быть избалованным семьей или жизнью’. Компоненты *тешка*, *бажка* в значении ‘забота, уход, любовь’, по данным СРГНП, употребляются только в составе идиом²². Во фразеологизме *ни спыху (сдоху) ни отдоху* ‘нет никакого отдохха’ и ‘нет покоя от кого-нибудь’ все компоненты являются локализмами: *спых* < *спыхнуть* ‘сделать вдох’²³, *отдох* ‘прекращение занятий, работы для восстановления сил’²⁴. Лексема *сдох* в СРГНП не зафиксирована, но в печорских говорах употребляется глагол *сдыхать* со значением ‘дышать’²⁵. Возможно, *сдох* либо словообразовательный диалектизм (ср. лите-рат. *вздох*), либо трансформированный для эв-

фонической стройности идиомы дериват глагола *сдыхать*, либо контаминация лексем *вздох* и *сдыхать*. Не являясь узуальными синонимами, компоненты *спых* / *сдох* и *отдох* семантически сближаются в составе идиомы для реализации общего смысла ‘покой, передышка’.

В некоторых конструкциях с псевдоисчерпанием отрицанию подвергаются компоненты, представляющие собой одно целое. О крайней нищете, отсутствии самого необходимого в говорах Низовой Печоры скажут *ни рубахи ни перемывахи*. *Рубаха* – ‘женская длинная холщовая рубашка с рукавами, надеваемая под сарафан’, *рубаха-перемываха* – ‘одна-единственная рубашка’, *рубаха да перемываха* – ‘одна пара рубашек, которые носят на смену’²⁶. В сочинительной конструкции с отрицанием наблюдается семантическое дробление денотата, усиливающее экспрессивный эффект.

Смысловая избыточность поддерживается введением в состав фразеологизма семантически близких, иногда окказиональных компонентов, которые обладают сходством звучания, рифмуются: *ни выходных ни проходных, ни вести ни павести, ни рубахи ни перемывахи, ни сдоху ни отдоху*.

Подтверждением узуальности оборотов, помимо фиксации в словарях, является их употребление в других говорах. Например, ФЕ *ни скота ни живота* употребляется также в говорах Прикамья²⁷, сибирских говорах²⁸. Фразеологизм *ни письма ни грамотки* в варианте *ни письма ни грамоты* зафиксирован в волгоградских, донских диалектах²⁹ и говорах Карелии³⁰. Оборот *ни вести ни павести* ‘нет никаких известий о ком-либо’ в этом же значении употребляется в говорах Мурманской, Ленинградской, Костромской областей, Пермского, Красноярского края и др.³¹

ГИПОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Для реализации процедуры псевдоисчерпания оптимально подходят компоненты-**согипонимы**, то есть слова, находящиеся в **гипонимических** (видовых) отношениях и связанные интегральной семой. Подобные слова образуют незамкнутое семантическое множество, все члены которого не могут быть перечислены в одной идиоме: *ни за гроши ни за копейку*; *ни прясть, ни ткать, ни вязь вязать*; *ни мучицы ни крутицы*; *ни здравсти ни прости*; *ни а ни бэ (не знать)*. Выбор компонента в таком случае кажется случайным (ср., например, ФЕ *ни здравсти ни прости* (неодобр.))

‘о невежливом, неприветливом человеке’), но подобное объяснение, очевидно, не всегда оправданно.

Так, во фразеологизме *ни за гроши ни за копейку* ‘ни за какие деньги’ компоненты *гроши* и *копейка* находятся в гипонимических отношениях, соотносясь с гиперонимом *денежная единица*, видовыми представителями которого могут быть любые наименования денежных средств, однако в идиоме используются именно эти компоненты. По наблюдениям лингвокультурологов, *гроши* обретает во фразеологизмах роль эталона минимальной ценности, с помощью которого «измеряются» свойства различных предметов и явлений³². Лингвокультуреरа *копейка* часто характеризует тяжелое финансовое состояние, а также имеет отношение к созданию капитала, накопительству [5: 127]. В печорском фразеологизме компоненты *гроши* и *копейка* выступают как эталоны денег вообще, ср.: «*Да я их девку ни за гроши ни за копейку в жёны не возьму*».

Символическим воплощением продуктов питания являются компоненты фразеологизма *ни мучицы ни крупицы* ‘нет никакого продовольствия’. Компоненты объединяются интегральной семой ‘вещество, получаемое в результате обработки зерна’, но называют разную степень дробления злаковых, которые относились к трудно добываемому, поэтому наиболее почитаемому виду пищи. Этот признак был переосмыслен в категориях ценности, что обусловило вовлечение *хлеба* в процесс его одухотворения и сакрализации [10: 271].

Во фразеологизме *ни а ни бэ* (*не знать*) смысл ‘неграмотный, необразованный’, ‘непонятливый, бестолковый’ выражается не компонентами-экстремумами, но и не абсолютно случайными называниями букв, а первыми наименованиями, которые символизируют азбуку, письмо, грамоту в целом.

В трехчастной идиоме *ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать* ‘о девушке, не приученной ни к какой женской работе, любящей только развлекаться’ перечисляются женские, традиционные для крестьянской семьи занятия, связанные только с изготовлением одежды, текстиля.

ИНЫЕ ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Компонентами конструкций с псевдоисчерпанием могут быть слова, находящиеся в **ситуативных, ассоциативных** отношениях, принадлежащие одной семантической области: *ни присесть ни поесть* ‘в доме нет ни мебели, ни пищи’, *ни послать ни помочь* ‘о никчемном человеке, от ко-

торого нет никакой помощи’, *ни пару ни жару* ‘о недостаточно горячей печи, бане’, *ни в сноп ни в горсть* ‘о ком-либо невыразительном, безликом, неинтересном ни в каком отношении’, ‘о том, кто крайне недобросовестно работает’ (отметим, что в значении ‘ничего не делать, бездельничать’ ФЕ *ни в сноп ни в горсть* употребляется в говорах Свердловской области³³). В многозначном фразеологизме *ни туесу ни губ* для выражения смысла ‘нет самого необходимого’, ‘нет средств’, ‘нет толку, пользы’ употребляются тематически связанные диалектные слова *туес* ‘берестяной сосуд цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой’³⁴ и *губы* ‘грибы’³⁵. Ср.: «*Ни туесу ни губ, даже ведра в доме нету, только по людям ходят*»; «*О, ни туесу ни губ нету, а они новый дом хотят*»; «*Учи его, учи, а ни туесу ни губ нету*» (в говорах Прикамья у этого фразеологизма фиксируется только одно значение, совпадающее с печорским, – ‘о ком-либо, о чем-либо, не приносящем пользы’³⁶).

Единичными примерами в говорах Низовой Печоры представлены фразеологизмы с компонентами, находящимися в **паритивных** (*ни гробу ни могилы* ‘об умершем человеке, чье тело не захоронено’, *ни пены ни пузыря* ‘нет никаких следов чьего-то присутствия’, *ни куста ни листа* ‘никакой растительности’, *ни куста ни листа* (*не знать*) ‘совсем не знать данной местности’) и **паронимических** отношениях (*ни одеть ни надеть* ‘нет никакой одежды’). Подобным оборотам присуща смысловая избыточность, плеонастичность. Добавим, что ФЕ *ни гробу ни могилы* в говорах Прикамья используется как пожелание неудачи, несчастья, всего самого плохого³⁷, а оборот *ни пены ни пузыря* в разных вариантах (*ни пены (пенки) ни пузыря (пузырей, пузырьев)*) зафиксирован в пермских, сибирских говорах³⁸.

Нередко установить, в каких именно парадигматических отношениях находятся компоненты конструкций с псевдоисчерпанием, невозможно из-за непрозрачности компонентного состава: *ни течи ни речи*, *ни с краю ни с берегу*, *ни осю ни орю*, *ни корки ни макорки*, *ни аз ни баз* (*не знать*).

Можно предположить, что в печорском обороте *ни течи ни речи* ‘от кого-то нет ни помощи, ни совета’ слова-компоненты семантически сближаются. Слово *течь* в СРГНП не зафиксировано. «Словарь русских народных говоров» приводит четыре омонима с лексемой *течь*, из которых логике печорского оборота соответствует архангельское слово *течь* со значением ‘голос, способность к пению’ (употребляется в составе фразеологизма *течи нет*)³⁹. У слова *речь* в говорах

Низовой Печоры фиксируется значение ‘слово’⁴⁰. Вероятно, оба компонента обозначают речевую способность человека, создавая в конструкции с псевдоисчерпанием смысловую избыточность.

Во фразеологизме *ни с краю ни с берегу* ‘непонятно, бестолково, нелогично (говорить)’ установить парадигматические отношения компонентов еще сложнее. *Край* в печорских говорах означает ‘начало’⁴¹. Ни диалектное, ни общерусское значение слова *край* ‘предельная линия, предельная часть чего-нибудь’ не объясняет логику объединения его со словом *берег* для выражения семантики неупорядоченного изложения информации.

Абсолютная компонентная непрозрачность, полная десемантизация компонентов наблюдается в печорских оборотах *ни осю ни орю* ‘совсем ничего (не знать, не понимать)’, *ни корки ни макорки* ‘нет ничего съестного’. Можно предположить, что компонент *орю* – форма глагола *орать* ‘пахать’⁴², а компонент *макорка* – фонетический вариант со смысловым согласным слова *махорка*, но лексикографические источники не помогают прояснить ситуацию, поэтому такое предположение должно остаться на уровне гипотезы до появления новых данных. Оправданной в отношении подобных оборотов могла показаться версия об их окказиональности, речевой обусловленности. Но, например, ФЕ *ни аз ни баз* (*не знать*) зафиксирована не только в Усть-Цилемском районе, на территории которого распространены говоры Нижней Печоры (север Республики Коми)⁴³, но и в Усть-Вымском районе – территории распространения русских говоров бассейна Нижней Вычегды (юго-запад Республики Коми)⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ печорских фразеологических единиц, основанных на процедуре псевдоисчерпания, позволил установить разнообразные парадигматические отношения компонентов двух- или трехчастных конструкций с отрицанием: антонимические, синонимические, гипонимические, ситуативные, ассоциативные, партитивные, паронимические. При этом процедура псевдоисчерпания далеко не всегда реализуется компонентами, находящимися в парадигматических отношениях. Бинарная модель с отрицанием может включать целые сценарии (скрипты): *ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед; ни первом писать, ни топором чесать; ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны*⁴⁵. Не исключены также дизъюнктивные отношения компонентов (*ни с краю ни с берегу, ни осю ни орю*) во многом за счет непрозрачных и окказиональных компонентов.

Процедура псевдоисчерпания предполагает спорадический выбор лексических элементов для вербализации концепта. Например, семантическая идея ‘неумелый, никчемный, ни к чему не приспособленный человек’ выражается неоднородными лексемами, находящимися в различных парадигматических отношениях (*ни встретить ни проститься, ни дома ни на поле, ни в работе ни в гульбе, ни послать ни помочь*). В двухчастной (реже трехчастной) конструкции все элементы, представляющие определенную семантическую область, не могут быть перечислены. Парадигматика лексем способствует логической организации фразеологизма и прогнозируемости его компонентного состава. Оптимально этим задачам отвечают компоненты-экстремумы ввиду их очевидной противопоставленности и минимального объема парадигмы. Компоненты-синонимы тоже успешно реализуют процедуру псевдоисчерпания вследствие незамкнутости структуры синонимического ряда, который может включать слова в прямых и переносных значениях, областные и устаревшие лексемы. В конструкциях с компонентами-синонимами всегда наблюдается смысловая избыточность, повышающая интенсивность и экспрессивность фраземы.

Парадигматическая детерминированность компонентного состава фразеологизмов не единственный фактор, объясняющий выбор того или иного компонента. Немаловажную роль в создании сочинительных конструкций с отрицанием, как и многих других фразеологических единиц, играют художественные приемы повышения выразительности фраземы, такие как антитеза (*ни добром ни лихом; ни сзади ни спереди*), редупликация (*ни на ноги ногавки ни на руки рукавки; ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать*), парономасия и ритмико-рифмическая организация (*ни костей ни вестей; ни сдоху ни отдоху; ни рубахи ни перемывахи; ни корки ни макорки* и др.).

В заключение отметим, что некоторые из проанализированных фразеологизмов в разных формальных и семантических вариантах употребляются в других говорах, не только печорских⁴⁶. При процедуре псевдоисчерпания та или иная семантическая идея вербализуется отдельными компонентами, которые создают иллюзию представленности всех членов семантического множества. Поэтому в русских диалектах возникают фраземы, в которых используются разные лексемы-представители этого множества – в каждом говоре свои.

Парадигматическая взаимообусловленность компонентов фразеологических единиц с союзом *ни...* *ни* является одним из немаловажных условий реализации процедуры псевдоисчерпания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Категория идиоматичности и термин *идиоматичность* широко освещены в научной литературе (см., например: [15], [17], [24], [25]).
- ² В настоящей работе термины *фразеологическая единица* (*ФЕ*), *фразеологизм*, *фразема*, *устойчивый оборот* употребляются как взаимозаменяемые, синонимичные. Автор статьи придерживается широкого взгляда на фразеологический состав языка.
- ³ Статья автора «Фразеологизмы, основанные на псевдоисчертании, в говорах Низовой Печоры» принята к публикации в журнале «Вестник Томского государственного университета. Филология» 05.11.2020.
- ⁴ Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. / Сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008 (далее – ФСРГНП).
- ⁵ Льзов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. С. 97, 501 (далее – САРЯ).
- ⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. С. 322 (далее – СОШ).
- ⁷ Печорские говоры распространены на территории Усть-Цилемского района Республики Коми.
- ⁸ Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. С. 73 (далее – ФСРГРК).
- ⁹ САРЯ. С. 535.
- ¹⁰ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2002. Вып. 35. С. 247 (далее – СРНГ).
- ¹¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1994–2002. Т. 5. С. 579 (далее – СРГК).
- ¹² См.: СРНГ. Вып. 21. С. 265.
- ¹³ СОШ. С. 671, 806.
- ¹⁴ Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. Т. II. С. 365 (далее – СРГНП).
- ¹⁵ Там же. Т. II. С. 228.
- ¹⁶ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 621 (далее – ФСРЛЯ).
- ¹⁷ СОШ. С. 142.
- ¹⁸ Федоров А. И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка. М.: Восток-Запад, 2012. С. 178.
- ¹⁹ Там же. С. 222.
- ²⁰ СРГНП. Т. I. С. 207.
- ²¹ СРНГ. Вып. 25. С. 108.
- ²² СРГНП. Т. II. С. 348.
- ²³ Там же. Т. II. С. 308.
- ²⁴ Там же. Т. I. С. 539.
- ²⁵ Там же. Т. II. С. 260.
- ²⁶ Там же. Т. II. С. 233.
- ²⁷ Прокошева К. Н. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972. С. 32 (далее – МФС).
- ²⁸ Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1977. С. 128.
- ²⁹ Словарь русских донских говоров: В 3 т. Ростов н/Д, 1975–1976. Т. 3. С. 13.
- ³⁰ СРГК. Т. 4. С. 521.
- ³¹ СРНГ. Вып. 25. С. 108.
- ³² Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 158.
- ³³ СРНГ. Вып. 21. С. 213.
- ³⁴ СРГНП. Т. II. С. 362.
- ³⁵ Там же. Т. I. С. 161.
- ³⁶ МФС. С. 102.
- ³⁷ Там же. С. 28.
- ³⁸ СРНГ. Вып. 25. С. 336.
- ³⁹ Там же. Вып. 44. С. 111.
- ⁴⁰ СРГНП. Т. II. С. 221.
- ⁴¹ Там же. Т. I. С. 346.
- ⁴² Там же. Т. I. С. 529.
- ⁴³ ФСРГНП. Т. II. С. 108.
- ⁴⁴ ФСРГРК. С. 15.
- ⁴⁵ Объектом исследования в настоящей статье подобные обороты не были, они рассмотрены в другой работе автора, см. примеч. 3.
- ⁴⁶ Например, ФЕ *ни туши ни рожки* зафиксирована в русских говорах Прилузья (юг Республики Коми), а также в варианте *ни из туши ни из рожки* ‘кто-либо не выделяется ни ростом, ни красотой’ – в пермских говорах. Оборот *ни шуму ни грому* ‘очень тихо, спокойно’ существует в архангельских и сибирских говорах. ФЕ *ни день ни ночь* в значении ‘никогда’ употребляется в сибирских говорах, в которых также зафиксирован оборот *ни дома ни на поле*, реализующий семантику, идентичную значению печорского выражения, – ‘о неумелом, ленивом человеке’. В разных вариантах употребляются ФЕ, которые можно соотнести с печор. *ни дела ни работы*: смол. *ни дела ни обмора*, пск. *ни дела ни полдела* и арх. *ни дела ни путя* имеют значение ‘о чьем-либо бездействии, безделье’, последний оборот в волгоградских и донских говорах имеет значение ‘никакой пользы, никакого толку от кого-, чего-либо’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Ни два ни полтора: семантика неопределенности в русской идиоматике // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 32–45.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.
6. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М.: Гно-зис, 2007. 288 с.
7. Ермакова Е. Н., Хлызова Т. Н. Фразообразующая функция компонентов *не / ни* в составе английских фразеологизмов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 11. С. 265–272.
8. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 57–65.
9. Кобелева И. А. Фразеология русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999. 84 с.
10. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
11. Ковшова М. Л. Ни кола ни двора: образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 208–220.
12. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
13. Ли А. Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 1992. 106 с.
14. Ма Ц. Современная русская фразеологическая модель типа «ни А ни Б» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2. С. 26–28.
15. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73–79.
16. Новиков Л. А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
18. Урманчева И. С. Расширенный компонентный состав как проявление конструктивной вариантиности фразеологизмов (на примере печорских и общерусских оборотов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 43–52.
19. Урманчева И. С. Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантиности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 125–134.
20. Хлызова Т. Н. Фразеологизмы с компонентами *НЕ* и *НИ* в современном русском языке: семантический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 3. С. 369–377.
21. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов. Челябинск: ЧГПИ, 1983. 93 с.
22. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
23. Шумилов Н. Ф. Именные фразеологические единицы с сочиненными компонентами // Русский язык в школе. 1981. № 3. С. 99.
24. Makkaï A. Idiomaticity as a language universal // J. H. Greenberg (Ed.). Universals of human language. Stanford, 1978. P. 401–448.
25. Weinreich U. Problems in the analysis of idioms // J. Puhvel (Ed.). Substance and structure of language. Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 23–81.

Поступила в редакцию 02.12.2020; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Irina S. Urmanceeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6376-1059; isurman@rambler.ru

PARADIGMATIC RELATIONS BETWEEN COMPONENTS IN CONSTRUCTIONS WITH PSEUDO-EXHAUSTION (through the example of Pechora phraseology)

Abstract. The article addresses the phraseological units of the Local Pechora dialects based on the pseudo-exhaustion procedure and built on the phraseological model with the conjunction *ни... ни* (*neither... nor*). The purpose is to identify the types of relationships between components in negative coordinate constructions, which is hypothesized to

contribute to the explication of semantic, linguocultural and artistic features of idioms. The research material comprises idioms recorded in the territory of the Pechora dialects distribution (Ust-Tsilemsky District of the Komi Republic of the Russian Federation) and derived from phraseological dictionaries, including the regional ones. The studied expressions are investigated in comparison with common Russian and dialect phrasemes. The analysis of the Pechora constructions with pseudo-exhaustion leads to the conclusion that their components form various paradigmatic relations – antonymic or synonymous, hyponymic or partitive, situational or associative. Phraseological units with extreme components and synonyms have a high degree of idiom composition predictability. Sporadic selection of components is inherent in the constructions with components that are closely related thematically. The analysis of structures with pseudo-exhaustion as one of the ways for the idiomatic coding of meaning enables us to reconstruct individual fragments of the regional and nationwide picture of the world, and to reveal the creative potential of the Russian people.

Keywords: dialects of Local (Lower) Pechora, Pechora phraseology, negative coordinating constructions, pseudo-exhaustion, paradigmatic relations

For citation: Urmanceeva, I. S. Paradigmatic relations between components in constructions with pseudo-exhaustion (through the example of Pechora phraseology). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7): 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.681

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. Phraseology and paremiology. Moscow, 2009. 344 p. (In Russ.)
2. Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. Aspects of the theory of phraseology. Moscow, 2008. 656 p. (In Russ.)
3. Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. *Ni dva ni poltora*: semantics of indefiniteness in Russian idioms. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2016;2(32):32–45. (In Russ.)
4. Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. Principles of semantic description of phraseology. *Topics in the Study of Language*. 2009;6:21–34. (In Russ.)
5. Vorobyev, V. V. Linguoculturology: Monograph. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.)
6. Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. Corporal code of the Russian culture: Materials for a dictionary. Moscow, 2007. 288 p. (In Russ.)
7. Ermakova, E. N., Khlyzova, T. N. Phrase-forming function of the components *ne/ni* and *not/no* in the Russian and English phraseological units. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012;11:265–272. (In Russ.)
8. Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. Time of day and types of activities. *Constants and variables of the Russian-language picture of the world*. Moscow, 2012. P. 57–65. (In Russ.)
9. Kobeleva, I. A. Phraseology of Russian dialects of the Komi Republic. Syktyvkar, 1999. 84 p. (In Russ.)
10. Kovshova, M. L. Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture. Moscow, 2012. 456 p. (In Russ.)
11. Kovshova, M. L. *Ni kola ni dvora*: the image of the homeless in Russian folklore and phraseology. *Cultural layers in phraseologisms and discursive practices*. (V. N. Telia, Ed.). Moscow, 2004. P. 208–220. (In Russ.)
12. Kornilov, O. A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. Moscow, 2011. 350 p. (In Russ.)
13. Li, A. D. Russian dialects of the Komi Republic. Syktyvkar, 1992. 106 p. (In Russ.)
14. Ma, J. Modern Russian phraseological model “neither A nor B”. *Tomsk State University Journal*. 2012;2:26–28. (In Russ.)
15. Mel'chuk, I. A. The terms “sustainability” and “idiomaticity”. *Topics in the Study of Language*. 1960;4:73–79. (In Russ.)
16. Novikov, L. A. Selected works. Vol. I. Problems of linguistic meaning. Moscow, 2001. 672 p. (In Russ.)
17. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.)
18. Urmanceeva, I. S. Expanded component structure as manifestation of constructive alternativeness of phraseological units (on example of Pechora and all-Russian expressions). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018;17(9):43–52. (In Russ.)
19. Urmanceeva, I. S. Rhythm and rhyme organization as manifestation of constructural variability of Pechora and all-Russian phraseological units. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017;50:125–134. (In Russ.)
20. Khlyzova, T. N. Phraseological units with *ne* and *ni* components in modern Russian: semantic aspect. *South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin*. 2012;3:369–377. (In Russ.)
21. Chepasova, A. M. Semantic and grammatical properties of nominal phraseologisms. Chelyabinsk, 1983. 93 p. (In Russ.)
22. Shanskiy, N. M. Phraseology of the modern Russian language. Moscow, 1985. 160 p. (In Russ.)
23. Shumilov, N. F. Nominal phraseological units with composed components. *Russian Language at School*. 1981;3:99. (In Russ.)
24. Makkai, A. Idiomaticity as a language universal. *Universals of human language*. (J. H. Greenberg, Ed.). Stanford, 1978. P. 401–448.
25. Weinreich, U. Problems in the analysis of idioms. *Substance and structure of language*. (J. Puhvel, Ed.). Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 23–81.

Received: 2 December, 2020; accepted: 30 July, 2021

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КОШЕЛЕВА

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
koshelevamasha@bk.ru

ИНФИНТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Особенность прибалтийско-финского синтаксиса состоит в его глагольности. В статье рассматриваются синтаксические конструкции вепсского языка, включающие в себя форму I инфинитива и иллативную форму III инфинитива. Обе формы могут быть сопоставлены с единственным инфинитивом индоевропейских языков. Выполняя адвербиальную (финальную и локальную) и объектную функции, конструкции с вышеуказанными формами являются самыми продуктивными из всех инфинитивных конструкций. Вепсский язык хорошо сохранил практически все инфинитивные формы, однако под влиянием русского синтаксиса нарушилась стройная картина их употребления в речи. Сейчас же, когда идет развитие вепсского письменного языка, важно разработать или восстановить картину употребления названных конструкций. Цель статьи – определить функции обеих форм, особенности их употребления и причины их одновременного использования в диалектах вепсского языка и его младописьменной форме, рассмотрев их с точки зрения переходности основного глагола в конструкции и их синтаксической роли в предложении. Категория переходности / непереходности глагола играет большую роль в определении синтаксической роли инфинитивной конструкции. Важное значение в выборе формы инфинитива играет синтаксическая функция самого инфинитива, которая зависит от семантики финитного глагола. Анализ проводится с использованием сравнительного и описательного методов. Для анализа использован языковой диалектный материал, а также материал развивающейся литературной нормы вепсского языка.

Ключевые слова: инфинитивные конструкции, вепсский язык, III инфинитив, I инфинитив, адвербиальная функция

Для цитирования: Кошелева М. В. Инфинитивные конструкции с семантикой направления движения в вепсском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.682

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью прибалтийско-финского синтаксиса является его глагольность. Вепсский язык, обладающий краткой историей функционирования письменности и существовавший в основном лишь в форме устной речи, сумел сохранить это глагольное многообразие и даже нарастил его, поскольку обладает, кроме основного, рефлексивным спряжением с особыми лично-числовыми показателями, формами всех четырех времен в кондиционале и особыми показателями основного глагола в отрицательных формах, что выделяет его на фоне родственных прибалтийско-финских языков, характеризуя еще большей глагольностью [2]. Сохранилась в нем довольно хорошо и система инфинитивов, которая в прибалтийско-финской языковой семье является богатой и разнообразной. Они входят в различные модальные конструкции, в которых

предикат (сказуемое), являясь главным членом предложения, определяет синтаксические функции других его членов.

Инфинитив является именной формой глагола, обладающей глагольными и именными функциями. Инфинитивам не присущи такие глагольные категории, как наклонение и время, но свойственны такие важные черты имени, как наличие отдельных падежных форм [7: § 490]. В предложении инфинитивы выполняют синтаксическую роль как главных, так и второстепенных членов, которая свойственна именным формам [3: 269]. Форма I инфинитива по широте и универсальности своих синтаксических функций сходна с инфинитивом индоевропейских языков [1: 9]. Она может самостоятельно формировать предложение, в котором нет финитных глаголов, а также выступать в роли дополнения к финитному глаголу [6: 150], то есть к глагольному сказуемому.

Основными функциями I инфинитива являются функции объекта (*Unohtin tehta* ‘я забыл сделать’) или субъекта (*Om čomä olda tervhen* ‘хорошо быть здоровым’). Однако форма I инфинитива также употребляется для выражения цели действия, выполняя адвербальную (финальную) функцию: *Vot ištihē hō čajud d'omha* ‘Вот сели они чай пить’ (ÄVN: 10)¹. Иллативная форма III инфинитива, или **-ма-** инфинитив, в свою очередь, всегда выступает в связке с финитным глаголом. Основное значение иллативной формы III инфинитива – выражение цели действия финитного глагола. Другими словами, такая конструкция выполняет в предложении роль обстоятельства места или цели действия. По функции иллативная форма III инфинитива сопоставима с инфинитивом русского и ряда других индоевропейских языков. В подавляющем большинстве случаев данная форма употребляется в сочетании с глаголами движения *tända* ‘идти’, *tulda* ‘приходить’, *lähtta* ‘отправляться’, *joksta* ‘бежать’, *ajada* ‘ехать’. Реже в связке с иллативной формой III инфинитива могут употребляться глаголы других лексико-семантических групп: *kusta* ‘звать’, *opeta* ‘учить’, *otta* ‘взять’, *jäda* ‘остаться’ и т. д. Конструкции, в которых форма I инфинитива и иллативная форма III инфинитива являются дополнением к финитному (модальному) глаголу, отличаются особой продуктивностью в вепсском языке.

* * *

Адвербальная функция инфинитивных конструкций с формами I и III инфинитива может быть локальной или финальной. **Локальный** адвербиял, или обстоятельство места, является основным и выступает в конструкциях, где субъект или объект основного глагола является своеобразным «создателем» действия, выраженного инфинитивом [8: 237]. В предложении *[Minä] tänen mest prijätel'annost vüigad pakičemha* ‘Пойду снова к приятелю в долг просить’ (ОВР: 91)² субъект является «создателем» действия, выраженного предикатом, и действия, выраженного инфинитивом.

В предложении *[Minä] kisin heid kalatamha* ‘Я позову их рыбачить’ субъект «я» выполняет действие предиката *kisin* ‘позову’, но создателем действия, выраженного инфинитивом, является объект предложения *heid* ‘их’. Более абстрактной функцией иллативного инфинитива можно назвать **финальную**. Она выступает тогда, когда выражаемое инфинитивом действие направлено не конкретно на определенное место, а обозначает цель этого действия: *Läksiba čortad, hän panhe magatha* ‘Ушли черти, он лег [для чего? с какой целью?] – [чтобы] спать’ (ОВР: 23). В данном случае инфинитив указывает на причину действия предиката.

Граница между финальной и локальной функциями не всегда четко выражена и заключается в семантике основного финитного глагола и синтаксической функции самого инфинитива [8: 229]. Так, в предложении *Mänen mest prijätel'annost vüigad pakičemha* ‘Пойду снова к приятелю в долг просить’ функция инфинитивной конструкции будет зависеть от вопроса, задаваемого финитным глаголом. *Mänen [kuna?]* – *pakičemha* ‘пошел [куда (что делать)?] – просить’, в данном случае выступает локальная функция, но в случае *tänen [mikš?]* – *pakičemha* ‘пошел [для чего, с какой целью?] – чтобы попросить’ выступает финальная функция. *Nenile kolosnikole ištutpat snapud kuivata* ‘На эти колосники садят снопы для просушки’ (букв. ‘сушить’) (ОВР: 253). *Ištutpat [kuna?]* – *kuivata* ‘садили [куда?] – на сушку’ (локальная функция), но *Ištutpat [mikš?]* – *[miše] kuivata* ‘сажали для чего? – (чтобы) сушить’ (финальная функция).

Данные примеры демонстрируют ситуацию, когда инфинитивная форма выполняет адвербальную функцию. Но если в первом случае выступает иллативная форма III инфинитива (*pakičemha*), то во втором это форма I инфинитива (*kuivata*). Здесь стоит задача определить условия для выбора инфинитивной формы. Имеет ли значение семантика финитного глагола? Для ответа на этот вопрос мы обратились к исследованию Паули Саукконена [8], который рассмотрел инфинитивы прибалтийско-финских языков с точки зрения их истории, образования и функционирования. Большое внимание в работе ученого было уделено именно формам I инфинитива и иллативной форме III инфинитива в силу их продуктивности использования во всех прибалтийско-финских языках. Такие инфинитивы Саукконен называет *tulosijainfinitiivit* ‘инфinitивы с семантикой направления движения’ [8], так как основным членом предложения, в роли которого выступает такой инфинитив, является обстоятельство (локальная и финальная функции). Он считал, что в классификации инфинитивных глаголов прибалтийско-финских языков, выступающих совместно с основным глаголом и выполняющих адвербальную функцию, очень важным аспектом является транзитивность / интранзитивность основного финитного глагола [8: 56]. В интранзитивном предложении форма иллатива выражает действие, исполняемое субъектом основного непереходного глагола: *lähten lugemaha* ‘я пошел читать’, а в транзитивном предложении – действие, исполняемое объектом основного переходного глагола: *kisin sindai lugemaha* ‘зову тебя читать’. Таким образом, конструкция с иллативной формой III инфинитива может выступать как в роли субъектной, так и в роли объектной [1: 141]. Ученый рассмотрел

прибалтийско-финские финитные глаголы, в связке с которыми используются инфинитивы. Он разделил финитные глаголы по категориям переходности / непереходности, утверждая, что от этой категории зависит синтаксическая функция инфинитива, и в соответствии с этим его форма. Подход П. Саукконена был положен в основу данной статьи с целью проследить зависимость выбора инфинитива от категории переходности основного глагола в вепсском языке. Вепсский язык хорошо сохранил все основные инфинитивные формы, однако под влиянием русского синтаксиса нарушилась стройная картина их употребления в речи, происходит смешение продуктивных форм I и III инфинитива. Сейчас же, когда идет преподавание вепсского языка, создаются учебные пособия, развивается вепсская литература, важно разработать или восстановить эту картину употребления названных конструкций, их зависимость от сочетаемости с другими формами и типами глагольного окружения, что позволит более четко сформулировать правила употребления данных конструкций и в устной, и в письменной речи.

Для анализа были выявлены группы глаголов, которые выступают в связке с формами I и III инфинитивов. Их использование было рассмотрено с точки зрения употребления как в вепсских говорах, так и в разрабатываемой литературной норме языка. Мы разделили финитные глаголы на группы по переходности / непереходности, что, как полагаем, даст возможность проследить взаимосвязь употребления формы I или III инфинитива в составе инфинитивной конструкции в зависимости от данной категории. Для анализа были выбраны наиболее продуктивные вепсские глаголы, которые встретились в списке упомянутой работы [8].

Переходные (транзитивные) глаголы – это глаголы, которые помимо субъекта сочетаются с именем в значении прямого объекта, другими словами, их действие всегда направлено на объект [7: § 461]. Переходные глаголы сочетаются с именем в функции прямого объекта. Среди подобного типа глаголов в вепсском языке можно выделить такие глаголы, как *opeta* ‘учить’, *zavodida* ‘начинать’, *kusta* ‘звать’, *kantta* ‘нести’, *abutada* ‘помогать’, *tarita* ‘предлагать’, *käskta* ‘приказать’, *panda* ‘положить’. П. Саукконен пишет, что если объект основного финитного глагола является создателем действия, выраженного инфинитивом, то в роли инфинитива может быть как *-da-*, так и *-ma-* (то есть как I, так и III) инфинитив [8: 180]. Анализ вепсских примеров подтвердил это положение и применительно к вепсскому языку: переходные финитные глаголы выступают в связке с иллативной формой III инфинитива в том случае, когда инфинитивная кон-

струкция выражает действие объекта основного глагола, выполняя адвербальную функцию. Форма I инфинитива выступает в том случае, если инфинитив выполняет объектную функцию, то есть является единственным объектом при сказуемом (предикате).

Иллативная форма III инфинитива:

***Oigeta* ‘отправлять’.** Глагол *oigeta* является транзитивным глаголом. Во всех говорах вепсского языка, а также в младописьменной норме он употребляется с иллативной формой III инфинитива, которая выполняет адвербальную функцию, выражая действие объекта предложения:

(1) (с/в) *Oigendan kastaha / oigendan pesta* ‘отправлю посмотреть / помыть’ (ПМ); (2) (ср/в) *razbainikad ühten oigenziba kundelmaha* ‘разбойники одного отправили послушать’ (ОВР: 91); (3) (ю/в) *A razbainikad ühten oigens'pat kundõmha seinan tagapäi* ‘А разбойники одного отправили подслушать из-за стены’ (НЕВ: 26)³; (4) (мл.) *oigenziba kastaha händast* [‘Они] отправили позвать его’ (УЗ: 85)⁴.

***Opeta, opetas* ‘учить, учиться’.** Глагол *opeta* требует объекта, отвечающего на вопросы «учить кого?» и «учить чему?». В модальной конструкции выступает с иллативной формой III инфинитива во всех говорах вепсского языка. В прибалтийско-финской языковой системе глагол *opeta* требует всегда иллативной формы III инфинитива [7: § 479], выполняющей функцию обстоятельства. Однако в редких примерах (7) встречается употребление конструкции с формой I инфинитива, вызванное, вероятно, двуязычностью вепсов и влиянием русского языка, что приводит к переходу на русскую модель [5: 48]:

(5) (с/в) *Opendaškee lemmaha itšeim maksäst nähmaha* ‘Научи-ка летать, своего милого увидеть’ (ÄVN: 26); (6) (ср/в) *a sinä miid ninga opendeižid väätmaha?* ‘А ты нас научил бы так играть?’ (ОВР: 23); (7) (ср/в) *Oi, sinä gor'a, minä sind ei opendan sut'tas* (I Inf.) ‘Ой, ты бедный, я научу тебя судиться’ (ОВР: 28); (8) (ю/в) *kaikutšid zverid mä sinda opendan sada tauvõ* ‘Любого зверя я научу тебя ловить зимой’ (НЕВ: 98); (9) (мл.) *Minä opendan händast poimimaha, kudomaha, – sanui ak* ‘Я научу ее вышивать, вязать, – сказала женщина’ (Silakova)⁵.

***Kusta* ‘звать’.** Являясь переходным глаголом, требующим (или подразумевающим) объект, глагол *kusta* способен оформляться обстоятельством, отвечающим на вопрос «куда?», и, соответственно, используется в большинстве случаев в связке с иллативной формой III инфинитива, которая является преимущественной. Однако пример (10) иллюстрирует ситуацию, в которой в северновепсском говоре используется форма I инфинитива. По данным информантов, в северновепсском говоре употребляются обе формы: *kicun ijuda* ‘позову купаться’, но *kicun pagižmaha* ‘позову разговаривать’ (ПМ):

(10) (с/в) *Mužik kutsub neitšukaižen magatta* ‘мужчина зовет девочку спать’ (NÄKM: 75)⁶; (11) (ср/в) *mäned,*

kucud pääcid lõmha ‘пойдешь, позовешь печь сделать’; (12) (ю/в) *Kicun sel'sovetaspää aktad kirjutamha* ‘Позову из сельсовета акт написать’ (ОВР: 212); (13) (мл.) *A tulin kustamha grähkhižid käraudamhas Jumalaha* ‘Пришел призвать грешников повернуться к Богу’ (UZ: 19).

Глаголы *panda* ‘класть’ и *pästta* ‘отпускать’ в сочетании с иллативной формой III инфинитива образуют каузативную модальную конструкцию. Они так же, как и рассмотренные переходные глаголы, выступают с обстоятельством, отвечающим на вопрос «куда?» или «для чего», «с какой целью?».

Panda ‘класть’:

(14) (с/в) *Ukk pani händast trastireihe torgiimaha* ‘Старик поставил его в трактире торговать’ (NÄKM: 6); (15) (ср/в) *Keiti heile kartoškid, magatha panoti* ‘Сварил им картошки, спать положил’ (ОВР: 187); (16) (ср/в) *Rungit raamei jomha da jotamei* ‘Кладем мякоть, чтобы пить [для питья], и поим’ (ОВР: 50); (17) (мл.) *Jäl'ges matom heitää kindhad, paneb kuimaha pääcinkarha* ‘После мама снимает рукавицы, кладет сушиться на печь’ (Lardot: 10)⁷.

Pästta ‘отпускать’:

(18) (с/в) *Pästa mindai vilugjuitelmahaze* ‘Пусти меня охладиться’; (19) (с/в) *Da änižehä pästan ujumaha* ‘И в Онегу пущу поплавать’ (SUST: 152)⁸; (20) (ю/в) *Ed abutand tehta milem pertid, ka en pästa elämha* ‘Ты не помог строить мне дом, и не пущу жить’ (СВЯ: 18)⁹; (21) (мл.) *Emäg, mindai ižand pästi ödumaha* ‘Хозяйка, меня хозяин пустил ночевать’ (Sotnikova)¹⁰.

Во всех представленных глаголах инфинитивная конструкция является объектной, то есть инфинитив обозначает действие, выраженное объектом основного глагола, но сам инфинитив выполняет адвербимальную функцию.

Форма I инфинитива:

Zavodida ‘начинать делать что-либо’.

Глагол *zavodida*, обозначающий начало действия, заимствован из смежных русских говоров: *заводить* ‘начинать делать что-либо’ (СРНГ: 323–324)¹¹. В вепсском языке в основном употребляется в связке с формой I инфинитива, что свидетельствует о проникновении в вепсское бытование не только самого глагола, но и его синтаксической специфики. Так же, как и в русскоязычной конструкции, в вепсском языке глагол *zavodida* используется с формой I инфинитива [2: 202]. И лишь в одной из книг образцов вепсской речи из Финляндии удалось найти случай связки глагола *zavodida* с иллативной формой III инфинитива из северновепсского диалекта: *Minä zavodimii metsastamha* ‘я начал охотиться’ [8: 38]. Надо полагать, что данная ситуация могла быть спровоцирована и карельским языковым воздействием, которое, как известно, в отдельных случаях отличает северновепсский диалект от других вепсских диалектов [4: 98]:

(22) (с/в) *I zavottihe sizared dumaida, kut uitta* ‘И начали сестры думать, как им убежать’ (СВЯ: 550); (23) (ср/в) *Narod zavodib kidastada* ‘Народ начинает кричать’ (ОВР:

9); (24) (мл.) *Rates lekarin Lönnrot zavodi kerata karjalaiž-suomalašt fol'klorad* ‘Работая врачом, Лённрот начал собирать карело-финский фольклор’ (Filatova)¹².

Abutada ‘помогать’. Из примеров 25–29 следует, что глагол *abutada* образует конструкцию с формой I инфинитива, который не выполняет здесь функцию обстоятельства, а представлен дополнением, то есть выступает в роли объекта. В финском же языке глагол *auttaa* ‘помогать’ выступает в связке с иллативной формой III инфинитива, ср. (фин.) *autan häntä tekemääp* ‘помогу ему сделать’, *vetämääp* ‘помогу провести’, то есть инфинитив выступает в роли обстоятельства. Нужно отметить, что и в целом синтаксическое бытование вепсского глагола *abutada* аналогично русскому: *abutada matamale* ‘помочь (кому?) маме’, в то время как в финском языке совершенно иное управление *auttaa [ketä? – кого?] äitiä*, букв. ‘помочь маму’, где *äitiä* выступает объектом. Видимо, в вепсском и инфинитивная конструкция уподобилась соответствующей русской:

(25) (с/в) *I kondi abut' ukole regen panda* ‘и медведь помог старику сани поставить’ (SUST: 162); (26) (ср/в) *I jumā abutab spraudaze* ‘И Бог поможет поправиться’ (ОВР: 262); (27) (ю/в) *künded abutadas libuda mägehe* ‘Когти помогают подняться в гору’ (ОВР: 273); (28) (ю/в) *Lehm kandaškab, ii vii rot't'a ka abutad vedada vazar* ‘Корова телится, если не может телиться – помогаешь вытаянуть теленка’ (ОВР: 280); (29) (мл.) *Institut abutab suomalaiz-ugrialaižiden maiden rahvahile kosketadas* ‘Институт помогает финно-угорским народам общаться’ (Filatova, 2009)¹³.

Tarita ‘предлагать’. В прибалтийско-финских языках глагол *tarjota* ‘предлагать’ образует модальную конструкцию вместе с иллативной формой III инфинитива [8: 100]. В северновепсском и средневепсском диалектах рефлексивная форма данного глагола *taritas* ‘проситься’ встречается в конструкции с формой III инфинитива (см. ниже). Однако анализ примеров младописьменной нормы (30–31) показал, что с невозвратным глаголом *tarita* ‘предлагать’ наиболее употребительна форма I инфинитива, синтаксическая функция которой является объектной, отвечающей на вопрос ‘чего / что?’. Она повсеместно встречается во всех современных текстах. Возможно, конструкция с III инфинитивом утрачена под русским воздействием. В говорах же вепсского языка глагол *tarita* редко встречается в виде модальной конструкции, чаще вместе с объектом, выраженным существительным: *mäño da tarice lehm stadha* ‘иди и предложи корову в стадо’ (ОВР: 280):

(30) (мл.) *Laura tarici minei ühtes kacta neche materia-laha* ‘Лаура предложила мне вместе посмотреть на этот материал’ (Baburova)¹⁴; (31) (мл.) *pani kalun pähä i tarici hänele joda* ‘Поставил на голову и предложил ему попить’ (UZ: 75).

Ladida ‘намереваться, пытаться’. Семантически данная форма является рефлексивной, но с точки зрения вепсского языка рефлексивной является только форма *ladidas* (см. ниже). Сам глагол – это русское заимствование, и примеры 32–34 показывают, что его синтаксическое восприятие, подобно глаголу *zavodida*, перешло в вепсский язык из русского. Нерефлексивная форма *ladida* выступает уже в связке с I инфинитивом, который выполняет функцию объекта, отвечая на вопрос «*mitä?* – чего (сделать)?»:

- (32) (cp/b) *Tö miit' pičiižit' veit da ladit tüümata* ‘Вы нас маленьких отвезли и хотели заморозить’ (ОВР: 188);
 (33) (ю/в) *Hēl' tat pigā ladip kōda i basip poigile* ‘Отец у них скоро собрался умирать и говорит сыновьям’ (Posti: 111)¹⁵; (34) (мл.) *ladim virkta oiktas pajoiden sanoid* ‘мы пытались правильно произносить слова песни’ (Filatova, 2009).

Käskta ‘приказать’. Глагол *käskta* – типичный переходный глагол, который сочетается с прямым объектом. Инфинитив, находящийся в конструкции с данным глаголом, выполняет функцию дополнения или объекта, отвечая на вопрос «чего (сделать)?». Во всех говорах и в младописьменной норме вепсского языка глагол *käskta* используется с формой I инфинитива:

- (35) (с/в) *Mä, käsk tehta polusapkad* ‘Иди, прикажи сделать полусапожки’ (ÄVN: 40); (36) (cp/b) *Käski hän miile valita mid'a tariž ka* ‘Приказал он нам выбрать, что нужно’ (ОВР: 25); (37) (cp/b) *Ühtelo käskem nüt'käita* ‘Одному прикажем выдернуть’ (ОВР: 151); (38) (ю/в) *A netsen durakon käskibat kod'he mändä* ‘А этому дураку приказали домой идти’ (NEV: 72); (39) (мл.) *Jäl'ges andoiba kädehe kirjutimen i käskiba panda nimen* ‘После давали в руку ручку и приказывали написать имя’ (Lardot: 15).

Рассмотрим еще один переходный глагол *roht't'a* ‘осмелиться’. Этот глагол используется или самостоятельно: *ka mijak mina en rohti?* ‘а чего я не посмею?’, или в связке с инфинитивом, который представлен дополнением, отвечая на вопрос «чего (делать)?». В ходе анализа примеров стало очевидно, что в данной инфинитивной конструкции выступает форма I инфинитива. Глагол *roht't'a*, являясь переходным глаголом, имеющим при себе объект, единственной формой которого выступает форма I инфинитива:

- (40) (с/в) *Ezmei hän ii rohtnu abidiita lujas* ‘Вначале она не смела обижать сильно’ (ВС: 34)¹⁶; (41) (cp/b) *Kaikid'-se en rohtn'u kerata* ‘Все-то не посмел брать’ (ОВР: 108); (42) (мл.) *Minä en rohtind söda mamain aigan* ‘Я не смела есть вместе с мамой’ (Lardot, 16).

Непереходные (интранзитивные) глаголы, выражющие действие, не направленное на объект, также употребляются в связке с иллативной формой III инфинитива или формой I инфинитива. По мнению П. Саукконена, если субъект основного непереходного глагола в прибалтийско-

финских языках является создателем действия, выраженного инфинитивом, инфинитив также может выступать в обеих формах [8: 59]. Однако анализ приведенных ниже финитных непереходных глаголов в вепсском языке показал, что инфинитив, находящийся в связке с ними, выступает преимущественно в иллативной форме III инфинитива, который выполняет адвебиальную функцию. Ярким примером здесь являются непереходные глаголы движения, которые отвечают на вопрос «куда?». Подобную модель вепсский язык сохранил лучше всего в первоначальном прибалтийско-финском виде. Ниже приведены примеры глаголов движения в модальной конструкции.

Lähtta ‘отправляться’:

- (1) (с/в) *Pidab lähtta toižhe prihodaha rod'mahaze* ‘Нужно отправиться в другой приход рожать’ (ÄVN: 10); (2) (с/в) *Pätnišan lahtt' he hebiid ets'maha* ‘В пятницу отправились лошадь искать’ (NÄKM: 4); (3) (cp/b) *Lähttas kargaidamha ka dööckid ottas* ‘Отправляются танцевать, да девочек берут’ (ОВР: 184); (4) (ю/в) *Lähtob ajamha ka otab kaks' kalušt'* ‘Поедет (зд. ‘отправится ехать’), да возьмет две палки’ (ОВР: 251); (5) (мл.) *Mamoi läks kacsuhtamha – seižub-ik völ meiden pert'* ‘Мама отправилась посмотреть, стоит ли еще наш дом’ (Lardot: 29).

Tulda ‘приходить’:

- (6) (с/в) *Tulim mina kerdan sōmha* ‘Пришел я однажды поесть’ (ÄVN: 80); (7) *neidihe neidihe, n'ugun'e tule minunke magatta* ‘девочка, девочка, теперь иди со мной спать’ (SUST12: 160); (8) (cp/b) *Uniš tuli üheteze zerkloho kastmaha* ‘Во сне пришел в одно зеркало смотреть’ (ОВР: 70); (9) (ю/в) *Tul' kristimam nägenhtamha* ‘Пришла крестная мама посмотреть’ (SUST: 13); (10) (мл.) *opendai tuli pordhile kaimdamaha mindai* ‘учитель пришел на крыльце проводить меня’ (Lardot: 17).

Однотипные конструкции образуют и другие глаголы этой семантической группы: *mändä* ‘идти’, *astta* ‘шагать’, *libuda* ‘подниматься’, *ajada* ‘ехать’ и т. д.

Jäda ‘оставаться’:

- (11) (с/в) *Akk däi kodihe kaliteid str'apmaha* ‘Женщина осталась дома калитки печь’ (NÄKM: 3); (12) (с/в) *Pidab d'ada ühetele mehele karavul'maha netsidä vorad* ‘Нужно остаться одному человеку караулить этого вора’ (ÄVN: 48); (13) (cp/b) *Üks' oficer jää vard'oičemha* ‘Один офицер остался охранять’ (SUST: 64); (14) (ю/в) *A täi iän künmha* ‘А я останусь полоть’ (NEV: 59); (15) (мл.) *Ken sigä om arvokaz, i jägat hänennoks elämaha* ‘Кто там ценный, и оставайтесь у него жить’ (UZ: 23).

Tönduda ‘приступать, отправиться’:

- (16) (cp/b) *Töndui eestähä* ‘Пошел искать’ (ОВР: 143); (17) (cp/b) *Jäl'ges vihmad tönduiba kazmaha sened* ‘После дождя грибы пошли в рост (начали расти)’ (СВЯ: 595); (18) (мл.) *I matmoi töndui lugemaha prihoid* ‘И мама отправилась (начала) считать’ (Lardot: 20).

К этой же группе можно отнести ряд **рефлексивных** глаголов, которые подобно глаголам

движения отвечают на вопрос «куда?». Действие рефлексивных глаголов направлено непосредственно на сам субъект. Представим эту группу следующими глаголами.

***Ištas* ‘садиться, сесть’:**

(19) (с/в) *Vot ištihē hō čajud d'omha* ‘Вот сели они чай пить’ (ÄVN: 10); (20) (ср/в) *Mö ehtkeičuu lämeime sömha ištiime* ‘Мы вечером теплым сели есть’ (ОВР: 185); (21) (ю/в) *Homentsō ištihō sötmhä* ‘Утром сели есть’ (SUST: 10); (22) (мл.) *Babam koutem tütrenke ištuihe sömha stolan taga* ‘Бабушка с тремя дочерьми села за стол’ (Lebedeva)¹⁷.

***Taritas* ‘проситься’.** Здесь прослеживается бытование исконной вепской конструкции. Инфинитив, выступающий в связке с рефлексивной формой рассматриваемого глагола, выполняет в конструкции роль обстоятельства, отвечая на вопрос «куда?»:

(23) (с/в) *Taritšihe mejale el'amaha* ‘Попросились (букв. ‘предложились’) к нам пожить’ (ÄVN: 561); (24) (ср/в) *laps' taričihez gul'aimaha* ‘ребенок попросился гулять’ (СВЯ: 561).

***Ladidas* ‘намереваться, собираться’.** Этот глагол, как и глагол *taritas* ‘предлагать’, является относительно молодым в прибалтийско-финской языковой системе и требует формы III инфинитива, это является закономерным для рефлексивно-транзитивных глаголов [8: 99]. Анализ примеров (25) показал, что в южновепском диалекте встречается рефлексивная форма данного глагола, которая выполняет функцию обстоятельства и выступает в связке с иллативной формой III инфинитива:

(25) (ю/в) *Homencou nouzibad i mösten ladleso svad'bad nähmhä* ‘Утром встали и снова собираются свадьбу смотреть’ (NEV: 58).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория переходности / непереходности глагола играет большую роль в определении синтаксической роли инфинитивной конструкции. Важное значение в выборе формы инфинитива играет синтаксическая функция самого инфинитива, которая зависит от семантики финитного глагола. Иллативная форма III инфинитива выступает тогда, когда инфинитивная конструкция выполняет четко адвербимальную роль, выступая в связке с непереходными и переходными финитными глаголами с семантикой направления движения и выполняя финальную или локальную функции. В случае с переходными глаголами должно соблюдаться следующее условие: инфинитивная конструкция выражает действие объекта основного глагола, выполняя адвербимальную функцию и образуясь по схеме: Финитный глагол + объект (сущ-е) [подразумевается] + адвербияль (илл. инф): *Kiscin sel'sovetasväi aktad kirjutamha* ‘Позову из сельсовета [кого-то] (куда? с какой целью?) акт написать’. Форма I инфинитива выступает в том случае, если инфинитив выполняет объектную функцию, то есть является единственным объектом при сказуемом (предикате): *Mä, käske [hänele] tehta polusapkad* ‘Иди, прикажи [ему] сделать полусапожки’. Однако если адвербальная (особенно локальная) семантика размыта, на смену III инфинитиву приходит I, который функционально сближается с объектом: *n'ugud'e tule minunke magatta* ‘теперь иди со мной спать’. Дополнительным обстоятельством, способствующим такому переходу, является значительное и длительное по времени русское воздействие, которое испытал вепсский синтаксис.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- с/в – северновепсский диалект
ср/в – средневепсский диалект
ю/в – южновепсский диалект
мл. – младописьменная норма
ПМ – Полевые материалы автора

ПРИМЕЧАНИЯ

- ÄVN – Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: SUS, 1982. 171 s. В круглых скобках – ÄVN, через двоеточие – страницы.
- ОВР – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи / АН СССР, Карел. филиал. Л.: Наука, 1969. 295 с. В круглых скобках – ОВР, через двоеточие – страницы.
- NEV – Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki: SKS, 1926. 146 s. В круглых скобках – NEV, через двоеточие – страницы.
- UZ – Uz – Žavet / Biblijan kändmižen institut. Петрозаводск: Карелия, 2006. 614 с. (Новый Завет на вепском языке. Переводчик Н. Г. Зайцева). В круглых скобках – UZ, через двоеточие – страницы.
- Silakova N. Mezimuuižed sil'mäđ // Kodima. 2016. № 1. С. 7.
- NÄKM – Setälä E., Kala J. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki: SUS, 1951. 483 s. В круглых скобках – NÄKM, через двоеточие – страницы.
- Lardot R. Segoinuded lindud // Verez tulle. 2018. № 3. С. 8–33. В круглых скобках – Lardot, через двоеточие – страницы.
- SUST – Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista. Helsinki: SUS, 1935. 193 s. В круглых скобках – SUST, через двоеточие – страницы.
- СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. 746 с. В круглых скобках – СВЯ, через двоеточие – страницы.
- Sotnikova I. Önik // Kodima. 2018. № 5. С. 8.

- ¹¹ СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 9 (Ерепеня – Заглядеться). Л., 1972. 362 с.
- ¹² Filatova M. "Kalevalan" tegijän päiväks // Kodima. 2019. № 4. С. 3.
- ¹³ Filatova M. Openduzkursad Vengrian mal // Kodima. 2009. № 10. С. 3.
- ¹⁴ Baburova G. Puhudes magižid sanoid // Kodima. 2019. № 1. С. 3.
- ¹⁵ Posti L. Vepsän teksteja. Helsinki: SKK, 1968. 136 s.
- ¹⁶ ВС – Вепсские народные сказки: Сб. / Сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. 261 с.
- ¹⁷ Lebedeva V. Mäggärв'. Külä, kudambas mina rodimo // Verez Tullei. 2018. № 3. С. 33–50.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубровина З. М. Инфинитивы в финском языке. Л.: ЛГУ, 1972. 208 с.
- Зайцева Н. Г. Вепсский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2001. 286 с.
- Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка (Фонетика и морфология). Л.: Наука, 1981. 361 с.
- Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепсского языка (на материале «Лингвистического атласа вепсского языка») // Вопросы языкоznания. 2018. № 6. С. 85–103.
- Кошелева М. В. *Tehta или tehmaha*. Дистрибуция синтаксических ролей I и III инфинитивов в вепсском языке // «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово»: Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2020. С. 46–51.
- Grüenthal R. Vepsän kielioippi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 350 s.
- Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T. R. & Alho I. Iso suomen kielioippi. Verkkoversio. Helsinki, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения 15.03.2021).
- Saukkonen P. Itämerensuomalaisten kielten tulosjainfinitiivi-rakenteiden historiaa. I. Johdanto. Adverbaali infinitiivi. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 137. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1965. 275 s.

Поступила в редакцию 20.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Maria V. Kosheleva, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
koshelevamasha@bk.ru

INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE SEMANTICS OF DIRECTION IN THE VEPS LANGUAGE

Abstract. One essential syntactic feature of the Baltic-Finnic languages is their verbal system. The paper addresses the Veps language syntactic constructions including infinitive I and illative infinitive III. Both forms can be compared with the only infinitive of the Indo-European languages. The said infinitives perform adverbial (final and local) and object functions, being the most productive ones of all the infinitive constructions. The Veps language has well preserved almost all of its infinitive forms, however, the impact of Russian syntax disturbed the harmonious picture of their use in speech. Now that the Veps written language is developing, it is important to form or restore this picture. The aim of the study was to define the functions of both infinitive forms, the features of their use, and the reasons for their synchronous use in the dialects of the Veps language and its written form by studying the transitivity of the main verb in the infinitive constructions and their syntactic role in a sentence. The category of verb transitivity or intransitivity is very important for determining the syntactic role of an infinitive construction. The syntactic function of the infinitive, which depends on a finite verb's semantics, plays an important role in choosing the infinitive form. The authors analyzed the dialectal language material and the developing literary norms of the Veps language using the comparative and descriptive methods.

Keywords: infinitive constructions, Veps language, infinitive III, infinitive I, adverbial function

For citation: Kosheleva, M. V. Infinitive constructions with the semantics of direction in the Veps language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.682

REFERENCES

- Dubrovina, Z. M. Infinitives in the Finnish language. Leningrad, 1972. 208 p. (In Russ.)
- Zaitseva, N. G. The Veps verb: Comparative study. Petrozavodsk, 2001. 286 p. (In Russ.)
- Zaitseva, M. I. Veps grammar (phonetics and morphology). Leningrad, 1981. 361 p. (In Russ.)
- Zaitseva, N. G., Mülloinen, I. I. Development of the dialectal areas of Vepsian: "Vepsian Linguistic Atlas". *Topics in the Study of Language*. 2018;6:85–103. (In Russ.)
- Kosheleva, M. V. *Tehta or tehmaha*. Distribution of syntactic functions of infinitives I and III in the Veps language. *Proceeding of the research conference "Bubrikh Readings: recorded folk speech"*. Petrozavodsk, 2020. P. 46–51. (In Russ.)
- Grüenthal, R. Vepsän kielioippi. Helsinki, 2015. 350 s.
- Hakulinen, A., Vilkuna, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinonen, T. R. & Alho, I. Iso suomen kielioippi. Verkkoversio. Helsinki, 2008. Available at: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed 15.03.2021).
- Saukkonen, P. Itämerensuomalaisten kielten tulosjainfinitiivi-rakenteiden historiaa. I. Johdanto. Adverbaali infinitiivi. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 137. Helsinki, 1965. 275 s.

Received: 20 April, 2021; accepted: 30 July, 2021

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА ЦВЕТКОВА

магистрант кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

lene.tsverkova@yandex.ru

ГРАФИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ДИАЛОГА С КЛАССИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ

Аннотация. Рассматриваются феномены современного диалога с классическими текстами художественной литературы и адаптаций классической литературы. Изменение места классики в современном культурно-историческом сознании непосредственным образом связано с социокультурными параметрами эпохи. Современная литература нередко обращается к образу А. С. Пушкина и его произведениям. Более того, присутствие пушкинских строк и образа самого поэта в «чужих текстах» является важной особенностью современного литературного процесса. Приводятся примеры разнообразных продолжений и переложений романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Графический путеводитель-комментарий писателя и школьного учителя Алексея Олейникова с иллюстрациями Натальи Яскиной к роману «Евгений Онегин» – новый тип освоения классического романа, сочетающий в себе графический роман и реальный и историко-литературный комментарий, в том числе и к пушкинской эпохе. Книга представляет собой чередование оригинального текста романа и самого комментария с историческими и культурными справками и инфографикой. Подобное прочтение классического текста является показательным примером создания текстов новой природы в условиях кризиса литературоцентризма.

Ключевые слова: современная литература, детская литература, графический роман, «Евгений Онегин», комментирование художественного текста, визуальный нарратив, игра с классическим текстом

Для цитирования: Черняк М. А., Цветкова Е. Г. Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.669

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, когда происходит «инфляция классики», классическое наследие по-разному встраивается в новую сеть отношений. Изменение места классики в современном культурно-историческом сознании непосредственным образом связано с социокультурными параметрами эпохи. Именно в отношении к классическому наследию предельно точно выявляются очертания современного литературного процесса. Классика, являясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей. Нельзя не согласиться со словами Н. Б. Ивановой, по-

лагающей, что писатель XXI века «обращается назад за поддержкой». «...Одна из самых разрабатываемых прозой двадцать первого века территорий» [7] – территория адаптаций классической литературы.

Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение классики современным читателем связаны во многом с определенной культурной аллергией на школьный курс литературы. Показательны слова известных детских писателей А. Жвалевского и Е. Пастернак, авторов экспериментального романа-фанфика «Смерть мертвым душам»: «Мы задумались – как сломать шаблон (восприятия классики. – М. Ч., Е. Ц.), как убедить современного подростка, что Толстой

“крут”, Гоголь “прикольный”, а Достоевский (уж простите за сленг) вообще “жесть”??» [5]. Своебразным ответом на эти вопросы стал графический путеводитель-комментарий писателя и школьного учителя Алексея Олейникова с иллюстрациями Натальи Яскиной к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Необходимо отметить, что это не первый опыт А. Олейникова по созданию графического романа: рэп-комикс из школьной жизни «Соня из 7 “Буээ”» (художник Тимофей Яржомбек) стал необычным способом разговора с подростками о сложных проблемах. Новая книга-комментарий не только относится к самому роману «Евгений Онегин», но и к пушкинской эпохе, без реалий которой невозможно понять контекст произведения. «Энциклопедия русской жизни», как назвал роман «Евгений Онегин» В. Г. Белинский, к сожалению, безнадежно устарела для современных школьников: они не понимают правил, основ, реалий жизни того времени, не знают значения многих устаревших уже слов и понятий, культурного контекста европейской истории и литературы. Конечно, есть классический комментарий к роману «Евгений Онегин» Ю. М. Лотмана, который многие учителя используют на своих уроках, но надо понимать, что он не рассчитан на среднестатистического ученика и может быть сложен для понимания так же, как и сам роман. В этой связи возникает необходимость изучить современное бытование классического текста, символический капитал и коммуникативный смысл, которыми он наделен сегодня.

* * *

Необходимо отметить, что Пушкин уже давно превратился в имя нарицательное, некий универсальный концепт и обобщенный образ, которым измеряется не только русская литература, но и жизненный уклад. Знаменитые слова Н. В. Гоголя о том, что Пушкин – «явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет», в наше время приобретают особое звучание. До какой степени Пушкин актуален сегодня?

«Образ Пушкина давно уже затмил самого Пушкина. Его творчество стало поводом, оправданием для самостоятельного существования этого гармонического шедевра. В небытвом в русской литературе органическом слиянии человека и поэта и заключается уникальность Пушкина», – отмечают П. Вайль и А. Генис [3: 141].

Важно и уточнение В. И. Новикова:

«Пушкинская мифология строилась на протяжении двух веков, фундамент ее закладывал сам поэт

при активном соучастии его друзей, недругов, собратьев по музе и литературных противников. Каждое поколение затем создавало “своего” Пушкина, а всякий уважающий себя русский *homme de lettres* выдумывал нечто под названием “Мой Пушкин”, реализуя этот субъективный образ в стихах, прозе, статьях или в устных беседах. Все это теперь нельзя просто отбросить, все это невозможно игнорировать: сказанное и написанное о Пушкине стало частью русской культуры, вросло в нашу жизнь и в наш язык» [11].

Присутствие пушкинских строк в «чужих текстах» – одна из ярких черт не только постмодернизма, ориентированного на интертекстуальность и пародию, но и других направлений современной литературы. Современная детская литература нередко обращается к образу Пушкина и его произведениям, достаточно вспомнить рассказ Виктории Ледерман «Ну, Пушкин... ну, погоди!», рассказ Марии Иониной «Профиль Пушкина», историю «Пушкин и компания» в серии книг Марии Бершадской «Большая маленькая девочка», рассказ Анны Ремез «С чистого листа» и др. Существует множество литературных переделок и продолжений романа «Евгений Онегин», например роман французской писательницы Клементины Бове «Ужель та самая Татьяна?» и фанфик Алины Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах».

Для понимания специфики современного диалога с классикой представляются теоретически значимыми слова М. Загидуллиной о том, что нередко за восхвалением классиков («живь в стране Пушкина», «говорить на языке Толстого и Достоевского») скрывается омертвление ярлыка:

«Если предполагать, что память хранит информацию в виде свернутых ярлыков (энграмм, по теории Генне-кена), то к исходу второго столетия “со дня рождения классики” (точнее, устойчивого пантеона) мы наблюдаем неспособность развернуть ярлык в целое. Само произведение сворачивается до условной и легко запоминаемой формулы, которая выступает по отношению к целому синекдохой, например, “Анна Каренина” ассоциируется с поездом. Таким образом, классическое литературное наследие переживает своеобразную реинкарнацию в пространстве сегодняшнего литературного процесса, где для “массового” формата свойственна серьезность и “курс на сакрализацию”, а для маргинального (элитарного) – стремление указать на возможные скрытые смыслы самого присутствия классики в нашей жизни» [6].

Эти слова приобретают особое звучание в наше время, когда череда двухсотлетних юбилеев русских классиков актуализировала дискуссию о рецепции текстов классического пантеона в жизни читателя цифровой эпохи.

Одним из способов приблизить к себе текст ушедшей эпохи становится дописывание. Специалист по феномену незаконченных текстов

Е. В. Абрамовских объясняет устойчивую традицию создания разнообразных продолжений и переложений «Евгения Онегина» так:

«Авторская рефлексия в “Евгении Онегине” является своеобразным ключом к пониманию принципа организации его незаконченных произведений: оставленность текста на пороге ситуации, дающей равные шансы для противоположных прочтений, и провоцирование сознания читателей на домысливание виртуальных сюжетов» [1: 23].

Принцип неснятых противоречий является основанием для утверждения Ю. М. Лотмана о наличии в романе «Евгений Онегин» наряду с реальным некоего минус-сюжета, который возникает потому, что поэт «знакомит нас с многочисленными дорогами, по которым он тем не менее не ведет свое повествование» [8: 96–97]. Показателен пример недавно опубликованной пародийной книги А. Савельева «Современный Евгений Онегин» [13]. В предваряющей пародию объяснительной записке автора подробно рассматривается история создания этого произведения, которое вписывается в значительный ряд текстов разных эпох. Ср.: Д. Д. Минаев «Евгений Онегин нашего времени»; Лери (В. В. Клопотовский) «Онегин наших дней»; А. Е. Разоренов «К неоконченному роману “Евгений Онегин”»; Lolo (Л. Г. Мунштейн) «Онегин наших дней»; Н. А. Тучков «Евгений Онегин XX века»; А. Г. Архангельский, М. Я. Пустынин «Евгений Онегин в Москве»; И. С. Симанчук «Четыре Онегина»; Т. Г. Кулакова «Татьяна. Продолжение романа А. Пушкина “Евгений Онегин”»; А. П. Климай «Онегин и княгиня N»; В. П. Руадзе «Внук Онегина»; К. И. Чуковский «Нынешний Евгений Онегин»; Н. К. Чуковский «Новый Евгений Онегин» и др.

Современная литература активно меняет способы своего существования: новые формы художественного текста порождают новые культурные практики. Современный читатель по-другому ощущает литературу, потому что электронные носители диктуют другие правила и принципиально другие ожидания от вербальных текстов. Появляются новые формы ее взаимодействия с кинематографом, анимацией. Кинороман, комикс, визуальная новелла, интерактивная литература и т. п. – все эти феномены отвечают потребностям современного читателя в визуальной информации. Если использовать терминологию Маршалла Маклюэна, обитатель современной глобальной деревни не довольствуется только словами – ему нужны иллюстрации.

Примером современных игр с пушкинским романом может стать визуальная новелла

«Евгений Онегин» студии Dreamlore, представляющая собой аниме. Сюжет игры имеет весьма отдаленное отношение к первоисточнику, однако есть несколько опорных моментов, которые все же привязывают его к роману: Онегин приезжает в имение умершего дяди, знакомится с Ленским, семейством Лариных, иногда (если игроку удается выйти на эту сюжетную линию через множество развилок) стреляется с Ленским. Но остальные сюжетные ходы абсолютно самостоятельны и относят игру скорее к жанру хоррор с элементами детектива. Кроме того, список персонажей также существенно отличается от пушкинского. Отец Лариных жив, у него молодая жена Полина, Ольга и Татьяна – близнецы. Ленский, вопреки пушкинскому портрету, блондин. Одним из основных действующих лиц в визуальной новелле стал Александр Чацкий – профессиональный охотник на нечисть. Также в сюжет введен Евгений Базаров – главный злодей и воскрешатель мертвцев (сохранена его склонность к естественнонаучным экспериментам, только вместо лягушек он теперь экспериментирует с умершими крестьянами, пробуя на них действие элексира бессмертия). В игре существует шесть версий концовок: в одной из них умирает Онегин, в другой Ленский становится пособником Базарова [10].

Вспомним, что Ю. М. Лотман, называя «Евгений Онегин» трудным произведением, объяснял это так:

«Самая легкость стиха, привычность содержания, знакомого с детства читателю и подчеркнуто простого, парадоксально создают добавочные трудности в понимании пушкинского романа в стихах. Иллюзорное представление о “понятности” произведения скрывает от сознания современного читателя огромное число непонятных ему слов, выражений, фразеологизмов, имен, намеков, цитат» [8: 54].

«Евгений Онегин» А. Олейникова представляется собой принципиально новый тип преобразования классического романа. Это, с одной стороны, реальный и историко-литературный комментарий, с другой стороны, это графический роман. В последние годы жанр комментария применительно к изданию текстов детской литературы актуализируется, об этом, например, свидетельствует проект издателя Ильи Бернштейна «Руслит» (издательский проект «А» и «Б») или серия «Книга + Эпоха» издательства «Лабиринт». Очевидно, что необходимы комментарии именно к текстам классической и советской детской литературы, формирующей общий культурный код для современных читателей – ребенка и взрослого. Комментарии к текстам детской литературы

в зависимости от их адресации (дети или взрослые, работающие с детьми) «должны использовать метаязык, адекватный тезаурусу адресата. Очень важно визуальное сопровождение описываемых реалий, точно соответствующее времени создания текста» [15: 114]. Стремительный ход времени, динамика развития в разных областях привели к тому, что очень много бытовых понятий, лексики, исторических событий оказываются непонятны и требуют разъяснений. Каждая эпоха и каждое поколение требуют своего типа комментария, соответствующего общекультурному и историческому развитию. В одном из номеров научного журнала «Детские чтения», полностью посвященного изучению академического и издательского комментирования детской литературы, поднимается важный вопрос о разных функциях комментария:

«Распространенное мнение, что комментарий для детей – это особый вид комментария, призванный разъяснить детям непонятное в тексте <...> в последнее время радикально пересматривается. Комментарии все более и более становятся способом донести до юных читателей взрослую позицию по поводу советского (или иного) прошлого, превращаясь в конечном итоге в комментарий, задающий нормативное чтение текста, педагогический в широком смысле этого слова. И тут уже не столь принципиально, какую оптику использует и какие оценки расставляет комментатор, важно, что он берется их расставить» [4: 4].

Форма и жанр графического романа для комментария, который выбрали Алексей Олейников и Наталья Яскина, оказались очень удачными. В аннотации к книге уточняется, что графический путеводитель:

«раскрывает основные события романа через комикс (Пушкин бы оценил!); мгновенно снимает порчу школьного образования; поддерживает текст классика цитатами его современников, визуальными комментариями, инфографикой, делая культурный код романа доступным и запоминающимся»¹.

Действительно, в книге сильная визуальная составляющая: сложная для современного читателя информация (например, правила дуэлей и дуэли самого Пушкина, хронология событий в романе) преподнесена в виде простой, но очень популярной у подростков инфографики, схем, графиков, лент времени. В предисловии к книге сказано:

«Комментарий – значит толкование. Эта книжка – графический путеводитель-комментарий по миру романа “Евгений Онегин”. Почему мы решили не только писать, но и рисовать? Потому что это интересно – хоть немного оживить прошедшее. Мы не претендуем на полноту комментария: по большому счету, в Онегине надо комментировать каждую строку. Мы надеемся, что эта

книга поможет вам сделать первый шаг в исчезнувшее время и немного ощутить дух пушкинской эпохи со всей ее сложностью и противоречиями» (3).

Таким образом, книга Алексея Олейникова и Натальи Яскиной призвана заполнить общекультурные лакуны, дать толкования агнонимичной для современного читателя лексики. Ведь если книга станет понятна современным школьникам, если роман действительно «оживет» благодаря ярким визуальным образам и схематичности передачи сюжета, то интерес и вовлеченность читателя, конечно, увеличится. В этой связи было бы уместно вспомнить слова С. Мак-Клауда, который в своей книге «Понимание комикса», созданной в виде комикса, отмечает:

«С самого момента своего возникновения печатное слово и текст стремились в противоположные стороны. Изображение было одержимо сходством, светом и тоном, всем видимым. Текст же овладевал невидимыми сокровищами: чувствами, эмоциями, духовностью, философией» [9: 13].

Визуальный нарратив – это история, где текст и изображение находятся в постоянном взаимодействии и бессмысленны друг без друга. Поэтому он так востребован в современной детской литературе, для которой характерно обилие визуальных образов. Современные педагоги, психологи, культурологи давно говорят о том, что дети воспринимают всю информацию 10-секундными визуальными нарративами. Создатели визуальных текстов стремятся найти способ, который позволил бы, например, перевести на их язык с языка историков, литературы, мемуаров, воспоминаний дедушек и отцов. Показательным визуальным примером погружения в историю через быт является книга «История старой квартиры», написанная А. Литвиной и проиллюстрированная А. Десницкой. Авторы этой своеобразной иллюстрированной энциклопедии, сужая топос повести рамками одной квартиры, с поразительной точностью показывают, как «большая» история преломляется в «маленькой» истории – личной жизни нескольких поколений семьи Муромцевых. Визуальный нарратив является более гибким и насыщенным, потому что вмещает в себя не только информацию о главных героях, но и об эпохе в целом. Следует подчеркнуть, что наличие неверbalного компонента – одна из характерных черт детской литературы, которая обусловлена особенностями адресата-ребенка, его наглядно-образным мышлением, что прекрасно воплощено авторами в своеобразном формате книги. Очевидно, что в современном мире, где «картинка» превалирует над текстом, для того, чтобы понять

и интерпретировать какую-либо информацию, нужно «прочитать» не только текст, но и относящийся к нему визуальный образ. Е. Асонова, рассуждая о визуальном в современной детской литературе, пишет:

«В комиксе автор создает образы, задает темп, разворачивает действие, только работает с цветом, штриховкой, композицией кадра и композицией расположения кадров на листе. И самое важное иногда читателю надо “увидеть” между кадрами, то есть понять, чего автор не изобразил, оставив читателю возможность установить причинно-следственную связь между кадрами. Иными словами, чтение комикса требует иной читательской компетенции, которая детям свойственна в большей степени, чем взрослым» [2: 419].

Современный комментарий к роману «Евгений Онегин» – это, конечно, не комикс в классическом понимании этого жанра, а именно графический роман, графический путеводитель, как называют его сами авторы, но ему присущи те же характеристики: нелинейность, особый ритм и динамика повествования, синтез визуального и вербального нарратива. Текст романа «Евгений Онегин» у А. Олейникова превращается в гипертекст с множеством внутренних ссылок с одной страницы на другую. Писатель в своем интервью отмечает:

«Здесь объединены сразу несколько видов графического нарратива. С одной стороны, здесь есть комикс. И комикс, как отдельный жанр <...> это именно отдельный вид искусства – тексто-графическое единство, которое имеет право на существование. С другой стороны, здесь присутствует инфографика, где представлены ценные информационные развороты» [12].

Текст романа А. С. Пушкина представлен в книге не полностью. Как и в самом романе, в графическом комментарии восемь глав, но в них сохранены только основные перипетии сюжета, позволяющие реконструировать содержание «Евгения Онегина» в целом: жизнь Евгения в Петербурге и переезд в деревню, знакомство с Ленским, описание Ольги и Татьяны, письмо Татьяны к Онегину, объяснение Татьяны и Онегина, сон Татьяны, дуэль Онегина и Ленского, поездка Татьяны в Москву на ярмарку невест и, наконец, встреча Евгения и Татьяны в последней главе и объяснение главных героев. Алексей Олейников, говоря о работе над романом, объясняет:

«Проблем переводя глав “Евгения Онегина” в формат комикса не было, потому что, в принципе, сам текст <...> предполагал и подсказывал, как именно и что рисовать. <...> Наша совместная работа (с художником Натальей Яскиной. – М. Ч., Е. Ц.) заключалась в том, что мы брали главу, обсуждали ее, делили на смысловые фрагменты и выявляли ключевые “точки”. В любом

случае, это комикс-конспект выбранной главы, которая дается в сокращении, где так или иначе сохранена сюжетная линия, но те же лирические отступления, которыми пришлось жертвовать в силу того, что сам формат диктовал такой подход, были сильно “порезаны”. С одной стороны, мы пытались сохранить дух пушкинского романа, но при переводе какой-то части в изображение нам приходилось достраивать картинку, добавляя новые, уникальные черты» [12].

Книга представляет собой чередование оригинального текста романа и самого комментария с историческими и культурными справками и инфографикой, из которых читатель узнает, во что одевался Онегин, где прогуливался, из каких блюд состоял его обед. Кроме этого, в комментариях содержатся и общекультурные сведения об эпохе: устройство театров, мужское и женское образование, сословное деление общества, правила поведения женщины в обществе, порядок проведения дуэлей. Правильно расположенные акценты Олейникова и Яскиной погружают графический путеводитель в контекст, без которого восприятие текста романа «Евгений Онегин» было бы неполным. Авторы наглядно в пределах одного разворота описывают краткое содержание романа, хронологию событий, прогулки героя по Петербургу и место встречи Татьяны и Евгения изображаются в виде карт, портреты главных героев даются в сравнении и противопоставлении друг с другом («Онегин vs Ленский», «Татьяна vs Ольга»). Комментарий Олейникова также выводит роман за рамки простого толкования сюжета и незнакомых реалий, отдельное место в графическом путеводителе занимают описания реакции критиков, а также существования романа «Евгений Онегин» в контексте русской и зарубежной литературы. Благодаря инструментарию комикса авторам удается соединить и систематизировать разнородный материал большого объема. М. Скаф определяет жанровые особенности комикса так:

«В комиксе текст изначально – визуальный элемент. Шрифт, размер, цвет текста – такое же выразительное средство, как и насыщенное межфреймовое пространство или боковые рамки с паттернами. В зависимости от того, как меняются интонации говорящего, от того, кто говорит, кому, что и в какой ситуации, будет меняться и внешний вид текста – от размера и цвета до формы текстового пузыря» [14: 295].

Так, например, письмо Татьяны передается письменным шрифтом, как и писала его главная героиня от руки, местами неразборчиво, где-то текст скрывается под растекшимися чернилами; если на страницах с комментарием необходим текст из романа, он располагается

в текстовом пузыре отличного от основного повествования цвета. Толщина и размер шрифта, использование курсива, расположение текста на странице, цветные вставки – все эти приемы позволяют обыграть текст, придают ему многомерность, объем и экспрессивность.

А. Олейников нередко прибегает к ироничному тону комментариев. На странице, где рассказывается о костюме Евгения Онегина, появляется персонаж с наушниками и кружкой кофе в руке (напоминающий еще одну замечательную «пушкиниану» художницы Евгении Двоскиной), выглядящий очень модно, более того, говорящий на современном языке с использованием сленга:

«Отличный у меня лук, я считаю. Пиджачок на фимаркете подрезал – на старый скейт поменял. Сникеры маман подогнала на ДР. Свитер у бабушки в шкафу нашел». Евгений Онегин вступает с ним в диалог и отвечает: «Мыслимое ли дело – чужие вещи носить? Фрак с панталонами и жилеткою по последней моде обошелся мне в 300 рублей. Дорого, а что делать? Не на Кузнецком мосту сшит, а из Парижа почтой доставлен» (13).

Чтобы объяснить, что за человек был Евгений Онегин, его характер, мысли и мотивы поступков, Алексей Олейников и Наталья Яскина изображают голову Онегина в разрезе, буквально поделив ее на фрагменты. Вот что находится в голове молодого Евгения: изображения (*каталог фраков и панталон, портрет Байрона, картины и напитков*), манеры (*иметь вид знакома, кланяться непринужденно, зевать*), мода (*духи в граненом хрустале, пилочки стальные, щетки тридцати родов*), танцы (*мазурка, полонез, котильон*), исторические анекдоты (*от Ромула до наших дней*), экономика (*Адам Смит, простой*

продукт), языки (*письменный и устный русский и французский, эпиграммы, два стиха из Энеиды, латынь, чтобы эпиграфы разбирать*) и мусор (*ямб, хорей, Гомер и Феокрит*). Отдельное внимание уделено «науке страсти нежной», которая представлена в виде расширенного списка навыков, которыми искусно владеет главный герой: действие (*лицемерить, разуверять, таить надежду*), навыки (*томное молчание, пламенное красноречие, небрежность, дерзкий взгляд*), специальный навык (*послушная слеза*), комбонауки (*ловить минуту умиления, молить и требовать признания, добиться тайного свидания*), стиль поведения (*казаться мрачным, изнывать, являться гордым и послушным, являться равнодушным*). Если А. С. Пушкин изображает портрет Евгения Онегина в первой главе романа в нескольких строфах достаточно разрозненно, то в комиксе визуальный нарратив упрощает восприятие образа Онегина и делает его целостным в сознании читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кажется, что графический путеводитель «Евгений Онегин» Алексея Олейникова и Натальи Яскиной вобрал в себя все то, что нравится и близко современному школьнику и подростку. Так, далекий от нас текст классической литературы, текст великий и канонизированный обретает свободу, новые смыслы и новые прочтения в XXI веке. Остается надеяться, что подобное освоение русской классики станет дорогой к новому прочтению, и тогда опыты современных писателей можно считать своеобразными культуртрегерскими проектами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Олейников А. Графический путеводитель / Ил.: Яскина Наталья. М.: Самокат, 2021. С. 3. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовских Е. В. Феномен креативной рецепции незаконченного текста (на материале дописываний незаконченных отрывков А. С. Пушкина): Монография. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2006. 280 с.
2. Аснова Е. Визуальное в литературе, или о современном компетентном ребенке // Детские чтения. 2019. Т. 16. № 2. С. 416–424.
3. Вайль П., Генис А. Родная речь: уроки изящной словесности. М.: КоЛибри, 2008. 256 с.
4. От редакции // Детские чтения. 2018. Т. 14. № 2. С. 3–5.
5. Жвалевский А., Пастернак Е. Как защитить классиков // Детские чтения. 2014. Т. 5. № 1. С. 237–243.
6. Загидуллина М. Скрытые смыслы русской классики: первое десятилетие XXI века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospisatel.ru/konferenzija/zagidullina.htm> (дата обращения 17.03.2021).
7. Иванова Н. Трудно первые десять лет: конспект наблюдений // Знамя. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/1/trudno-pervye-desyat-let.html> (дата обращения 15.03.2021).
8. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
9. МакКлауд Скотт. Понимание комикса. М.: Белое яблоко, 2016. 216 с.
10. Масленкова Н. А. «Читатель + Зритель = ?». К вопросу о новых практиках восприятия текста // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatel-zritel-k-voprosu-o-novyh-praktikah-vospriyatiya-teksta> (дата обращения 20.03.2021).

11. Новиков В. Двадцать два мифа о Пушкине [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novikov.poet-premium.ru/texts/254/> (дата обращения 21.02.2021).
12. Олейников А. Интервью для «Лаборатории ДЕТЛИТ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/DetLitHerzen/68> (дата обращения 15.02.2021).
13. Савельев А. Современный Евгений Онегин. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 580 с.
14. Скаф М. Комикс и книжка-картинка: границы визуально-литературных жанров // Детские чтения. 2016. Т. 10. № 2. С. 285–303.
15. Черняк В. Д., Черняк М. А. Восприятие произведений детской литературы и проблемы комментирования // Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: Коллективная монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 101–123.

Поступила в редакцию 29.03.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru
Elena G. Tsvetkova, Master's Student, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
lene.tsvetkova@yandex.ru

GRAPHIC GUIDE AS A NEW WAY OF HAVING A DIALOGUE WITH A CLASSICAL TEXT

A b s t r a c t. The paper addresses the phenomena of modern literature's referral to classical fiction texts and adaptations of classical literature. Assigning a new place to classical literature in the modern cultural and historical consciousness is directly related to the socio-cultural parameters of the epoch. Modern literature often refers to the image of Alexander Pushkin and his works. Furthermore, the presence of Pushkin's verses and the image of the poet himself in "other author's texts" is an important feature of the modern literary process. The article presents the examples of various sequels and adaptations of Pushkin's novel *Eugene Onegin*. A graphic guide with a commentary to *Eugene Onegin* created by a writer and school teacher Alexey Oleynikov and illustrated by Natalia Yaskina is a new form of comprehending the classical novel, which is a combination of a graphic novel and a real historical and literary commentary that covers various aspects including those of Pushkin's epoch. The book is an alternation between the original Pushkin's text and the commentary with some historical and cultural references and infographics. Such interpretation of a classical book is an illustrative example of creating new types of texts amid the crisis of literature-centrism.

Key words: modern literature, children's literature, graphic novel, Eugene Onegin, literary commentary, visual narrative, playing with classical text

For citation: Chernyak, M. A., Tsvetkova, E. G. Graphic guide as a new way of having a dialogue with a classical text. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.669

REFERENCES

1. Abramovskikh, E. V. The phenomenon of creative reception of an unfinished text (finishing Pushkin's unfinished passages). Chelyabinsk, 2006. 280 p. (In Russ.)
2. Asanova, E. The visual in literature, or on a contemporary competent child. *Children's Readings*. 2019;16(2):416–424. (In Russ.)
3. Vail, P., Genis, A. Native speech: lessons of belles-lettres. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.)
4. Children's Readings. From the editors. *Children's Readings*. 2018;14(2):3–5. (In Russ.)
5. Zhvalevskiy, A., Pasternak, E. How to protect classical writers. *Children's Readings*. 2014;1(5):237–243.
6. Zagidullina, M. Hidden meanings of Russian classics: the first decade of the XXI century. Available at: <https://rospisatel.ru/konferenzija/zagidullina.htm> (accessed 17.03.2021).
7. Ivanova, N. The difficult first ten years: Summary of observations. *Znamya*. 2010;1. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/1/trudno-pervye-desyat-let.html> (accessed 15.03.2021).
8. Lotman, Yu. M. In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol. Moscow, 1988. 352 p. (In Russ.)
9. McCleod, S. Understanding comics. Moscow, 2016. 216 p. (In Russ.)
10. Maslenkova, N. A. "Reader + Viewer = ?" – On the new text comprehension practice. *International Journal of Cultural Research*. 2012;3(8). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatel-zritel-k-voprosu-o-novyh-praktikah-vospriyatiya-teksta> (accessed 20.03.2021).
11. Novikov, V. Twenty-two myths about Pushkin. Available at: <https://novikov.poet-premium.ru/texts/254/> (accessed 21.02.2021).
12. Oleynikov, A. Interview for the DETLIT Laboratory. Available at: <https://t.me/DetLitHerzen/68> (accessed 15.02.2021).
13. Savel'ev, A. Modern Eugene Onegin. Moscow, 2018. 580 p. (In Russ.)
14. Skaf, M. Comics and picture books: the boundaries of visual and literary genres. *Children's Readings*. 2016;10(2):285–303. (In Russ.)
15. Chernyak, V. D., Chernyak, M. A. Perception of children's literature works and problems of commentary. *Children's literature: problems of reception and interpretation*. St. Petersburg, 2020. P. 101–123. (In Russ.)

Received: 29 March, 2021; accepted: 30 July, 2021

РУСЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ТУБЫЛЕВИЧ

сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера»
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В РОМАНЕ М. Д. КАРАТЕЕВА «ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА»

Аннотация. Работа нацелена на исследование особенностей включения фрагментов новгородской Иоакимовской летописи в исторический роман М. Д. Карапеева «Ярлык великого хана» (1958). Актуальность темы обусловлена интересом современного литературоведения к художественной актуализации средневековых текстов в литературе нового времени. В исторической беллетристике значимой становится проблема адекватной трансформации образов, мотивов и эпизодов средневекового текста. Фрагменты Иоакимовской летописи, пересказанные героем романа, взяты автором из самой дискуссионной ее части, содержащей информацию, неизвестную по другим источникам. Понимая сложную научную репутацию текста, писатель от лица персонажа романа выстраивает систему аргументов в пользу достоверности летописных сведений. Подстраивая их под характер героя и эпохи, в которой тот живет, М. Карапеев создает понятного для читателя персонажа, но наделяет его нетипичным для его эпохи критическим отношением к тексту. Транслируя на героя свое восприятие Иоакимовской летописи, автор пытается опровергнуть норманнскую теорию происхождения русской государственности. Картина древнерусской истории дополняется сведениями, почерпнутыми из средневековых хроник и научной литературы.

Ключевые слова: исторический роман, Иоакимовская летопись, достоверность, древнерусская литература, русская литература XX века

Благодарности. Автор искренне благодарит доктора филологических наук М. В. Мелихова за помощь и ценные замечания в процессе подготовки статьи.

Для цитирования: Тубылевич Р. Е. Интерпретация Иоакимовской летописи в романе М. Д. Карапеева «Ярлык великого хана» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670

ВВЕДЕНИЕ

Главная особенность исторической беллетристики заключается в том, что для создания достоверной картины эпохи автор вынужден обращаться к различным историческим источникам. Выявление источников и приемов интерпретации фактов из них писателем важны для понимания принципов формирования авторской концепции Средневековья.

Цель работы – исследование особенностей интерпретации фрагментов новгородской Иоакимовской летописи (далее – НИЛ) в историческом романе М. Д. Карапеева «Ярлык великого хана» (1958) из цикла «Русь и Орда» (1958–1967). Специфика объекта исследования обусловлена тем, что целостного текста НИЛ не сохранилось, кроме выписок из него, опубликованных В. Н. Татищевым в первом томе «Истории Российской» (1768). Составитель НИЛ, время создав-

ния, достоверность сведений до сих пор вызывает дискуссию в научной среде [2: 6–34].

Цель и особенности объекта исследования обусловили следующие задачи: кратко охарактеризовать историю формирования текста НИЛ, выявить фрагменты из нее в романе и проследить, как они включаются в текст и какую роль играют на уровне сюжета и системы образов.

Подчеркивая историзм романов М. Д. Карапеева, исследователи называют их «романализированной историей» [10: 403]. Р. Якушева отмечает множество этнографических деталей из татарского и русского быта [10: 401]. О. Н. Михайлов указывает на попытку автора создать объективную картину эпохи, построенную на широком круге русских и зарубежных источников [10: 405]. Изучение приемов включения фрагментов источника в текст романа еще не проводилось, в этом и состоит новизна нашей работы.

ТВОРЧЕСТВО М. Д. КАРАТЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Литературовед О. Н. Михайлов относит Михаила Дмитриевича Каратеева (1904–1978) к «младшему», «незамеченному»² поколению первой волны эмиграции [10: 26]. В 1920 году, будучи кадетом, он эмигрировал из России сначала в Югославию, а затем в Болгарию. Как и его ровесники, сделавшие себе литературное имя уже за границей, чтобы заработать на жизнь, он вынужден был заниматься тяжелым физическим трудом. Добившись стипендии на учебу в Лёвенском католическом университете и получив диплом инженера-химика и степень доктора химических наук, в 1933 году из-за экономического кризиса он уезжает в Латинскую Америку. Именно в этом очаге русской эмиграции были написаны исторические романы М. Д. Каратеева.

Как отмечает М. О. Рубинс, литературное творчество русских эмигрантов в странах Латинской Америки мало изучено [15: 14]. Тем не менее представителей первой волны эмиграции, оказавшихся в чужой культурной среде, объединяло стремление сохранить историческую память, язык и культурные традиции для будущего возрождения России [12: 123]. Ту же функцию должна была выполнять и историческая проза.

Развитая в исторических романах идея патриотизма и «повышенная фактологическая оснащенность» [21: 41] по-разному проявлялись в текстах писателей, которых относят к младшему поколению первой волны. Можно выделить два подхода в их работе с источниками. Первый – метод М. А. Алданова (Ландау) (1886–1957) – выведение на первый план вымышленных персонажей и «напряженный сюжет (заговоры, убийства, покушения)», который дополнен «политико-философскими размышлениями автора» [10: 337]. Второй подход применял А. П. Ладинский (1896–1961), который стремился если не к «документальной правде» [10: 86], то к достижению «исторической достоверности» [19: 398].

М. Д. Каратеев соединяет оба подхода. Для придания «увлекательности» повествованию он вводит «хитросплетение заговоров и тайных злодействий, неожиданное узнавание в незнакомце родственника, близкого человека, разрешение безвыходного положения внезапной помощью извне, запретная любовь и др.» [10: 403]. Вместе с тем, как отмечал сам писатель, в его произведениях «история действительно преобладает над романом» [4]. Это связано с просветительскими задачами, которые онставил перед собой: «ознакомить читателя с историей нескольких второстепенных русских княжеств»

и «правильно осветить некоторые исторические факты, искаженные нашими летописцами³ или же неверно истолкованные их комментаторами» [4].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. Д. КАРАТЕЕВА

Интерес к русской истории играл важную роль в литературном творчестве М. Д. Каратеева. Как отмечал сам писатель, он не разделял «нигилистических точек зрения на историю Руси» [18: 154] и поддерживал тезис о самобытности ее исторического пути. С этим напрямую связаны три вопроса, впоследствии затронутые в его романах. Во-первых, это теория о норманнском происхождении русской государственности. Одной из причин ее возникновения М. Д. Каратеев считал поверхностный подход к летописному материалу, в результате которого одни летописи не учитывались, а другие неверно истолковывались⁴. В сборнике очерков «Из нашего прошлого» (1968) он говорит о пренебрежительном отношении к русским эмигрантам за границей⁵ как о главном последствии норманизма, содержащем, по его мнению, дальнейшую угрозу единству и суверенитету русского государства. Второй вопрос, намеченный в очерке «Русь и татары», связан с взаимоотношениями Древней Руси и Золотой Орды. Не смягчая тяжелого положения Руси в период обострения этих отношений, он отмечает и положительное влияние ига на Русь (тяжелые условия жизни ускорили сплачивание отдельных княжеств в единое государство⁶) и пишет о тесных кровных и культурных связях, которые проявились в «богатом [татарском] наследстве» в области политики, науки и культуры⁷. Наконец, в вопросе возвышения Московского княжества Каратеев придерживался принципиальной точки зрения: главная заслуга принадлежит Дмитрию Донскому, «славному русскому государю и национальному герою, чьим гением Русь была выведена из феодального хаоса на прямой великодержавный путь»⁸.

Эти исторические взгляды писателя отразились в его романах, идейную направленность которых исследователи определяют как «промосковскую», «антинорманистскую» и «единодержавную» [12: 283].

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТЕКСТА ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Обнаружение НИЛ и дальнейшая судьба ее текста подробно изложены в работе С. Н. Азбелева [2: 10–28], мы остановимся лишь на некоторых аспектах.

По содержанию и характеру изложения исследователи делят текст НИЛ на две части: «этнографическое вступление» о первых князьях до Рюрика и правление следующих русских

князей до Владимира I [8: 99]. Сведения первой части, отсутствующие в других летописях, вызвали спор о ее достоверности и датировке. Мнения исследователей разделились: одни считают, что НИЛ была создана в XVII–XVIII веках, другие утверждают, что она была начата при первом новгородском епископе Иоакиме [8: 98].

С вопросом датировки связана проблема формирования текста летописи. Один из сторонников древности летописи, С. Н. Азбелев, намечает три гипотетических этапа развития текста НИЛ. Первый этап – начало летописи (XI век) на основе предполагаемого, но не дошедшего до нас повествования о первых русских князьях, а также устных преданий о предыстории Новгородской земли [2: 31–34]. Второй этап (1439 год) – добавлены указания о составителе летописи, доработана вступительная часть с помощью фольклорного материала, поднимающего престиж Новгорода. На третьем этапе, в 1699 году, был изготовлен новый список НИЛ, сделанный не очень тщательно, с утратой двух листов [2: 33–34].

Как отмечал сам В. Н. Татищев, он работал не с полным текстом НИЛ, а с тремя фрагментами из нее, пронумерованными цифрами 4, 5, 6 [17: 52]. Переписывая из нее то, чем она отличается от «Повести временных лет», историк не всегда прибегал к цитированию, иногда пересказывал, вносил частные правки и комментировал [2: 6]. В ходе работы текст неоднократно корректировался Татищевым, и В. М. Моргайло выделяет несколько редакций текста с его правками [11].

В научных кругах отношение к частям НИЛ было различным. Если некоторые сведения из второй части летописи все же были подтверждены данными археологии и зарубежными источниками [2: 24–25], то факты первой воспринимались как легендарные. По мнению историков, она «соответствует нередким в польских и русских исторических сочинениях XVI–XVII веков псевдогенеалогическим построениям» [8: 99]. Исследователи обнаруживали в ней следы «бродячих сюжетов» (С. Н. Азбелев, А. Л. Топорков), скандинавских саг (Б. Клейбер, С. В. Конча), попытки создать народную генеалогию по образцу польских и чешских хроник (П. А. Лавровский, С. К. Шамбинаго). Именно эту наименее достоверную часть и использовал в своем романе М. Каратеев.

ВКЛЮЧЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В РОМАН М. Д. КАРАТЕЕВА

Роман «Ярлык великого хана» повествует об одном эпизоде политической борьбы в рус-

ских княжествах первой половины XIV века. Главный герой – карачевский князь Василий Пантелеимонович – лишается своего удела из-за интриг его дядьев и их поддержки ханом Золотой Орды. Он понимает, что обелить свою репутацию перед негативно настроенным ханом ему не удастся, и в том случае, если он добровольно не уедет из своего княжества, его заставят силой, попутно разорив Карачев. Его положение осложняется, когда он убивает главного заговорщика (своего дядю Андрея), тем самым выразив неповиновение воле хана. Желая избежать дальнейших осложнений, он едет в единственное место, где хан Узбек не имеет власти, – в Белую Орду. По дороге он заезжает в Муром, где несколько дней гостит у князя Юрия Ярославича.

Оба персонажа романа – исторические личности, о которых сохранились достаточно скучные летописные сведения. Князь Василий упоминается в летописях один раз – в связи с убийством им звенигородского князя Андрея [3: 80]. О муромском князе говорится в местной летописи в контексте его деятельности по восстановлению Мурома после княжеских усобиц, обновлению храмов и снабжения их книгами и иконами [1: 66].

Имеющиеся летописные сведения становятся сюжетообразующими узлами в романе, но приемы их разработки автором различны. В случае с муромским князем Каратеев идет по пути расширения сведений летописи, создавая образ знающего несколько языков «деятельного, умного и напористого человека, немало поездившего по чужим землям и многому научившегося»⁹. Автор добавляет от себя информацию о нескольких годах, проведенных в Византии, о семейной жизни Юрия Ярославича. Биографию Василия Пантелеимоновича писатель достраивает на основе семейных преданий, так как князь был его предком. Этот материал добавляет в сюжетную линию Василия авантюристические эпизоды (обреченная на неудачу любовь изгнанника к его «нареченной невесте» муромской княжне Ольге, соперничество с чингизидом Хисаром-мурзой за руку красавицы Фейзулы в Белой Орде).

Пребывание князя Василия в Муроме также развивается в авантюристом ключе. По пути в Орду он спасает дочь муромского князя Ольгу Юрьевну от разбойников, нанятых мордовским князем для ее похищения. Приглашенный в Муром благодарной княгиней, он называет себя карачевским боярином Василием Романовичем Снежинским. Юрий Ярославич подозревает о том, кем на самом деле является его гость, и, заметив

взаимную склонность Василия и Ольги, решает отвлечь карачевского князя.

Во время беседы с Василием князь Юрий рассказывает свою версию истории Руси, в которой на первом плане оказывается тема «одного корня» всех русских князей и их общего долга перед предками и Русью. Основные «факты» концепции князя Юрия позаимствованы автором из «этнографического вступления» НИЛ: эпизоды расселения князя Славена и его народа, правления Владимира и его сыновей, войны князя Бурилова с варягами и княжения Гостомысла. Рассказ сопровождается критическим комментарием князя, который делит материал «этнографического вступления» на две части: на «старые сказы» и на сведения, которым «уже можно верить»¹⁰. К первым он относит, например, эпизод расселения племен Славена и Скифа:

«Были будто бы в незапамятные времена два могучих князя, Славен и Скиф, братья родные, которые воевали все земли по Дунаю и по берегу Понта, как называлось тогда Русское море. После того Скиф, со своим племенем, осел в Таврии и в землях промеж Днепром и Волгой, а Славен, оставивши на Дунае князем своего сына Бастарна, сам пошел на полночь и, дойдя до берегов Варяжского моря и Ильмень-озера, поставил там великий город Славянск...»¹¹.

Фрагмент сопровождается объяснением Юрия Ярославича, связывающего имена князей и этненимы («Вестимо, все эти старые сказы надобно понимать иначе: не князья такие были, а народы...»¹²). Такая интерпретация несколько опережает свое время. Обычным ходом мысли при создании этненимических преданий было возвведение имени народа к имени военачальника, князя [16: 13], что сохраняется и в исторических сочинениях XVI–XVII веков. Даже Иван IV, занимавшийся «конструированием фальшивых генеалогий» о предке Рюрика Прусе, оправдываясь, писал: «...коли уж Пруса на сем свете не было, почему ныне называется Прусская земля, от кого она то прозвище взяла?» [14: 114]. Трактовка, предложенная князем в романе, вероятно, взята из «Истории Российской» В. Н. Татищева [17: 62] и отражает научные взгляды человека другой эпохи, с иным типом сознания.

Вторая часть сведений, по мнению муромского правителя, более достоверна. Они начинаются с рассказа о правлении потомка князя Славена, Владимира, жена которого Адвинда была «от варяг»: «И вот, сдается мне, что, беря от этой княжеской четы, всему, о чем дальше повествует Иоаким, уже можно верить»¹³.

Дальнейший краткий пересказ проигранной войны сына Владимира – князя Бурилова – с варягами и освобождения русской земли от нор-

маннского ига благодаря Гостомыслу точно передает сведения НИЛ и не снабжен критическими комментариями. При этом аллегоричный сон новгородского князя о плодоносном древе, вырастающем из чрева его дочери, который предрекает рождение Рюрика и процветание его рода, никак не интерпретируется Юрием Ярославичем.

В книге исторических очерков М. Д. Карапеева «Из нашего прошлого» (1968) такое условное деление текста на две части отражает авторское видение НИЛ. Писатель указывает на «правдоподобие» этих сведений: «...начиная с княжеской четы Владимир – Адвинда <...> сведения Иоакима, хотя их и нельзя считать достоверными, все же приобретают вполне правдоподобный характер»¹⁴. Материал НИЛ до них сам Карапеев (как и его герой) осторожно называет «по большей части легендарным»¹⁵.

Одной из особенностей включения пересказа текста НИЛ в роман является его вступительная часть, аргументирующая правдоподобие летописных сведений. Ее необходимость обусловлена ненадежностью летописи как источника в научной среде, а также политическими взглядами самого автора романа. В частности, М. Д. Карапеев резко критикует норманнскую теорию, видя в ней причину пренебрежительного отношения к русским со стороны зарубежных стран. Автор выстраивает систему доказательства, которую читателю излагает его персонаж. Князь Василий, как и большая часть читателей романа, историю Руси знал только по «Повести временных лет». Аргументы князя Юрия сформулированы максимально просто, понятно и доказательно. Например, опровергая норманнскую теорию, он говорит, что Гостомысл не мог призвать врагов (варягов) на княжение, так как совсем незадолго до этого изгнал их из Руси: «...это все одно было бы, что погубить начисто дело своей жизни и по добной воле съзнова сунуть голову в нурманское ярмо!»¹⁶. Понятными читателю были и сведения о частых войнах с варягами, известные по древнерусским источникам. Князь Юрий знает и о новгородской летописи, в которой есть упоминание о войне Бурилова с варягами («...Все это нам вточию ведомо, ибо запись о том осталась в новгородской летописи...»¹⁷). Часть доводов князя основывается на его лингвистических наблюдениях. Первый касается отсутствия скандинавизмов в русском языке («...нурманы в ту пору письмо уже знали, как же могло случиться, что на Руси не осталось ни единой грамоты, ни единой строчки, писанной их языком?...»¹⁸). Второй обращен к эволюции термина «варяг» и к происхождению

племени русь. Персонаж полагает, что варягами раньше «звали всех, чьи земли выходили к Варяжскому морю»¹⁹. Доводы о расширении значения термина «варяг» и об упоминании племени русь в арабских источниках изложены в книге очерков М. Д. Карапеева²⁰. Вместе с тем суждение об отсутствии скандинавизмов²¹ в древнерусском языке [6: 22], по-видимому, автор почерпнул из работы С. А. Гедеонова «Варяги и Русь» (1876), которая была им высоко оценена²². Система аргументов муромского князя, с одной стороны, вполне понятна читателю XX века, ее введение в текст обусловлено просветительскими задачами М. Д. Карапеева. С другой стороны, она методологически невозможна для человека XIV века, который не мог быть специалистом в области истории, этнографии и лингвистики.

Еще одной особенностью встраивания текста НИЛ в роман М. Д. Карапеева можно считать дополнение ее сведений материалом, принадлежащим к эпохе древней истории. Мы имеем в виду упоминание о князе русов Бравлине, пограбившем в VIII–IX веках греческий город Амастриду, историю о славянских племенах по рекам Одеру и Эльбе и рассказ об острове Рюгене. Источники этих сведений различны, но все их можно отнести к намеренным свидетельствам²³ (по классификации М. Блока). Сведения о славянах по рекам Одеру и Эльбе и их быте на острове Рюген до эпохи немецкой колонизации встречаются в средневековой археологии (хроника Титмара Мерзебургского, сообщения Адама Бременского, «Славянская хроника» Гельмольда из Босау, «Деяния данов» Саксона Грамматика) [7: 10]. Говоря в очерках о балтийском происхождении варягов, автор упоминает работы антиформанистов и В. К. Тредиаковского, которые, судя по всему, и были его научным подспорьем²⁴.

Источником эпизода о князе Бравлине могла быть только русская версия «Жития Стефана Сурожского» (XIV–XV века) – греческого памятника, который сохранился в трех «вариантах»: греческом сокращенном, армянском и русском. Имя Бравлин, как и указание на то, что этот князь был из Новгорода, есть только в русской версии жития. В греческой версии его нет, а в армянской князя зовут Правлис, и в ней отсутствуют указания на его русское происхождение [5: 221]. Поэтому достоверность сведений именно о русском князе сомнительна. Привлеченный автором материал позволил дополнить карти-

ну быта славянских племен в древности и представить читателю более убедительную картину донорманнского прошлого Руси.

Творческая обработка материала НИЛ проведена на трех уровнях: системы образов, сюжета и идеи. На уровне системы образов фрагменты НИЛ использованы для характеристики и муромского князя, и его собеседника прежде всего как государственных деятелей, людей, патриотизм которых основывается не только на чувствах, но и на знаниях, на уважении к своему прошлому, к своим корням. Малодостоверный с точки зрения ряда исследователей текст НИЛ встраивается в идейный замысел романа и всего цикла «Русь и Орда», посвященного проблемам становления русской государственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новгородская Иоакимовская летопись как исторический источник остается текстом достаточно спорным. Ее сомнительная репутация в научной среде обусловила необходимость прибегнуть к своеобразному доказательству достоверности ее отдельных сведений при включении ее пересказа в роман. Создание системы убедительных аргументов осложнялось скучностью сведений об изображаемой эпохе²⁵ и требовало введения персонажа, от лица которого она звучала бы логично. Им становится муромский князь Юрий Ярославич – начитанный человек и полиглот, который строит всю сопровождающую пересказ НИЛ систему доказательств с опорой на знание языков, данные летописей и исторических сочинений. Не имея точных сведений об этом герое, автор тем не менее приписывает ему знание греческого, скандинавского, татарского языков и истории Руси. Кроме того, наделяет героя не свойственным средневековому человеку критическим отношением к летописям. Благодаря этим – вымышленным полностью или позаимствованным из сомнительных источников (НИЛ) – материалам автору удается создать объемную и насыщенную панораму жизни древних славян, привлекая информацию, почерпнутую из западных хроник и русской версии «Жития Стефана Сурожского». Материал НИЛ становится важным источником не только для раскрытия образов главного героя – карачевского князя Василия – и его собеседника, но и двигателем сюжета, так как подготавливает дальнейшее развитие действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращение взято из работы С. Н. Азбелева [2].

² Термин «незамеченное поколение» применительно к младшему поколению эмиграции первой волны впервые употребил литературовед В. С. Варшавский. Представители этого поколения оказались в эмиграции в детском

или юношеском возрасте, поэтому, с одной стороны, они не могли жить «воспоминаниями о России» (их было слишком мало), а с другой – остро ощущали себя изгнанниками (Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С. 18).

³ Исследователи насчитали 324 исторических источника, среди которых были ханские ярлыки, иностранные хроники, памятники агиографической литературы. В романах автор цитирует фрагменты из Никоновской, Вологодской, Пермской, Симеоновской летописей и др. Проблему недоступности многих отечественных работ по истории (и прежде всего русских исторических источников), а также «удаленности от главных культурных центров русского Зарубежья – Парижа и Нью-Йорка» [10: 400] М. Д. Карапеев смог решить: «Книги ему присыпали отовсюду <...> вел активную переписку с букинистами и историками многих стран мира...» [4]. Знакомые из России присыпали ему не только научные труды (Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, А. Ю. Якубовского и др.), но и художественную литературу (исторические романы).

⁴ Карапеев М. Д. Из нашего прошлого. Исторические очерки. Буэнос Айрес, 1968 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 19.04.2021).

⁵ Там же.

⁶ Карапеев М. Д. Русь и татары // Арабески истории. Вып. 1. Русский взгляд. М.: ДИ-ДИК: Танаис, 1994. С. 25–26.

⁷ Там же. С. 29–30.

⁸ Карапеев М. Д. От автора // Карапеев М. Д. Караб-Мурза. Богатыри проснулись: Исторические романы. М.: Профиздат, 1992. С. 7.

⁹ Карапеев М. Д. Русь и Орда: Историческая трилогия: В 2 т. Т. 1. Ярлык великого хана: Роман. М.: Современник: Lexica, 1991. С. 271–272.

¹⁰ Там же. С. 289.

¹¹ Там же. С. 288.

¹² Там же. С. 289.

¹³ Там же.

¹⁴ Карапеев М. Д. Из нашего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 19.04.2021).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Карапеев М. Д. Русь и Орда. С. 284.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 285.

¹⁹ Там же. С. 287.

²⁰ Карапеев М. Д. Из нашего прошлого.

²¹ А. В. Циммерлинг отмечает, что древнескандинавский был языком бытового общения. Его следы можно обнаружить в именах (подробнее см. [13]) и, как предполагает исследователь, также в построении некоторых моделей безличных синтаксических конструкций [20: 295–296]. Исследователи отмечают и наличие скандинавских лексем в русском языке. К ним относятся около десятка слов, связанных с военной и государственно-фискальной сферами (см.: Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 280).

²² Карапеев М. Д. Из нашего прошлого.

²³ В качестве примера «намеренного» свидетельства (то есть задающего определенный, возможно, не всегда строго достоверный образ или интерпретацию события у читателя) М. Блок приводит «Историю» Геродота (Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 36).

²⁴ Там же.

²⁵ Обращение авторов к теме древней русской истории, по мнению А. М. Лобина, осложнялось недостатком достоверных источников [9: 70].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов К. А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Мурома // Уваровские чтения – V: Материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию г. Мурома (14–16 мая 2002 г., Муром). Муром: Стерх, 2003. С. 66–70.
2. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.
3. Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVIII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 13. Брянск: Изд-во БГУ, 2011. С. 63–97.
4. Бойко де Семка В. Михаил Карапеев // Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео, 2009. С. 169–185 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/VjZhP> (дата обращения 25.05.2021).
5. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Бравлин – бранлив или кроток? // Slovène. 2017. № 1. С. 219–235.
6. Гедеонов С. А. Варяги и Русь: Разоблачение «норманнского мифа». М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 352 с.
7. Иванова-Бучатская Ю. В. Platten Land: Символы Северной Германии (славяногерманский этно-культурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб.: Наука, 2006. 226 с.
8. Конча С. В. Скандинавские элементы Иоакимовской летописи и вопрос о ее происхождении // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 98–111.

9. Лобин А. М. Романы о Древней Руси Б. Л. Васильева как новый виток эволюции исторический прозы на рубеже ХХ–XXI веков // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 69–73.
10. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 432 с.
11. Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 260–268.
12. Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не растворяются»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг.: Монография. М.: РУДН, 2011. 384 с.
13. Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
14. Петрухин В. Я. Миф, история и вымысел в русских средневековых преданиях о происхождении власти // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени: Материалы конф. М.: Индрик, 2010. С. 113–115.
15. Рубинс М. О. Литература «первой волны» в культурно-историческом аспекте // Литература русского зарубежья (1920–1940). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 9–43.
16. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.
17. Татищев В. Н. История Российская: В 3 т. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. 568 с.
18. Филатова А. И. Каратеев Михаил Дмитриевич // Русская литература ХХ века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобибл. словарь: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. 3–О. С. 153–154.
19. Филатова А. И. Ладинский Антонин Петрович // Русская литература ХХ века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобибл. словарь: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. 3–О. С. 397–398.
20. Циммерлинг А. В. Не пересекая границы: древнескандинавский язык в Древней Руси // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (14–16 февраля 2018 г., Москва). М.: Гос ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 294–297.
21. Юдин В. А. Исторический роман русского Зарубежья. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1995. 124 с.

Поступила в редакцию 24.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Ruslana E. Tubylevich, Research Associate, Pitirim Sorokin
Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

INTERPRETATION OF THE JOACHIM CHRONICLE IN MIKHAIL KARATEEV'S NOVEL THE CHARTER OF GREAT KHAN

A b s t r a c t . The article investigates the specific features of inserting the excerpts from the Novgorod Joachim Chronicle into Mikhail Karateev's historical novel *The Charter of Great Khan* (1958). The research relevancy is determined by the scholarly interest in the artistic actualization of medieval documents in modern literature. The issue of the adequate transformation of medieval literature images, motifs and episodes is very significant for historical fiction. The quotations paraphrased by the character of the novel are borrowed from the most debatable part of the Novgorod Joachim Chronicle, which contains information not found in other medieval texts. Being aware of the Chronicle's questionable reputation among scholars, Karateev poses arguments in favor of its authenticity and explicates these arguments through the character of his novel tailoring them to the character's personality and his historical period. Consequently, the author portrays the character who critically investigates the Chronicle, which is appealing to readers but not typical for a person living in the described epoch. Mikhail Karateev attributes his own perception of the Novgorod Joachim Chronicle to the character of his novel in order to refute the Norman theory of the origin of the Russian state. The picture of old Russian history is supplemented with the information derived from the medieval annals and scholarly literature.

K e y w o r d s : historical novel, Novgorod Joachim Chronicle, authenticity, Old Russian literature, twentieth-century Russian literature

A c k n o w l e d g e m e n t s . The author expresses her sincere gratitude to her academic supervisor, Doctor of Philology Mikhail V. Melikhov, for his help and valuable comments during the manuscript preparation.

F o r c i t a t i o n : Tubylevich, R. E. Interpretation of the Joachim Chronicle in Mikhail Karateev's novel *The Charter of Great Khan*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670

REFERENCES

1. Aver'yanov, K. A. “Blind spots” in the medieval history of Murom. *Uvarov Readings – V: Proceedings of the research conference commemorating the 1140th anniversary of Murom*. Murom, 2003. P. 66–70. (In Russ.)
2. Azbelev, S. N. Oral history in the monuments of Novgorod and Novgorod lands. St. Petersburg, 2007. 296 p. (In Russ.)
3. Bespalov, R. A. The “new offsprings” of Prince Mikhail of Chernigov according to the sources of the XVI and the XVII centuries (formulation of the problem). *Problems of Slavic studies: Collection of articles and research materials*. Issue 13. Bryansk, 2011. P. 63–97. (In Russ.)

4. Boyko de Semka, V. Mikhail Karateev. *Russians in Uruguay: History and modernity*. Montevideo, 2009. Available at: <https://clck.ru/VjZhP> (accessed 25.05.2021). (In Russ.)
5. Vinogradov, A. Yu., Korobov, M. I. Bravlin – brave or humble? *Slověne*. 2017;1:219–235. (In Russ.)
6. Gedeonov, S. A. The Varangians and Rus': Unveiling the "Norman myth". Moscow, 2011. 352 p. (In Russ.)
7. Ivanova-Buchatskaya, Yu. V. *Plattes Land: Symbols of Northern Germany (Slavic-Germanic ethno-cultural synthesis between the Elbe and Oder rivers)*. St. Petersburg, 2006. 226 p. (In Russ.)
8. Koncha, S. V. Scandinavian elements of the Joachim Chronicle and the question of its origin. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2012;3:98–111. (In Russ.)
9. Lobin, A. M. B. L. Vassiljev's "Ancient Russia Novels" as a new cycle in the evolution of historical prose at the turn of the millennium. *Philological Class*. 2016;4(46):69–73. (In Russ.)
10. Mikhaylov, O. N. Literature of the Russian abroad. Moscow, 1995. 432 p. (In Russ.)
11. Morgaylo, V. M. Tatishchev's work on the Joachim Chronicle. *Archeographic Annual Book of 1962*. Moscow, 1963. P. 260–268. (In Russ.)
12. Moseykina, M. N. Divided yet united: Russian emigration to Latin America between the 1920s and the 1960s. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.)
13. Nikolaev, S. L. Etymology and comparative phonology of North Germanic personal names in the *Primary Chronicle. Problems of Onomastics*. 2017;14(2):7–54. (In Russ.)
14. Petrukhin, V. Ya. Myth, history, and fiction in Russian medieval legends about the origins of authority. *Legends and myths about the origins of authority in the Middle Ages and early modern period: Proceedings of the research conference*. Moscow, 2010. P. 113–115. (In Russ.)
15. Rubins, M. O. The literature of the "first wave" of Russian emigration in the historical and cultural aspects. *Literature of the Russian abroad (1920–1940)*. St. Petersburg, 2013. P. 9–43. (In Russ.)
16. Sokolova, V. K. Russian historical legends. Moscow, 1970. 289 p. (In Russ.)
17. Tatishchev, V. N. Russian history. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 2005. 568 p. (In Russ.)
18. Filatova, A. I. Karateev Mikhail Dmitrievich. *Russian literature of the XX century. Prose writers, poets, playwrights: Biobibliographical dictionary: In 3 vols*. Moscow, 2005. Vol. 2. P. 153–154. (In Russ.)
19. Filatova, A. I. Ladinski Antonin Petrovich. *Russian literature of the XX century. Prose writers, poets, playwrights: Biobibliographical dictionary: In 3 vols*. Moscow, 2005. Vol. 2. P. 397–398. (In Russ.)
20. Zimmerling, A. V. Inside the borders: Old Scandinavian in Old Russia. *Crossing the borders: Intercultural communication in a global context: Proceedings of the I international research and practice conference (February 14–16, Moscow)*. Moscow, 2018. P. 294–297. (In Russ.)
21. Yudin, V. A. Historical novel of the Russian abroad. Tver, 1995. 124 p. (In Russ.)

Received: 24 April, 2021; accepted: 30 July, 2021

АННА ЮРЬЕВНА КОШЕВСКАЯ

преподаватель кафедры классической филологии Института иностранных языков имени Мориса Тореза
Московский государственный лингвистический университет,
аспирант кафедры классической филологии филологического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
castrensiана@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРЕТИКО-ТРОХЕИЧЕСКОЙ И ДИТРОХЕИЧЕСКОЙ КЛАУЗУЛ В РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА «ПРОТИВ КАТИЛИНЫ»

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются особенности клаузул (то есть ритмически отделанных завершений колонов и периодов) как стилистического средства в цицероновской прозе. Основное внимание уделено двум наиболее часто встречающимся в речах «Против Катилины» ритмическим структурам, охватывающим более половины всех клаузул в корпусе «Катилинарий». Дано краткое описание новой методологии описания прозаического ритма, разработанной автором статьи и более подробно описанной в других работах; основная часть статьи посвящена подробному рассмотрению кретико-трокеической [– ∙ – – x] и дитрокеической [– ∙ – x] клаузул в аспекте их употребления как средства членения перикопы и текста в целом, особенностей употребления серий одинаковых клаузул, а также их возможной связи со стилистическими фигурами других языковых уровней, например с аллитерацией и гомеотелевтом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ритм прозы, клаузулы, стилистика, гомеотелевт, Цицерон, Катилинарий

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кошевская А. Ю. Стилистические особенности употребления кретико-трокеической и дитрокеической клаузул в речах Цицерона «Против Катилины» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 93–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.671

ВВЕДЕНИЕ

Ритм прозы, будучи очень древним риторическим средством, до сих пор остается малоизученным явлением. Первые научные работы по этой теме появились во второй половине XIX века; с тех пор возникло множество разнообразных теорий и методологий, но большинство из них не идут дальше статистических описаний древнегреческих и латинских текстов. Одно из немногих фундаментальных исследований ритма прозы – работа Ф. Ф. Зелинского «Das Clauselgesetz in Ciceros Reden. Grundzüge einer oratorischen Rhythmisierung» (1904), представляющая собой попытку изучения глубинных языковых законов ритмизации латинского текста. Однако теория Зелинского не лишена существенных недостатков, в том числе и методологических ошибок, на которые неоднократно указывали его оппоненты¹; в то же время нельзя не признать, что значительная часть выводов Ф. Ф. Зелинского вполне соответствует действительности. Его главной методологической ошибкой было,

как нам кажется, чрезмерное увлечение именно статистической стороной изучения клаузул: его система нотации ориентирована не на корректное описание материала, а на удобство его систематизации, что и явилось ключевой проблемой. Именно поэтому в своем исследовании мы отказываемся от использования существующих методологий и предлагаем новую, в которой постарались совместить достижения предшествующих теорий.

* * *

В плане нотации новая методология опирается на взгляды Квинтилиана, согласно им, клаузула состоит из двух метрических стоп, которые по желанию оратора могут быть распространены еще одной (*Quint. inst. IX 94–95*). Важно отметить, что, согласно Квинтилиану, клаузула «развертывается» от конца фразы к началу (*retrorsum*)². Основные стопы, использующиеся при ритмизации прозы: трохей [– ∙], кретик [– ∙ –] и спондей [– –]; реже применяется молосс [– – –], дактиль

[– ∙ ∙], а также четырехсложные стопы – восходящий ионик [∙ ∙ – –] и эпитрит [– ∙ – –]³. При нотации мы принимаем, что правила декламации стихотворных и прозаических текстов во времена Цицерона были едиными⁴; поэтому учитываются все возможные процессы на стыке слов («открытие» закрытого слога перед следующим гласным (напр., *iactābit audācia*), а также элизии); кроме того, мы учтываем основные законы клаузул, открытые Ф. Ф. Зелинским, а именно гармонический закон (любой долгий может заменяться двумя краткими, и при этом словесное ударение не может стоять на втором из них – в противном случае это просто два кратких слога) и закон распушений (через распущенный долгий слог не может проходить словораздел – в противном случае это просто два кратких слога). На основании характера стоп и их сочетания в клаузуле выделяются следующие типы ритмических структур:

1. Первичные клаузулы – содержащие в себе явно выраженное чередование долгих и кратких слогов и составленные на основе трохея или кретика (напр.: *arbitrāris* (*Cic. Catil. I 1*) [– ∙ – –]); эти клаузулы охватывают более 80 % всех случаев;

2. Тяжелые клаузулы – завершающиеся на последовательность из как минимум четырех долгих слогов (напр.: *nōs ēlūdet* (*Cic. Catil. I 1*) [– – – –]);

3. Производные клаузулы – регулярно встречающиеся ритмические последовательности, восходящие к одной из первичных клаузул (напр.: *esse uideātur* (*Cic. Catil. I 14*) [– ∙ ∙ ∙ – –] = [– ∙ – – –]).

Кроме того, согласно предлагаемой теории, каждая клаузула имеет особую семантику; впервые такая мысль была высказана Дионисием Галикарнасским (*D. H. comp. 17*).

Среди первичных клаузул следует особо отметить две структуры – сочетание кретика с трохеем [– ∙ – – x]⁵ и двойной трохей [– ∙ – x]⁶. Эти две клаузулы можно назвать базовыми для цицероновской прозы: они составляют более половины от общего числа клаузул в «Катилинариях», причем каждая из этих структур реализуется примерно в 2,5 раза чаще других первичных. Особый статус таких структур в прозе Цицерона был отмечен еще Ф. Ф. Зелинским, классифицировавшим эти клаузулы как V1 и V3⁷ (тип *verae* (или *bevorzugte*), то есть наиболее предпочтительные)⁸ [*14: 15–17*]. В качестве специфической черты этих клаузул следует указать то, что они способны создавать своего рода «ритмический гомеотелевт»⁹, таким образом объединяя до четырех колонов подряд (в том числе из разных периодов¹⁰).

Рассмотрим наиболее яркие примеры указанных структур. Прежде всего таким образом

построено начало перикопы 20 из второй речи «Против Катилины» (*Cic. Catil. II 20*):

Tertium genus est aetate iam adfectum [– ∙ – – x], sed tamen exercitatione robustum [– ∙ – – x]; quo ex genere iste est Manlius cui nunc Catilina succedit [– ∙ – – x]. Hi sunt homines ex eis coloniis quas *Sulla* constituit [– ∙ – ∙ ∙ x]¹¹ = [– ∙ – – x]; quas ego universas civium esse optimorum et fortissimorum virorum sentio [– – – ∙ x], sed tamen ei sunt coloni qui se <in> insperatis ac repentinis pecuniis sumptuosius *insolentiusque iactarunt* [– ∙ – x].

Легко заметить, что в клаузулах, помимо ритмического, есть и грамматический параллелизм [*7: 41*]: *aetate (iam) adfectum* – *exercitatione robustum* (Abl. sing. (III decl.) + Adj. / Part. perf. pass. neutr. sing.); *Catilina succedit* – *Sulla constituit* (Nom. sing. (Nomen propri.) + Perf. ind. act.). Примечательно, что таким образом могут быть связаны не только колоны одного периода, но и разные периоды между собой. Подобную картину, но с небольшими перебивками, наблюдаем и в третьей речи (*Cic. Catil. III 16*):

Iam ad certas res conficiendas certos homines delectos ac *descriptos* habebat [– ∙ – x]. Neque vero, cum aliquid mandarat, *confectum* putabat [– ∙ – x]: nihil erat quod non ipse obiret, occurreret, vigilaret [– ∙ – x], laboraret [– ∙ – x]; frigus, sitim, famem ferre poterat [– ∙ ∙ ∙ x]¹² = [– ∙ – x].

В этом примере одинаковой ритмикой объединены три формы Imperf. ind. act. Pers. 3 sing., при этом клаузулы *descriptos* *habebat* и *confectum* *putabat* объединяют и логическая структура (глагол мысли + Partic. Acc.). Важно заметить, что эта связь клаузул *confectum* *putabat* и *ferre poterat* перебивается клаузулой, также содержащей форму имперфекта, но в конъюнктиве.

Наконец, рассмотрим пример максимальной длины такой структуры:

qui vobis ita summam ordinis consilique concedunt ut vobiscum de amore rei publicae certent [– ∙ – – x]; quos ex multorum annorum dissensione huius ordinis ad societatem concordiamque revocatos hodiernus dies vobiscum atque haec *causa coniungit* [– ∙ – – x]. Quam si coniunctionem in consulatu confirmatam meo perpetuam in re publica tenuerimus¹³ [– ∙ ∙ – x], confirmo vobis nullum posthac malum civile ac domesticum ad ullam rei publicae partem *esse venturum* [– ∙ – – x]. Pari studio defendendae rei publicae convenisse video tribunos aerarios, *fortissimos viros* [– ∙ – ∙ x]; scribas item universos quos, cum casu hic dies ad *aerarium frequentasset* [– ∙ – – x], video ab exspectatione sortis ad salutem communem *esse conversos* [– ∙ – – x] (*Cic. Catil. IV 15*).

В приведенном примере одним и тем же ритмом объединены пять колонов с двумя перебивками; связь между клаузулами на других языковых уровнях не столь очевидна, как в примерах выше, хотя нельзя не отметить сходство *esse venturum* с *esse conversos*, гомеотелевт *fortissimos*

viros и *esse conversos*¹⁴, а также созвучие (аллитерацию¹⁵) *for-/fre-* между *fortissimos viros* и *aerarium frequentasset*. Как и в предыдущих примерах, ритмическая связь объединяет не только колоны в период, но и периоды между собой – другими словами, очевидна функция клаузул как метатекстового средства [6: 418–421], обеспечивающего, с одной стороны, членимость, а с другой – связность текста [3: 159–193].

Приведенные выше примеры – не единичные случаи, они были выбраны нами исключительно в силу наглядности. Тем не менее важно заметить, что такие серии однородных клаузул не характерны для первой речи «Против Катилины» (в отличие от трех других). В первой же речи никогда не употребляются больше двух одинаковых клаузул подряд (по крайней мере, в пределах одной перикопы), кроме того, довольно редко между ними прослеживается связь на других уровнях.

Это может быть связано с тем, что данный прием был осмысленным стилистическим средством и использовался сознательно: точно так же первая речь отличается от остальных тем, что бедна сложными периодами, а это может быть связано с ориентацией на настроение и вкусы аудитории [2: 16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что описанные серии клаузул характерны исключительно для кретико-трокея и дитрохея, но не для других ритмических структур. Кроме того, это стилистическое средство, по всей видимости, нельзя однозначно связать ни с одной из известных нам стилистических фигур; очевидно, что мы имеем дело со специфической функцией ритма прозы, а также то, что этот прием имел яркую стилистическую окраску.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напр., ученик Зелинского Б. В. Варнеке [5: 151] или немецкий исследователь ритма прозы В. Шмид [11: 2].

² Согласно Зелинскому, клаузула линейна, то есть она состоит из кретика или молосса в своем начале и наращивается за счет цепочки трохеев в конце (см.: Zielinski Th. Das Clausegesetz in Ciceros Reden. Grundzüge einer oratorischen Rhythmis. Leipzig, 1904. S. 13).

³ Выбор тех или иных стоп базировался на математическом соотношении длительности сильной и слабых долей, а именно симметрии или асимметрии стопы по долготе [1: 6–7].

⁴ Большинство работ по древнегреческой и латинской просодии указывают на то, что существенной разницы между декламацией прозы и стиха в древности не существовало [4: 8–9].

⁵ Анцепс последнего слога клаузулы может замещаться только одним слогом – долгим или кратким, чем существенно отличается от анцепса в метрике [9: 52].

⁶ Выделение метрических стоп в прозе носит условный характер; этот метод, берущий начало еще в античной науке, имеет целью упростить описание клаузул [8: 312].

⁷ Зелинский воспринимал структуру [– ∙ – x] как трохеическую каденцию клаузулы V3 [– ∙ – : – ∙ – x] либо V3 [– – – : – ∙ – x]; действительно, в корпусе Цицерона дитрохею довольно часто (примерно в 2/3 случаев) предшествуют кретик или молосс.

⁸ Подробную классификацию клаузул см.: Zielinski Th. Das Clausegesetz in Ciceros Reden. Grundzüge einer oratorischen Rhythmis. Leipzig, 1904. S. 15–17.

⁹ Впервые эту особенность клаузул отметил А. Приммер [10: 249–256], утверждая, впрочем, что ритмическая симметрия (термин Приммера [10: 249]) не несет смысловой нагрузки, кроме эстетической [10: 252].

¹⁰ По этой причине мы не можем считать такие случаи истинным гомеотелевтом, так как для античных теоретиков риторики эта фигура существовала только внутри периода (*Demetr. eloc. 26–27*) по изд.: Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. 352 с.

¹¹ Данный пример представляет собой типичный случай расщепления долгого.

¹² Данный пример представляет собой типичный случай расщепления долгого.

¹³ Как и многие комментаторы Цицерона, мы понимаем форму *tenuerimus* как *coniunctivus perfecti act.* (см. комментарий А. Борнека: *Cicéron. Discours. Tome X. Catilinaires. Texte établi par Henri Borneque.* Paris, 2011. P. 75). Кроме того, возможна интерпретация этой формы как *futurum exactum*, но в таком случае просодия формы – [∙ ∙ ∙ ∙ x]; этот ритм представляет собой героическую клаузулу [– ∙ ∙ – x] с расщеплением предпоследнего долгого, что недопустимо для классической латинской прозы.

¹⁴ Возможно, истинный гомеотелевт налагает запрет на совпадение клаузул, что может объяснить различие в ритмических структурах *fortissimos viros* и *esse conversos*.

¹⁵ Подробнее см.: Bouterwek R. *Adversaria Latina. Handbuch des lateinischen Stils für die Schüler oberer Gymnasialklassen.* Berlin, 1876. S. 131.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. 352 с.
2. А т о н е ц Е. В. К вопросу о структуре сложного периода в речах Цицерона // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. № 21. С. 7–25.

3. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005. 496 с.
4. Белов А. М. Древнегреческая и латинская просодика. Мора, ударение, ритмика. М., 2015. 460 с.
5. Варнеке Б. В. Старые филологи / Публ. И. В. Тункиной // Вестник древней истории. 2013. № 4. С. 123–155.
6. Вежбicka A. Metatext in the text // Novoe в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421.
7. Дуров В. С. Основы стилистики латинского языка. М.; СПб., 2004. 112 с.
8. Кузнецов А. Е. Латинская метрика. Тула, 2006. 554 с.
9. Devine A. M., Stephens L. D. The prosody of Greek speech. New York: Oxford University Press, 1994. 565 p.
10. Primmer A. Cicero numerosus. Studien zum antiken Prosarhythmus. Wien, 1968. 339 s.
11. Schmid W. Über die klassische Theorie und Praxis des antiken Prosarhythmus. Wiesbaden, 1959. 203 s.

Поступила в редакцию 20.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Anna Yu. Koshevskaya, Lecturer, Moscow State Linguistic University, Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
castrensiана@mail.ru

STYLISTIC FEATURES OF RETIC-TROCHAIC AND DITROCHAIC CLAUSULAE IN CICERO'S SPEECHES AGAINST CATILINE

A b s t r a c t. This article deals with the usage of clausulae (a rhythmic figure adding finality to colons and periods) as a stylistic means in Cicero's prose. The attention is paid to the two most frequent rhythmic structures in the *Catilinarian Orations*, which encompass more than half of all the clausulae in the set of speeches. The article contains a brief description of the new methodology for describing the prose rhythm, developed by the author of the article and described in more detail in other works. The main part of the article presents a detailed study of the cretic-trochaic [- u - x] and ditrochaic [- u - x] clausulae as means of pericope or text segmentation, the specific use of series of the same clausulae, and their possible connection to the stylistic figures from other language levels, such as alliteration or homeoteleuton.

Key words: prose rhythm, clausulae, stylistics, homeoteleuton, Cicero, Catilinarians

For citation: Koshevskaya, A. Yu. Stylistic features of cretic-trochaic and ditrochaic clausulae in Cicero's Speeches against Catiline. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):93–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.671

REFERENCES

1. Ancient rhetorics. (A. A. Takho-Godi, Ed.). Moscow, 1978. 352 p. (In Russ.)
2. Antonets, E. V. On the structure of complex periods in Cicero's speeches. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2017;21:7–25. (In Russ.)
3. Babenko, L. G., Kazarin, Yu. V. Linguistic analysis of literary fiction. Theory and practice. Moscow, 2005. 496 p. (In Russ.)
4. Belov, A. M. Ancient Greek and Latin prosody. Mora, accent, rhythm. Moscow, 2015. 460 p. (In Russ.)
5. Varneke, B. V. Old philologists. (I. V. Tunkina, Ed.). *Journal of Ancient History*. 2013;4:123–155. (In Russ.)
6. Wierzbicka, A. Metatext in the text. *New Developments in Foreign Language Studies*. Issue 8. Linguistics of text. Moscow, 1978. P. 402–421. (In Russ.)
7. Durov, V. S. Basics of Latin stylistics. Moscow, St. Petersburg, 2004. 112 p. (In Russ.)
8. Kuznetsov, A. E. Ars brevis: Latin metrics. Tula, 2006. 554 p. (In Russ.)
9. Devine, A. M., Stephens, L. D. The prosody of Greek speech. New York, 1994. 565 p.
10. Primmer, A. Cicero numerosus. Studien zum antiken Prosarhythmus. Wien, 1968. 339 s.
11. Schmid, W. Über die klassische Theorie und Praxis des antiken Prosarhythmus. Wiesbaden, 1959. 203 s.

Received: 20 April, 2021; accepted: 30 July, 2021

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ИВАНОВА

научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммарием) Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9549-2674; ljuchiki@mail.ru

БЕЛОМОРСКАЯ КАРЕЛИЯ В БИОГРАФИЯХ КАРЕЛЬСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются научная литература и биографии карельских сказителей с точки зрения анализа историко-этнографических данных о жизненном укладе и культурно-экономической ситуации в Беломорской Карелии XIX века. Основным материалом для изучения служат биографические рассказы о более чем пяти сот карельских рунопевцах и знахарях, собранные в течение столетия сорока финляндскими исследователями фольклора. Предметом и материалом исследования являются фольклорно-этнографическая литература XIX века, экономическая ситуация в данной историко-географической провинции, биографии сказителей, бытовой уклад карельской деревни, вопросы древних верований и влияния на них старообрядчества. Исследование проведено с использованием сравнительно-исторического и сопоставительного методов. Научная новизна и актуальность заключаются в неизученности темы на основе биографических рассказов о рунопевцах XIX века. Сведения, содержащиеся в биографических рассказах о карельских знахарях и рунопевцах, полностью подтверждают выводы, сделанные в работах историков и этнографов, добавляя при этом важные детали в описание духовной жизни края. В результате проведенного исследования складывается представление о севернокарельском регионе России, одном из самых отсталых в сельскохозяйственном и экономическом плане, но сохранившем уникальные сокровища рунопевческой фольклорной традиции и народной культуры северных карелов в целом.

Ключевые слова: Беломорская Карелия, карелы, фольклор, руны, сказители, знахари, верования, старообрядцы, биографии

Благодарности. Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Для цитирования: Иванова Л. И. Беломорская Карелия в биографиях карельских сказителей XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 97–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.672

ВВЕДЕНИЕ. БЕЛОМОРСКАЯ КАРЕЛИЯ, ИЛИ VIENAN KARJALA

В XIX веке карелы (как и сама Карелия) были административно разобщены. Северная часть Карелии (Кемский уезд) с середины XIX века входила в состав Архангельской губернии. Центральная и южная части относились к трем Олонецким уездам: Петрозаводскому, Олонецкому и Повенецкому. Были еще тверские и новгородские группы карелов, отделившиеся в XVII веке. В 1905 году в состав Кемского уезда входили: город, посад, монастырь и двадцать две волости. Северные карелы, или собственно карелы, проживали в тринацати: Вокнаволокской, Вычегодской, Кестеньгской, Кондокской, Летнен-

конецкой, Маслозерской, Олангской, Погосской, Подужемской, Тихтозерской, Тунгудской, Ухтинской, Юшкозерской. Эту историко-географическую провинцию в этнографической литературе XIX века стали называть Беломорской Карелией, или Vienan Karjala. С востока она граничила с поморской частью Кемского уезда, которую населяли русские, с юга располагались южнокарельские волости со своим языковым наречием, на западе была Финляндия. Несмотря на достаточно большую разобщенность населения, взаимовлияние данных территорий не могло не ощущаться, это неизбежно накладывало свой отпечаток на жизнь беломорских карелов. Безусловно, в силу близкородственных языковых

особенностей население, быт и культура были больше подвержены влиянию соседней Финляндии, но это не умаляет воздействия русского побережья Белого моря.

КРАТКАЯ ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1848 году в пределах Олонецкой губернии проживало около 42 тысяч карелов, в менее населенном Кемском уезде – не более 13 тысяч [7: 55]. На протяжении XIX века численность карельского населения постоянно росла. Количество карелов, проживавших в Архангельской губернии, с 1863 по 1917 год увеличилось с 16,6 тысяч до 28 тысяч человек. По переписи 1897 года они составляли 54,4 % населения Кемского уезда и 5 % всего населения губернии [4: 16]. В Петрозаводском уезде доля карелов была 22,1 %, в Олонецком – 71,3 %, в Повенецком – 49,7 % [10: 17–18].

На рубеже XIX–XX веков основную часть карельского населения составляли сельские жители, тогда как в городах обеих губерний проживало менее тысячи карелов [4: 16].

Посевы зерновых и репы производились на выжженных лесных участках, к концу XIX века они были потеснены трехпольем. Но если в Петрозаводском уезде в середине века в фактическом пользовании на одно крестьянское хозяйство приходилось около 9 десятин, в Олонецком – менее 7, то в карельских волостях Кемского уезда, где пригодных для землепашства земель имелось особенно мало, крестьяне по существу оставались безземельными. Даже в урожайные годы зерна в Олонецком уезде хватало на 7–8 месяцев, а в Кемском – на 3–4 [7: 56–57]. Во время неурожаев, которые повторялись каждые два-три года, население оказывалось без хлеба и голодало. Так, городской голова г. Кеми сообщал, что в связи с неурожаем 1867–1868 годов опустели целые волости, люди ушли просить милостыню в богатые поморские села и даже другие губернии [7: 58]. Выход из общинного землепользования шел крайне медленно. В Кемском уезде аграрная реформа так и не была осуществлена, и в начале XX века по земельное устройство все еще не было проведено [6: 310]. По уровню обеспеченности хлебом край занимал одно из последних мест в России [6: 260].

Территория, на которой жили карелы, оставалась малонаселенной. Карельские селения, разбросанные по берегам многочисленных рек и озер, были малочисленны и удалены друг от друга на большие расстояния, особенно на севере. Поселения были мелкими: 25 % – 1–5 дво-

ров, 25 % – 6–10. В Олонецкой губернии на каждые сто верст приходилось четыре селения, в Архангельской еще меньше [4: 17], [7: 61]. Если плотность населения в Европейской России составляла 22,2 человека на 1 кв. версту, то на севере Карелии она была менее 0,7 человека [10: 11–13].

Большим тормозом для развития торговли и любых промыслов были дороги, а вернее, их отсутствие. Основными путями сообщения на севере были озера, опасные и порожистые реки и лесные тропы. Еще в начале XX века без колесных дорог оставалось 55 % карельских районов в Олонецкой губернии и 88 % – в Архангельской [1: 72].

У карелов были представлены два типа расселения: гнездовой и разбросанно-хуторской. Первый связан с патронимией (названия поселений, оканчивающиеся на -ла). Хуторской появился позже и связан с развитием как общественно-производственных отношений, так и с природными условиями севера. Именно на севере была больше распространена малодворная деревня и хутор. Форма поселения была скорее беспорядочной, а линейность чаще всего диктовалась ландшафтом, а не продуманным планом [7: 116, 117, 124].

Курные избы преобладали в середине XIX века, а у бедняков сохранились вплоть до 20-х годов XX века. Высокие двухэтажные дома с большими подклетями и салями больше свойственны южной Карелии. У ухтинских и кестеньгских карелов большее распространение получила застройка на низком подклете с открытым двором и отдельно стоящими хозяйственными постройками [7: 120]. Особенностью северокарельских домов было наличие козно или каржины в форме высокого шкафчика, а также особого камелька в печи – пиизи.

Появление лесопильных заводов, развитие кустарных промыслов увеличили расслоение общества. Уже в 60-х годах XIX века во многих карельских волостях Кемского уезда на каждые 60–100 крестьянских дворов приходилось одно достаточно зажиточное хозяйство. Так, в Юшкозерской волости, типичной для северной Карелии, в 1869 году только 12 хозяйств смогли купить семена, а остальные с населением 846 душ не имели средств не только на семена, но и на продовольствие до нового урожая [7: 59].

В приграничных районах развивалась разносная торговля (коробейничество). Этим промыслом занимались тысячи крестьян карельских волостей Кемского и отчасти Повенецкого уездов, в том числе и сказители. Например, ухтинские

купцы Митрофанов и Васильев снабжали ежегодными ссудами и товарами до 200 крестьян-коробейников каждый [7: 60]. В начале XX века около 2,5 тысячи коробейников уходили в Финляндию¹. Их общая выручка год от года росла: от 120 тысяч рублей в 1904 году до более 260 тысяч рублей в 1914-м. Поэтому разносная торговля стала лидировать среди других промыслов и по доходности, и по количеству участвующих в этом крестьян [1: 90–91]. Самые удачливые выходцы из северных сел становились владельцами магазинов в Поморье, Петербурге и Финляндии².

Коробейничество было мужским занятием. Но жизнь порой вынуждала заниматься этим женщин и подростков. Так, Анни Лехтонен, талантливая сказительница из рода рунопевцев Малиненых, в течение ряда зим в начале XX века отправлялась на заработки из Войницы в Финляндию [12: 7].

Для лесопильных заводов карельского Поморья заготовка леса и его сплав к лесопильным заводам также проводились преимущественно крестьянами карельских волостей Кемского и Повенецкого уездов. Заработка на лесных промыслах помогали поправить скучный семейный бюджет. В 1899 году в Кемском уезде эти доходы составили 50 % от всего промыслового дохода [6: 269]. Кое-кто из беломорских карелов ежегодно уходил на сезонные работы по обслуживанию судоходства на Белом море [7: 61]. Уход на промыслы в какой-то мере способствовал и обмену руническими сюжетами и другими фольклорными жанрами.

Первые школы в деревнях Беломорской Карелии появились в 1840–1850-х годах [4: 16–17]. В 1905 году в Олонецкой губернии было 140 школ, а в Кемском уезде – 21 [4: 128–129]. Улучшило положение с образованием среди беломорских карелов листадианство, достигшее расцвета в 1890-е годы, а также появившиеся в 1906 году краткосрочные формы обучения, очень популярные в Финляндии [1: 78–79, 86], [4: 123]³. В биографиях сказителей по уровню грамотности на рубеже XIX–XX веков особенно выделяются жители Каменозера.

В конце XIX века начался быстрый распад больших семей, существовавших на протяжении столетий. Исследователи это связывают, с одной стороны, с активизацией миграционных процессов и ростом социальной мобильности, с другой – внутрисемейными конфликтами (желание молодых пар вести свое хозяйство, углубляющиеся противоречия между невесткой и свекровью и т. п.) [4: 34]. Между тем именно па-

триархальность жизненного уклада, и в первую очередь семейного, была одним из залогов сохранения богатой фольклорной, в том числе рунической, традиции карелов. В XIX веке модернизируется и модель брачного поведения. Относительно поздние браки всегда были присущи полуземельским и промысловым районам Российского Севера, на северную Карелию большое влияние и в этом плане оказывала Финляндия. В результате, как пишет О. П. Илюха, данные по севернокарельским Ребольскому и Панозерским приходам свидетельствуют, что «в этом регионе уже к середине XIX в. ранние браки стали исключительно редким явлением, а две трети мужчин и почти половина женщин вступали в брак в возрасте 30 лет и более» [4: 34].

РОССИЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Если говорить о литературе, содержащей фольклорно-этнографические сведения о северных карелах XIX века, следует отметить, что первые российские путешественники и исследователи до Беломорской Карелии практически не доехали, ограничившись достаточно подробным изучением Олонецкой губернии. Причин этому было много, в качестве главных можно обозначить удаленность от российского научного центра, полное бездорожье и языковой барьер (русские исследователи не знали карельского языка, а карелы не говорили по-русски).

Одним из первых исследователей, дравшихся летом 1785 года до Кеми, был олонецкий губернатор Г. Р. Державин. В своей «Поденной записке» он подробно описал Даниловский монастырь, оказавший достаточно большое влияние на жизнь, быт и культуру северных карелов. Державин уделил внимание постройкам, одежде, пище, средствам передвижения, занятиям оленеводством и разносной торговлей, а также очень кратко охарактеризовал похоронный и подробнее свадебный обряд «лоплян». Он первый из русских путешественников упоминает о канте, указывая, что «лопляне забавляются игрой на гусях пятиструнных, сделанных из сосны... Можно сказать, что сосна их греет, сосна питает, сосна и веселит» (цит. по: [9: 94]).

Следующие четыре российских имени, которые стоит упомянуть в связи с фольклорно-этнографическими исследованиями беломорских карелов в XIX веке, это П. П. Чубинский, А. Я. Ефименко, Н. Камкин и И. В. Оленев. Все они писали о бедности края. Высоко оценивали нравственные качества карелов, которые проявляются во всех сферах жизни: практически полное

отсутствие пьянства, краж, драк; честность, обязательность, трудолюбие, молчаливость. Описывали их быт, постройки, пищу, одежду, верования и обязательно карельскую свадьбу.

П. П. Чубинский после окончания университета был сослан в Архангельскую губернию, где работал следователем и редактором местной газеты. Одним из результатов его сотрудничества с Русским географическим обществом и многочисленных поездок по северным губерниям стал «Статистико-экономический очерк Корелы», опубликованный в 1866 году. Особенностью работы является то, что свой опыт юриста и статистика он применил в методике сопирания материала: личные наблюдения у него подкреплены цифрами:

«По сословиям народонаселение распределяется так: государственных крестьян 8035 м. и 8538 ж., отставных нижних чинов 6 человек, солдатских жен, дочерей и вдов 34, сыновей 9 ч. и духовенства 32 муж. и 49 жен»⁴.

Он подсчитал, что общее количество карельских деревень в тот период было равно 170; в 101 деревне насчитывалось от 1 до 10 дворов, в 61 – от 11 до 50, и лишь в 8 поселениях – от 51 до 150⁵. Он очень интересно пишет об избах, одежде, пище, внешнем облике карелов, рассказывает о юридических обычаях, свадьбе, об обрядах и поверьях.

«Корелу нельзя не признать бедною... В Кореле нищенствуют в летнее время до 800 человек, а зимою до 1500 человек, которые расходятся для испрашивания милостины в Кемь, в поморские селения, в ближайшие места Олонецкой губернии и Финляндии»⁶.

Он указывает на очень низкий уровень грамотности среди карелов Кемского уезда: на 1000 жителей приходится только 13 человек, умеющих читать и писать⁷.

А. Я. Ефименко родилась в 1848 году в Варзуге Архангельской губернии и стала первой в России женщиной почетным доктором русской истории, профессором Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. В 1877 году вышла в свет ее книга «Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии». При описании свадебного обряда отмечается, что случаи заключения брака против воли жениха и невесты очень редки. Подчеркивается зависимость полноты свадебного обряда от материальных возможностей семьи (полный обряд проводят только относительно зажиточные семьи) и пренебрежение церковным венчанием (молодые могут приехать в церковь спустя долгое время и, например, на лыжах); и в то же время отмечается зависимое положение женщины в браке. А. Я. Ефименко пишет и о снижении «общин-

ного начала» в жизни северных карелов (осталось только совместное использование лесных выгонов для скота и пожен для сенокосов и, возможно, обычай общественной помощи при постройке дома). Ее ужасает бедственное состояние карельской деревни⁸.

В 1880 году был опубликован этнографический очерк Н. Камкина «Архангельские карелы»⁹. В нем он впервые среди российских ученых особенно большое внимание уделил описанию традиционных обычаях и верований беломорских карелов.

И. В. Оленев работал в Беломорской Карелии учителем в конце XIX века. Его книга «Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги» снабжена большим количеством фотографий и рисунков автора. Первая глава называется символично – «По дороге в культурную глушь»¹⁰. Это образное название очень емко и точно отражает суть культурно-бытового уклада Беломорской Карелии XIX века.

К сожалению, практически никто из российских исследователей XIX века не описал самих карельских сказителей и их репертуара. Объясняется это в первую очередь незнанием языка, без чего очень сложно оценить фольклорное богатство народа.

ВКЛАД ФИНСКИХ УЧЕНЫХ XIX ВЕКА В СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛОМОРСКИХ КАРЕЛОВ

Упоминания о богатой песенной традиции финнов известны с первой половины XVI века: духовенство порицает «бесовские» песни и пытается их искоренить. Первыми исследованиями финской эпической и мифологической традиции можно считать работы конца XVIII века, принадлежащие перу Х. Г. Портана и К. Ганандера. Но к XIX веку руническая традиция в Финляндии уже практически забылась.

В результате войны 1808–1809 годов Финляндия перестала быть шведской провинцией и на правах автономии была присоединена к России. Это позволило С. Топелиусу, окружному врачу из Нюкарлебю, в 1820–1821 годах записать у себя дома коробейников из Вокнаволокской волости и издать «Старинные руны финского народа, а также современные песни». То, что за пределами Финляндии в русской, или Беломорской, Карелии еще жива рунопевческая традиция, было величайшим открытием С. Топелиуса и послужило толчком к экспедициям Э. Лённрота. В 1832 году он впервые побывал в нескольких приграничных деревнях, а в Аконлахти «нашел

превосходного рунопевца Соаву Трохкимайнена (Савву Никутьева), руны которого, по утверждению исследователя В. Каукконена, явились безусловной предпосылкой для создания «Калевалы»¹¹. В 1833 году он записал в Войнице Онтрея Малинена и Воассилу Киелевийнена, которые рассказали ему все основные сюжеты и помогли расположить подвиги Вяйнямейнена в определенной последовательности. В следующем году он встретился в Латвиярви с известным рунопевцем Архиппой Перттуненом и записал более 4000 стихов: около 20 эпических сюжетов, 13 крупных заклинаний и несколько свадебных песен. В результате в 1835 году Лённрот подготовил первое издание «Калевалы».

В течение всего XIX и вплоть до первых десятилетий XX века в Беломорскую Карелию ездили финские ученые и собиратели, уделяя основное внимание сбору рунической поэзии. Они открыли север Карелии как сокровищницу поэзии калевальской метрики, родину рунопения и оставили после себя богатейший текстовой материал поэзии калевальской метрики, включающей как эпические, так и заговорные, свадебные и колыбельные руны. Их работы, написанные на основе путевых заметок и дневников, занимают особое место в исследовании быта и культуры беломорских карелов. В них большое место уделяется описанию биографии, внешнего вида и ментальности карельского сказителя. В 1910 году вышла в свет «Karjalan kirja» (букв. «Карельская книга») И. Хяркенена, в 1932 году она была доработана и переиздана¹². Одна за другой издаются многочисленные работы С. Паулахарью, в том числе в 1924 году «Syntymä, lapsi ja kuolema» (букв. «Рождение, детство и смерть»), описывающая обычай и верования северных карелов [12]. Традициям и сказителям первой половины XX века и их предкам посвящена книга П. Виртаранта «Vienan kansa muistee» (букв. «Народ Беломорья вспоминает») [14]. Книга И. К. Инха «Kalevalan laulumailta» (букв. «На песенной земле Калевалы»), богато иллюстрированная фотографиями самого автора, в 2019 году была издана и на русском языке¹³.

В 1985 году Р. П. Ремшуева и В. И. Кийранен перевели на русский язык путевые заметки, дневники и письма Э. Лённрота, сделанные им во время его путешествий по Карелии в 1828–1842 годах¹⁴. У. С. Конкка писала в предисловии, что «калевальский стих объединяет разные жанры: эпические и лирические песни, свадебные, трудовые и колыбельные песни, заговоры и заклинания, отчасти пословицы и загадки»¹⁵. При этом она подчеркивала, что древ-

ние руны карелов и финнов «обнаруживают родство и по содержанию, они повествуют про одних и тех же эпических героев»¹⁶ [8: 10–14].

В 1921 году в г. Хельсинки вышла работа А. Р. Ниemi «Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät» (букв. «Рунопевцы и знахари Беломорской Карелии»), которая по сути является биографическим справочником-энциклопедией и содержит сведения почти о пятистах севернокарельских рунопевцах и колдунах-знахарях и в целом о быте и культуре Беломорской Карелии (Niemi: 1075–1183). В ней обобщен биографический материал, записанный в течение столетия примерно сорока финскими собирателями, начиная с С. Топелиуса, М. Шёгрена, Э. Лённрота, М. Кастрена, Д. Европеуса, А. Борениуса и заканчивая И. К. Инха, К. Карьялайненом, С. Паулахарью.

КАРЕЛЬСКОЕ БЕЛОМОРЬЕ В БИОГРАФИЯХ РУНОПЕВЦЕВ

Посмотрим на Беломорскую Карелию XIX века сквозь калейдоскоп этих лиц, известных и неизвестных, остановимся только на нескольких аспектах. По объему биографии разные: от нескольких строк до пары страниц. Чаще встречаются мужские имена. В основном указывается имя и фамилия или патроним. Женщины часто представлены, как и было в быту, просто как жены или дочери, например, Semanan akka жена Семёна или Marttinan emäntä Okku хозяйка Марттина Окку. Иногда называется и прозвище исполнителя (Mäštä, Vičča-Prokko, Netko, Kylän patsas). Порой исполнители оставались безымянными, чаще те, от кого записано мало рун: некая старуха, некая хозяйка, некая 22-летняя девушка, некий молодой хозяин, некий мужчина (Niemi: 1083).

Основными занятиями сказителей было земледелие, охота и рыболовство. Некоторые мужчины были рубщиками пожог, сапожниками, портными, плотниками, ловцами жемчуга. Кто-то практически «профессионально» занимался коробейничеством, знахарством и колдовством.

Есть упоминания о повседневном рабочем костюме карельского крестьянина: это «рубашка, пиджак и брюки из одинарного домотканого холста, берестянные лапти на ногах; таков же и праздничный костюм с той лишь разницей, что он выкрашен, а на ногах кожаные сапоги» (Niemi: 1125). Богаче выглядели более-менее за jakiочные люди, особенно те, кто преуспел в каких-либо промыслах. Подчеркивается, что традиционно на похороны ходили в белых одеждах, а свадебный наряд был темным.

Избы, согласно записям собирателей, в подавляющем большинстве были курные, но очень чистые, только во второй половине века начали появляться богатые дома с белой печью.

Портретные характеристики встречаются нечасто, и они достаточно скучны: он был сильный и красивый мужчина; старая и дряхлая; ростом Тимофей был высокий, лысый, длинноносый, с бородой; высокий чернобородый старик; красивый мужчина средних лет; крупный мужчина с большой рыжей бородой. Отмечается веселый нрав, добродушие, сила и трудолюбие, остроумие и богатая речь с большим количеством поговорок, умение петь и рассказывать [3: 235–245].

Практически во всех биографиях подчеркивается бедность карельской деревни. И. Марттиnen писал в своих путевых очерках:

«Жизнь карела – это суровая, почти непосильная борьба за существование. Но при этом карел не считает нищету несчастьем. Падет счастье добыть муки на лето, удается рыбная ловля и окуней можно посолить, засеянный клочок обещает урожай, и карел считает себя счастливым» (Niemi: 1078).

У Мийхкали Перттунена было семеро своих детей и еще дети умерших братьев, они

«годами не видели настоящего хлеба, ели, когда что было, а когда и так сидели. Веря в Бога, он не распустил большую семью по миру, а усердно пахал имевшийся клочок земли, осенью и весной ловил рыбу на озере Лапукка, находясь на рыбной ловле несколькими неделями подряд. Зимой уходил в Финляндию, где занимался шитьем шуб и обработкой овечьих шкур. Его требования в жизни были минимальные» (Niemi: 1078).

И при этом он был «хороший характером, живой и веселый, но малоразговорчивый» (Niemi: 1079).

В целом отношение к старикам (а именно они были основными знатоками рун) в семьях было сложное [4: 39]. Безусловно, в голодные годы каждый человек, особенно уже неспособный трудиться, был в тягость. Уже ушли в прошлое времена, когда согласно легендам и преданиям немощных стариков увозили умирать в лес¹⁷. Но, как свидетельствуют биографии рунопевцев, многие одинокие старики или те, чьи дети не могли их прокормить, годами жили на подаяние [13: 414].

В неурожайные годы ходили просить милостыню не только старики, но и женщины с детьми. Чаще всего шли в Финляндию или в богатые поморские села, иногда доходили и до Шуньги. При этом некоторые старались не просто просить, а что-то делать: петь, шить, работать в поле. Так, Анна Хуовинен из Хиетозера, после того,

как у нее умер муж и сгорел дом, а год оказался неурожайным, пошла с детьми к поморам, где знахарничала (Niemi: 1093). И. Марттиnen по дороге в Суомуссалми

«встретил ладвазерскую знахарку примерно 45-летнюю Ахонен Анну Ивановну, которая здесь с какой-то другой женщиной ходила по миру, прося милостыню. Она оказалась настоящей представительницей старого поколения, полностью верила в силу колдовства и магии» (Niemi: 1076).

Несмотря на бедность, многие рунопевцы, согласно биографическим записям, жили довольно долго, до восьмидесяти – ста лет; часто упоминается, что многие в конце жизни теряют зрение, а иногда и слух. Василий Рачков, родившийся в 1819 году в Лайтасалми, семидесятилетним стариком объяснял свою слепоту тем, что «можно ослепнуть, если во время восхода солнца умываешься на озере, глядя на солнышко» (Niemi: 1061–1062). Мийхкали Перттунен (как и его жена Пелагея) ослеп в 1865 году и прожил еще 35 лет, последние годы в доме сына. Карьялайнен так писал в 1894 году:

«Видно, старик доволен своей жизнью. У него в избе свое место, у последнего окна около дверей, тут у него была табуретка и корзина, которая заменяла стол и посудный шкаф, тут же у окна висела икона. Тут на печке слепой, дряхлый инвалид проводил дни своей старости, распевая песни. Находясь в избе, он сидел на печке и зубами размельчал картофельную ботву, чтобы скорее высохла» (Niemi: 1079).

Как ни странно, собиратели очень мало пишут о наличии кантеле в избах у рунопевцев. Упоминается пятиструнный инструмент у Онтрея Малинена из Войницы: он сам его изготовил в 1833 году, а в 1877-м на нем мастерски играли для А. Борениуса как он сам, так и его сыновья (Niemi: 1131).

ВОПРОС О ВЕРЕ

Особо следует подчеркнуть, что в древности для носителей традиции текст многих карельских рун сам по себе был сакрален. Заклинательные руны использовались колдунами и знахарями в различных обрядах и ритуалах: родильных, свадебных, похоронно-поминальных, лечебных и многих других. Эпические песни отражали древние верования карелов, их миропонимание и мировосприятие. Они являлись воплощением народной ментальности и идентичности, это была многовековая культурная память народа и свод его жизненных правил [2: 246–255].

Изначально для карела (и вплоть до середины XIX века) все события, о которых повествуются в рунических сюжетах, были настолько же

реальны, насколько сегодня христиане верят в реальность фактов, описанных в Ветхом и Новом Заветах. Однажды пастор Якоб Феллман, один из первых собирателей севернокарельских рун, спросил в Вокнаволоке пожилого мужчину, что он знает о сотворении мира. Тот, не сомневаясь, ответил:

«Так, святой брат, у нас такая же вера, как и у вас. Прилетел орел с севера, положил яйцо на колено Вяйнямйнена и сотворил из него земной мир. В это же и вы верите» (Niemi: 1127).

Между тем среди севернокарельских сказителей достаточно часто встречались старообрядцы, чаще всего именно среди них буквально единицы были грамотными. Интересен образ Ефима Федорова, родившегося в 1805 году в Ухте. Это был очень умный мужчина с прекрасной памятью. Писали, что одну из рун он исполнил абсолютно одинаково как двадцатилетним парнем, так и через полвека семидесятилетним стариком. В 1871 году он очень сожалел, что «в молодости в этих краях больше пели, теперь пение рун почти забыто». Борениусу он рассказывал, что их род происходит из новгородцев поповского звания, а по другим сведениям – из Холмогор, откуда предки бежали во время раскола и поселились на границе с Финляндией в Тухкале. В молодости Ефим занимался торговлей (закупал товары в Москве, Петербурге), затем был писарем и волостным старшиной, за что его называли господином.

«В этой должности он пользовался полным доверием у населения. Незначительные спорные вопросы среди граждан Ефим улаживал собственной березовой палкой» (Niemi: 1090–1091).

Собиратели вспоминают, что в избах старообрядцев особенно строго соблюдался пост. Например, остановившись на постой у старика Савина, они вынуждены были ходить обедать к его соседям (Niemi: 1142).

В биографиях встречается и указание на то, что многие старики считали исполнение рун бесполезным и даже греховным занятием. Это происходило потому, что эпические песни были воплощением древних верований, полностью запретных и чуждых для старообрядческой веры. К примеру, о встрече в 1872 году с 70-летним рунопевцем из Шомбозера А. Борениус вспоминал так:

«Хваленый певец Архипов Иван в этот момент молился в углу, считая поклоны, когда я пришел к нему, он сказал, что ему никогда заниматься такими пустяками, как пение рун» (Niemi: 1077).

В 1888 году И. К. Инха в Куюле пришел к 68-летнему С. Мартынову. Степан сначала от-

казывался исполнить руны, «боясь, что пение – это грех», но потом все-таки поддался на уговоры, воодушевился и спел песни на несколько сюжетов.

«Под конец стариk устал и не согласился исполнить все то, что знал. Была уже поздняя ночь, когда мы закончили с ним работу. Он добродушно предложил мне бедный ужин и постель на полу, и я уснул в чистой избе Степана под черными от сажи потолками... Стариk уже после того, как я лег спать, долго стоял перед иконами, крестился и тихим голосом молил прощения у Бога за то, что поддался воспоминаниям молодых грешных времен и под старость забыл свою клятву Богу» (Niemi: 1138).

В судебных архивах Финляндии сохранилось много дел, свидетельствующих о том, что за исполнение не только заклинаний, но и эпических рун привлекали к суду как за колдовство¹⁸. Еще Э. Лённрот отмечал, что финны и многие карелы, проживавшие на приграничной территории, и в XIX веке отказывались петь руны, боясь наказания¹⁹. Но были и такие представители, как Архип Филиппов из Ухты, который «десять лет служил церковным старостой и вел старательно церковные дела», и в то же время это был «общительный, веселый мужчина, любил петь старые руны, рассказывал сказки и загадывал загадки» (Niemi: 1085). Возможно, это происходило потому, что сами древние руны уже полностью потеряли для Архипа свою сакральность и магичность.

Крещение карелов, согласно новгородским летописям, произошло в 1227 году. Но дальнейший процесс был очень тяжелым, особенно на севере. Карельские селения были малолюдны, разбросаны на большие расстояния, священников было мало, они не знали языка. В результате карелы в какой-то мере усвоили только внешнюю, обрядовую, сторону православной веры, даже адаптируя ее к своим нуждам, традициям и обычаям [11: 115]. Народное православие являлось синтезом христианских и дохристианских представлений с преобладанием вторых; мифология проникала во все сферы жизни карелов.

ЭПИЧЕСКИЕ И ЗАГОВОРНЫЕ РУНЫ

Произведения калевальской метрики (эпические, свадебные, колыбельные, заговорные руны) часто находили применение во время различных обрядов и ритуалов (свадебных, лечебных и т. п.) и даже в повседневной жизни. Вера в духов-хозяев различных стихий, поклонение им, магия, колдовство и знахарство пронизывали всю жизнь карела.

Наиболее крупные носители фольклорной традиции были уважаемыми людьми в деревенском сообществе и часто аккумулировали

в себе две составляющие: они знали эпические песни и в то же время часто выступали в качестве практиков, применяли заговорные руны в обрядах. Мужчины были колдунами-знахарями или свадебными сватами-патьвашками. Женщины наряду со знанием поэзии калевальской метрики были плакальщицами на свадьбах и на похоронах, а также помогали в роли повитух роженицам.

Во многих биографиях, особенно мужских, очень часто суть сказителя XIX века характеризуется очень кратко: «он был хороший знахар рун, колдун (знахарь) и сват» (Niemi: 1076, 1084). Об известном знахаре Моисее Спирине из Ладвозера говорили, что «он сам сотворен из рун и колдовства» (Niemi: 1157–1158). Пахом Оменайнен из Аконлахти «был большой мастер слова, вековечный колдун и лучший патьвашка. Его свадебные колдовские обереги были непреодолимы для всех» (Niemi: 1159–1160).

Можно предположить, что свадебный колдун не только охранял молодых от порчи во время свадебного обряда, но как бы «устраивал», предопределял их будущую жизнь в браке. Так, к семидесяти годам Миина Хуовинен из Хиетозера, примерно 1833 года рождения, известный колдун и сват, поженил пятьдесят две пары, которые, как указывает собиратель, живут до сих пор и уверены, что их жизнь будет протекать именно по тому руслу, которое предсказал им патьвашка. Сам Миина начал заниматься колдовством с восемнадцати лет по настоюнию матери. Считалось, что это уже было предопределено заранее, так как он родился с зубами во рту и с волосами на голове, «а это признаки умного человека, знахаря» (Niemi: 1094–1095).

О Марфе Хяннинен из Минозера собиратели писали: она «прекрасная исполнительница рун и знахарка-колдунья», но «все же колдовских знаний своих она не показывала, боясь, что они потеряют свою силу» (Niemi: 1099).

С Паулахарью, рассказывая об известной сказительнице Анне Лехтонен из Войницы, примерно 1868 года рождения, замечает, что, по ее мнению, «в старые времена каждый второй мужчина был знахарем» (Niemi: 1118). Например, Кипри Семенов из Чены, как пишет И. Марттинен, был

«величайшим знахарем, известнейшим сватом и колдуном, настоящим силачом, представителем поколения старых великанов... Коли он не мог вылечить, так больше никому не стоило пытаться. О нем ходили такие слухи, что он при помощи заклинаний может поднять и вести разговоры с духами калмы (могилы) и леса (чертями) и даже может показать их другим» (Niemi: 1169).

Часто подчеркивается, что как больному нельзя было никому рассказывать о процессе лечения, так и знахарю запрещалось требовать большую плату. Они довольствовались тем, что давали, «а то заклинание потеряет силу и больше никогда нельзя будет его использовать» (Niemi: 1147). Чаще всего расплачивались продуктами питания или одеждой. Но про некоторых колдунов, например про Аксентия Лесонена, говорится, что он «имел приличный доход от колдовства» (Niemi: 1122). Это касалось тех, для кого колдовство и знахарство было постоянным занятием.

Устойчивость знахарских практик объясняется не только патриархальностью карелов, но и тем, что положение с медициной в Беломорской Карелии было катастрофическим. На весь край с населением в 25 тысяч человек в 1909 году было всего три фельдшера, две акушерки и один врач [1: 105]. Но постепенно традиции забывались, и старики очень сожалели об этом. В Аконлахти жена Рийё говорила, что все меньше верят в колдовство (Niemi: 1144). Анна Лехтонен, 1868 года рождения, одна из лучших сказительниц из Войницы, многое перенявшая от своих предков, вспоминала детство: «Дед лежал на печке и рассказывал сказки, руны... Он научил бы и нас, но мы не слушали, все время смеялись» (Niemi: 1117–1118). Об этом же писали собиратели, например, А. Борениус в 1872 году:

«...рунопение и старинные обычаи предков среди ухтинских мужиков, уже побывавших кое-где, не представляют для них такой ценности, как в деревнях рядом с финской границей, но все-таки и здесь их знают еще достаточно хорошо» (Niemi: 1085).

И все-таки XIX век был временем расцвета рунопевческой традиции беломорских карелов. Эпические песни знали даже дети. Так, десятилетний мальчик Иван Семенов из Кентъярви в 1872 году для А. Борениуса «мастерски и смело исполнил руны», выученные от костомукшанина (Niemi: 1169). Двенадцатилетняя Мария Иванова, дочь Тимофея, поразила И. К. Инха своим исполнительским мастерством до такой степени, что он назвал ее «старинным кладом». Она пропела 236 строк, которые десять лет назад услышала от детей, просивших милостыню (Niemi: 1169). И. Марттинен в 1911 году в Кивиярви многое записал от двух 15–16-летних девочек.

«Обе девочки способные и находчивые. Они, шутя, говорили: «Если дашь пять копеек, чтобы мы смогли купить куклу, то можешь хоть всю ночь записывать от нас верования со знахарством»» (Niemi: 1102).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сведения, содержащиеся в биографических рассказах о карельских знахарях и рунопевцах, полностью подтверждают выводы, сделанные в работах историков и этнографов, добавляя при этом важные детали в описание духовной жизни. Беломорская Карелия XIX века – это отдаленная и труднодоступная провинция Российской империи, практически без дорог, без медицинского обслуживания, с малоразвитым сельским хозяйством. Трудолюбивое карельское население вело тяжелую борьбу с погодными условиями, неплодородными землями, занималось рыболовством, охотой и коробейничеством. В неурожайные годы часть населения была вынуж-

дена просить милостыню в более обеспеченных соседних регионах – Финляндии и русском Поморье. Между тем именно Беломорская Карелия стала в XIX веке местом активного бытования всех жанров карельского фольклора, в первую очередь рунического. Компактное проживание и патриархальность жизненного уклада северных карелов, малое влияние на повседневную жизнь официальной российской церкви позволили им надолго сохранить свое фольклорное богатство. В то же время изменение материально-бытовых условий, жизненных устоев, влияние многочисленного в этом районе старообрядчества постепенно вели к неизбежной трансформации жанров и сюжетов традиционного фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 11.
- ² Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс: Финское литературное общество, 1917. С. 98.
- ³ Архангельская Карелия. Архангельск: Архангельский губернский статистический комитет, 1908. С. 78–79, 86.
- ⁴ Чубинский П. Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. Архангельск, 1866. Кн. 2. С. 71.
- ⁵ Там же. С. 69.
- ⁶ Там же. С. 89.
- ⁷ Там же. С. 95.
- ⁸ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1878. Т. 8. С. 1–232.
- ⁹ Камкин Н. Архангельские карелы: Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. 1880. № 2. С. 291–309; № 4. С. 658–673.
- ¹⁰ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. С. 5.
- ¹¹ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 9.
- ¹² Karjalan kirja. Toim. Iivo Häkkinen. Porvoo: WSOY, 1932. 1088 s.
- ¹³ Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921. S. 8. Далее будет цитироваться в круглых скобках с указанием фамилии и через двоеточие страницы.
- ¹⁴ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма.
- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Никольский В. О легендах Олонецких карел // Олонецкая неделя. 1916. № 18. С. 13.
- ¹⁸ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма. С. 307.
- ¹⁹ Там же. С. 34.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витуховская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки: СПб.: Норма, 2006. 381 с.
2. Иванова Л. И. Описание верований и магических практик в биографиях севернокарельских сказителей XIX века // Человек и событие в исторической памяти: Сб. статей. Сыктывкар, 2017. С. 246–255.
3. Иванова Л. И. Портрет севернокарельского сказителя XIX в. в записях финских собирателей // Кижский вестник. Вып. 17. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2017. С. 235–245.
4. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
5. Инха И. К. В краю калевальских песен. Петрозаводск: Периодика, 2019. 462 с.
6. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
7. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 228 с.
8. Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск, 2020. 232 с.
9. Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII–XIX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969. 264 с.

10. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
11. Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М.: Круглый год, 1999. 208 с.
12. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1995. 248 с.
13. Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos. 1600–1900. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2001. 661 с.
14. Virtaranta P. Vienan kansa muisteleet. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 с.

Поступила в редакцию 10.06.2021; принята к публикации 31.08.2021

Original article

Lyudmila I. Ivanova, Research Associate, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9549-2674; *ljuchiki@mail.ru*

THE WHITE SEA KARELIA THROUGH THE BIOGRAPHIES OF THE NINETEENTH-CENTURY KARELIAN TALE-TELLERS

Abstract. The article explores scholarly literature and the biographies of Karelian tale-tellers through the analysis of historical and ethnographic data on the lifestyles and cultural and economic situation in the nineteenth-century White Sea (Vienan) Karelia. The primary source of the research material were biographical stories of more than five hundred Karelian runosingers and witch doctors collected over a century-long period by forty Finnish folklore researchers. The research subject and material encompass nineteenth-century folklore and ethnographic literature, the economic situation in the said historical geographic province, the tale-tellers' biographies, the daily routines and lifestyles of rural Karelia, and some ancient beliefs as well as the Old Believers' effects on them. The authors used the comparative historical method and the contrastive method. The research novelty and relevance arise from the fact that the topic has not been studied through the biographical stories of the nineteenth-century runosingers. The information contained in the biographical stories of Karelian witch doctors and runosingers fully confirms the conclusions previously made by historians and ethnographers, but adds important details to the description of the spiritual life in the region. The study results in forming the image of Russia's North Karelian region – one of the most agriculturally and economically backward territories, which, however, preserved the unique heritage of the runosinging folklore tradition and the folk culture of northern Karelians in general.

Keywords: White Sea Karelia, Karelians, folklore, runosongs, tale-tellers, witch doctors, beliefs, Old Believers, biographies

Acknowledgments. The study was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Ivanova, L. I. The White Sea Karelia through the biographies of the nineteenth-century Karelian tale-tellers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):97–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.672

REFERENCES

1. Vitukhovskaya, M. A. Russian Karelia and the Karelians in the imperial politics of Russia, 1905–1917. Helsinki, St. Petersburg, 2006. 381 p. (In Russ.)
2. Ivanova, L. I. Description of beliefs and magical practices in the biographies of North Karelian storytellers of the XIX century. *An individual and an event in historical memory: Collection of articles*. Syktyvkar, 2017. P. 246–255. (In Russ.)
3. Ivanova, L. I. Portrait of a North Karelian storyteller of the XIX century in the records of Finnish collectors. *Kizhi Bulletin*. Issue 17. Petrozavodsk, 2017. P. 235–245. (In Russ.)
4. Ilyukha, O. P. School and childhood in a Karelian village in the late XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Inkha, I. K. In the land of Kalevala songs. Petrozavodsk, 2019. 462 p. (In Russ.)
6. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 943 p. (In Russ.)
7. Karelians of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk, 1983. 228 p. (In Russ.)
8. Kundozerova, M. V. The concept of the universe in Karelian runes. Petrozavodsk, 2020. 232 p. (In Russ.)
9. Pimenov, V. V., Epstein, E. M. Karelia through the eyes of travelers and researchers of the XVIII and the XIX centuries. Petrozavodsk, 1969. 264 p. (In Russ.)
10. Pokrovskaya, I. P. Population of Karelia. Petrozavodsk, 1978. 192 p. (In Russ.)
11. Pulk'kin, M. V., Zakhарова, О. А., Zhukov, A. Yu. Orthodox Christianity in Karelia (between the XV and the first third of the XX centuries). Moscow, 1999. 208 p. (In Russ.)
12. Paulaharju, S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki, 1995. 248 с.
13. Pöllä, M. Vienankarjalainen perhelaitos. 1600–1900. Helsinki, 2001. 661 с.
14. Virtaranta, P. Vienan kansa muisteleet. Porvoo, Helsinki, 1958. 804 с.

Received: 10 June, 2021; accepted: 31 August, 2021

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА МИРОНОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6310-5561; tutkija@mail.ru

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ КАРЕЛЬСКИХ РУН

А н н о т а ц и я . Представлен обзор первых сборников карельских рун, подготовленных сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (бывшего Карельского научно-исследовательского института) в период с 1930 по 1940 год. Планомерное исследование карельских поселений, запись фольклорного материала и его публикация были одними из первостепенных задач ученых-фольклористов Института. Подготовка первых книг была сопряжена с целым рядом проблем: отбор материала, его систематизация, написание вступительной статьи и составление научного аппарата. Кроме того, перед исследователями стоял вопрос языкового предпочтения для публикации текстов и зачастую даже использования русской или латинской графики письма. Материалом для статьи послужили архивные источники: протоколы заседаний фольклорной секции, научные планы сотрудников, отзывы на рукописи, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН, а также вышедшие сборники. С помощью анализа документов и структурно-типологического метода дается характеристика фольклорных публикаций в историческом контексте. Актуальность статьи определяется особым вниманием к рунической традиции в связи с проведением в 2021 году в Республике Карелия Года карельских рун. Исследование может заинтересовать не только фольклористов и литературоведов, но также лингвистов и историков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карелы, карельский фольклор, карельские руны, Научный архив КарНЦ РАН, Год карельских рун

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Миронова В. П. К истории публикации карельских рун // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.673

ВВЕДЕНИЕ

Карельские руны по праву можно считать одними из самых архаичных и наиболее распространенных жанров карельского фольклора. Время их формирования относится к I тысячелетию н. э., то есть к началу распада первобытнообщинного строя [5: 438–441]. Карельские руны объединяют в себе эпические песни на мифологические, исторические и семейно-бытовые сюжеты, заговоры и заклинания, свадебные и колыбельные песни. Отличительными особенностями указанных произведений карельского устного народного творчества является особая калевальская метрика, близкая к четырехстопному хорею, а также наличие в стихах аллитерации и параллелизма. Рунопевческая традиция существовала у всех этнолокальных групп карелов: беломорских, олонецких (ливиков и людиков), приладожских. К числу первых письменных фиксаций относятся варианты рун, записанные финляндским врачом Сакари Топелиусом-старшим. В 1820 году он, будучи у себя дома

в Финляндии, записывал карельских коробейников, активно занимавшихся торговлей в разнос на приграничных территориях. Подготовленные на основе этих записей и опубликованные в 1822–1831 годах сборники по праву можно считать знаковыми в изучении финской и карельской рунопевческой традиции¹. Топелиус-старший указал исследователям путь в Беломорскую Карелию. На протяжении XIX–XX веков финляндские собиратели неоднократно бывали в деревнях Беломорской, Южной и Приладожской Карелии и записали большое количество рун, которые позже были опубликованы в многотомнике «Древние руны финского народа»².

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАРЕЛЬСКИХ РУН

Формирование прибалтийско-финского рукописного фольклорно-этнографического фонда Научного архива КарНЦ РАН началось в 20-е годы XX века, звукового – несколько позже, в конце 30-х годов XX века.

В центре внимания первых исследователей была прежде всего поэзия калевальской метрики³ – эпические песни и заговоры. У истоков собирания рун в Советской Карелии был уроженец Калевальского района Г. Х. Богданов [1]. Будучи аспирантом кафедры финно-угорской филологии филологического факультета ЛГУ, в 1927–1928 годах он участвовал в трех Северо-западных этнологических экспедициях, предпринятых русско-финской секцией Постоянной комиссии по изучению племенного состава населения. Основная цель этих экспедиций – исследование состояния материальной и духовной культуры Карелии. В 1928 году работа была сосредоточена в Беломорской (Северной) Карелии. Г. Х. Богданов отвечал за фиксацию фольклорного и лингвистического материала, а также сбор сведений по молодежному быту и досугу. В ходе этой экспедиции ему удалось зафиксировать пять отрывков карельских эпических песен и 18 отрывков заговорных рун. Кроме того, был записан другой фольклорный материал, часть из которого позже была опубликована в книге «Карельский сборник», вышедшей в Ленинграде в 1929 году. Наряду с текстами устного народного творчества карелов, Г. Х. Богданов попытался дать характеристику состоянию устной поэзии местного севернокарельского населения⁴.

Дальнейшая история собирания карельских рун напрямую связана с организацией в 1930 году в Карелии Научно-исследовательского института (КНИИ), для сотрудников этнографо-лингвистической секции которого фиксация эпического наследия коренных народов была первостепенной задачей. С 1932 по 1939 год исследователи Института обследовали северные районы: Кестеньгский (ныне Лоухский), Калевальский, Ругозерский (ныне Муезерский), Сегозерский (ныне Медвежьегорский), Тунгудский (ныне Беломорский), а также южные – Олонецкий, Пряжинский и Петровский (ныне Кондопожский). Результатами первых фольклорных экспедиций стали богатые материалы по устной народной поэзии карелов⁵.

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ПЕРВЫХ СБОРНИКОВ РУН

Уже с 1931 года сотрудники этнографо-лингвистической секции на заседаниях обсуждали возможность издания первых фольклорных сборников, однако в течение многих лет эти задумки оставались лишь планами. К примеру, в 1933 году были намечены составление и издание сборника традиционных песен с текстами на финском и русском и на карельском и русском

языках. Сроки работы – 1934–1937 годы, тираж – 20 000 экземпляров⁶.

В плане 1934 года значится уже издание сборника по музыкальному фольклору. Связано это, вероятно, с тем, что в 1934 году при этнографо-лингвистической секции был создан сектор музыкальной культуры, который возглавил аспирант КНИИ В. П. Гудков. Под руководством ленинградского музыканта Е. В. Гиппиуса он вел исследование звукорядов и ладов традиционной карельской музыки. Во время работы в Институте В. П. Гудков принимал участие в полевых исследованиях Кестеньги, выезжал также в деревни Ухтинского, Петровского, Пряжинского районов, где собирал песни, руны, вел поиски старинных музыкальных инструментов. Наряду с изучением музыкальной традиции Карелии В. П. Гудков был увлечен возрождением древнего музыкального инструмента кантеле [2]. Благодаря активной экспедиционной деятельности к 1935 году сотрудники Института выявили в различных районах Карелии более 20 кантелистов, а наличие кантеле было отмечено в 40 населенных пунктах⁷. Собранный материал позволил В. П. Гудкову запланировать на 1936 год издание сборника «Карельское кантеле»⁸. Попутно строились планы по подготовке им же сборника «Национальный фольклор Карелии», объем – 12 п. л., тираж – 3000 экземпляров⁹.

Практически с начала основания Института в этнографо-лингвистической секции работал В. Я. Евсеев, проводивший активную экспедиционную деятельность¹⁰. Результаты полевых выездов исследователь планировал включить в сборник карельского фольклора на местных наречиях¹¹. Однако после экспедиций в Южную Карелию, где В. Я. Евсееву удалось найти богатый фольклорный материал, его планы несколько изменились. В 1935 году началась работа над сборником под рабочим названием «Южно-карельские (в варианте – ливские) руны “Калевалы”». Исследователь намеревался закончить подготовку рукописи в течение четырех месяцев. Предполагаемый объем сборника – 10 п. л. В книгу вошли бы следующие теоретические разделы:

- бытование и сложности собирания;
- о скрещивании разных жанров;
- лексика и топонимика рун, заимствование рун;
- развитие и отражение исторической действительности.

Собственно руны на карельском языке с переводом планировалось опубликовать на 4 п. л.¹²

На следующий год название книги уже изменилось, в планах значилась подготовка сборника

«Руны ливской Карелии и их язык в свете развития мышления и исторических процессов»¹³. Большую часть книги автор хотел уделить исследованию эпических песен.

В целом фиксация материала сотрудниками Института проводилась непоследовательно, поскольку сабирание, как отмечал В. П. Гудков на совещании по фольклору, проводимом в 1936 году на секции,

«считалось настолько малозначительным делом, что для него трудно было найти людей, имеющих достойную общеобразовательную подготовку и владеющих карельскими наречиями»¹⁴.

На этом же заседании обсуждался вопрос о возможном привлечении обучающейся в городе сельской молодежи к экспедиционной работе. Наибольшее количество таких студентов было сосредоточено в Карельском педагогическом институте, в ходе проведения совещания было замечено, что данное учебное заведение в работе по фольклору принимало незначительное участие. Вероятно, настоящее заседание послужило некоторым толчком для активизации сабирательской работы среди исследователей. Кроме того, сотрудники Института стали проводить курс народной музыки и фольклора у студентов Карельского педагогического института, что давало возможность ближе познакомиться с ними и предложить им определенный круг работ. Как наглядно демонстрируют архивные коллекции прибалтийско-финского фонда, процесс пополнения рукописными материалами активизировался именно во второй половине 30-х – начале 40-х годов XX века.

В дальнейшем записи велись силами не только первых сотрудников научного учреждения, а именно В. Я. Евсеевым, Ф. С. Титковой, И. Я. Пажлаковым, Е. П. Каллио, но и многочисленными студентами Карельского педагогического института, в большинстве своем карелами по национальности. Студенты могли выезжать в экспедиции как во время летних, так и во время зимних каникул. К примеру, в январе 1939 года было выдано 13 удостоверений студентам Карельского педагогического института для сбора материала в Олонецком, Пряжинском, Калевальском, Кестеньгском, Кемском и Лоухском районах.

На 1936 год было запланировано издание сборника карельского фольклора, в котором были бы представлены текстовые и музыкальные образцы на карельских наречиях с русскими переводами. Авторы предполагали во вступительной статье дать характеристику материала. Тираж – 2000–12 000 экземпляров¹⁵. Работа должна была выполняться группой исследователей.

Кроме того, в это же время сотрудники Института планировали подготовить и выпустить в свет в издательстве «Кирья» многотомник «Руны Карелии», 16 п. л., куда бы вошли тексты, записанные во всех районах Карелии. Корпус предварялся бы вступительной статьей, в научный аппарат входили бы примечания, нотные приложения, биографический словарь рунопевцев¹⁶. В 1937 году объем книги был уже увеличен до 28 п. л. Однако сборник в намеченное время так и не вышел в свет.

На 1939 год планировалось издание песен Южной и Средней Карелии – 2 п. л. Исполнителем были назначены Ф. С. Титкова и К. Ф. Степпиева. В этом же году книга «Карельской вахнанайгайзет рахвахан паёт» вышла в Петрозаводске в издательстве «Каргосиздат» тиражом 3000 экземпляров¹⁷. В ней опубликовано 24 текста, это в основном поздние рифмованные лирические песни, представлено несколько вариантов лиро-эпических песен. Вступительная статья политизирована, изобилует цитатами из работ В. И. Ленина, М. Горького, подчеркивается, что советская власть способствует сохранению традиционной культуры, а также созданию нового фольклора. Кроме того, указывается, что данное издание будет содействовать развитию карельского литературного языка. Характеристика публикуемого материала представлена лаконично. Сборник снабжен примечаниями: дана паспортизация текстов. Книга была опубликована на русской графике письма без перевода. Руны представлены сюжетами на семейно-бытовую тематику – это «Выкуп девушки», «Морские женихи» и «Молодая жена жалуется на мужа». Тексты в корпусе текстов расположены случайным образом.

В 1939 году в Петрозаводске в издательстве «Каргосиздат» тиражом 5000 экземпляров увидела свет книга И. Пажлакова под редакцией В. Королева «Карелия эпической паёт»¹⁸. В сборник вошло 12 эпических песен, записанных исследователями Института во всех районах Карелии. Представлен круг наиболее распространенных эпических сюжетов: сватовство героев, изготовление лодки, пир в Пяйвёле, поездка в Пыхёлу и др. Причем неопытность начинающих исследователей не позволяла представить четкую классификацию: руны на один и тот же сюжет были разделены другими текстами. Книга снабжена краткими примечаниями: даны паспортные данные исполнителей. В отличие от первого сборника, вступление данного издания дает характеристику каждой опубликованной эпической песне, что, несомненно, является

достоинством этого небольшого издания. Кроме того, впервые представлены описания отдельных антропонимов и топонимов. Вступление, тексты и научный аппарат написаны также на карельском языке, использовалась русская графика письма. Обращает на себя внимание тот факт, что составители указанных сборников в своих вступлениях в большом количестве используют русские заимствования. В этой связи текст введения оказывается примитивным, а в некоторых случаях даже смешным¹⁹. Использование русского алфавита и обилие русизмов, несомненно, обусловлены языковыми процессами, проходившими в то время в Карелии. В частности, именно в указанный период карельский литературный язык призывали освободить от элементов финского языка и приблизить его к русскому языку [3: 74–75].

Судя по сохранившимся планам работы фольклорной группы, В. Я. Евсеев с 1931 по 1941 год вел подготовку большого количества сборников, но практически ни один из них не был выпущен. К примеру, помимо указанных выше изданий, в 1938 году он работал над сборником «Избранные руны карельского народа»²⁰. На 1939 год у Евсеева в планах стояла также подготовка к изданию книги «Карельский фольклор Ведлозерского района»²¹. Причиной несостоявшихся планов, несомненно, был тяжелый характер составителя: архивные документы наглядно демонстрируют, что у В. Я. Евсеева были сложные отношения с коллегами и руководством Института. Кроме того, он достаточно вольно относился к записанному им же материалу, мог легко его перерабатывать и изменять карелоязычные тексты по своему усмотрению²². В 1935 году В. Я. Евсеев был вынужден уйти из Института, поскольку им по просьбе Э. Гюллинга, призванного позже «врагом народа», в финской газете была опубликована заметка о карельском фольклоре²³. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, В. Я. Евсеев продолжал самостоятельно собирать фольклор и готовить сборники даже за пределами Института²⁴. В 1938 году он вновь начинает работу в научном учреждении.

В 1940 году в Петрозаводске в издательстве «Госиздат Карело-финской ССР» на русском языке был издан сборник «Сампо», подготовленный В. Я. Евсеевым под общей редакцией Ф. Егорова, в оформлении книги принимал участие художник Г. А. Стронк. Тираж – 5000 экземпляров²⁵. В опубликованном варианте книги тексты представлены на русском языке. В нее вошло 102 варианта рун (полностью или частично), причем

составитель использовал как записи финляндских и российских собирателей XIX века, которые были зафиксированы от карелов и опубликованы ранее в многотомнике «Древние руны финского народа» (SKVR – Suomen kansan vanhat runot) и в журнале «Живая старина» за 1894 год²⁶, так и собственные экспедиционные материалы: традиционные руны и некоторые новинки (эпические песни на советскую тематику). Корпус текстов состоит из трех разделов в соответствии с тематикой эпических песен: от самых архаичных до наиболее современных сюжетов. В отличие от предыдущих сборников, систематизация рун и композиция в целом продуманы составителем. Книга снабжена примечаниями – двумя небольшими словарями непонятных слов. В первом дается расшифровка антропонимов и топонимов, во втором – непонятные русскому читателю слова карельского происхождения. Над рукописью В. Я. Евсеев работал в течение многих лет, в планах у него было издать двуязычный сборник, однако осуществить свою задумку в 1940 году ученый так и не сумел. Возможно, позднее эти наработки стали основой для сборника «Карело-финский народный эпос»²⁷. На страницах местной печати появилась негативная рецензия на издание В. Я. Евсеева «Сампо», составитель был обвинен в фальсификации текстов²⁸. Вероятно, вольное отношение к материалу было одной из основных причин, не позволивших всем подготовленным этим исследователем сборникам выйти в свет в 1930–1940-е годы.

В течение нескольких лет исследователями этнографо-лингвистической секции велась работа по подготовке сборника под рабочим названием «Песни народов Карельской АССР». Это было бы первое издание, куда бы вошел музыкальный фольклор народов, населяющих Карелию (песни карелов, вепсов, финнов и русских). Тексты планировалось представить на языке оригинала с кратким содержанием на русском языке. Жанровый состав – руны, обрядовые, шуточные, лирические, плясовые песни, частушки и современный фольклор. В 1941 году выходит сборник «Песни народов Карело-Финской ССР»²⁹. Составителями книги были В. П. Гудков и Н. Н. Леви, ответственный редактор В. И. Машезерский. В издании было три раздела: карельские, русские и вепсские песни. Среди карельских текстов есть эпические, лиро-эпические, лирические, колыбельные песни, частушки и новинки. Тексты в сборнике расположены следующим образом: название текста на карельском языке, его перевод.

Далее представлена нотная расшифровка песни. Текст самой песни расположен в два столбца: слева – карельский, справа – русский перевод. Карельский текст представлен русской графикой письма. Во вступительной статье составители отмечают, что сборник является первым опытом публикации музыкального фольклора Карело-Финской ССР и служит началом большого дела – созиания и публикации песенных сокровищ Карелии.

В 1941 году в Государственном издательстве Карело-Финской ССР вышел сборник под редакцией академика Ю. М. Соколова «Карело-финские эпические песни», тираж – 10 000 экземпляров. Ответственным редактором сборника был Х. И. Лехмус³⁰. В книге представлены 12 эпических сюжетов (рождение, подвиги и смерть героев), бытавших в народе. Систематизация проведена по тематическому принципу. В предисловии отмечены экспедиционные выезды, подчеркивается, что собирательскую работу необходимо продолжать и в дальнейшем. Тексты эпических песен представлены только на русском языке, читатель знакомится с литературными переводами эпических песен на различные сюжеты. В примечаниях дается краткое содержание каждой руны, отдельно отмечено, от кого было записано то или иное произведение. Кроме того, представлен перечень собственных имен с пояснениями. Книга была рассчитана на широкого читателя, прежде всего русскоязычного. Появление целого ряда фольклорных сборников, отражающих карельскую устнopoэтическую традицию на русском языке, также было сопряжено с политическими процессами в Карелии. К сентябрю 1940 года кампания по активному внедрению карельского языка во все сферы жизнедеятельности была свернута [3: 75]. Ученым приходилось достаточно быстро реагировать на политические процессы, проходившие в республике.

В 1941 году В. Я. Евсеевым сверх плана были подготовлены еще два сборника: «Руны Архипа Перттунена» (на финском и русском языках) и «Сказки и песни А. Ф. Никифоровой» (научно-популярное издание). Первый сборник под названием «Избранные руны Архипа Перттунена» вышел в Петрозаводске в Государственном издательстве Карело-Финской ССР уже после войны, в 1948 году, объем – 4,7 п. л., тираж – 10 000 экземпляров³¹. Однако тексты в вышедшем сборнике были опубликованы только на русском языке. Рукопись сборника «Сказки и песни А. Ф. Никифоровой» так

и осталась неопубликованной, как и ряд других изданий, подготовленных сотрудниками Института и не увидевших свет по причине начала войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, период с 1930 по 1940 год был активным в отношении созиания карельских рун: исследователи Института активно выезжали в различные районы Карелии и записывали сохранившийся материал. Кроме того, велась активная работа со сказителями, итогом этой коммуникации являются новинки на советскую тематику. Впоследствии лучшие образцы текстов были опубликованы на страницах небольших изданий. Всего за указанный период вышло в свет пять небольших публикаций. Наработки В. Я. Евсеева легли в основу академического издания «Карельские эпические песни», вышедшего в 1950 году³², и двухтомника «Карело-финский народный эпос». Основными недостатками сборников 1939 года было отсутствие переводов и классификации материала, а также публикация текстов на основе русской графики письма, что, несомненно, уменьшало круг потенциальных пользователей. В сборниках 1940 года, напротив, отсутствовали оригинальные тексты, что, несомненно, практически сразу же уменьшало ценность подобного рода изданий. Языковые предпочтения определялись процессами, проходившими в то время в республике: в августе 1937 года в Петрозаводске состоялась республиканская лингвистическая конференция, на которой было принято решение о создании единого литературного языка для всего карельского населения на основе русского алфавита [4: 56–57]. Вслед за этим постановлением в стенах Института начинаются публикации фольклорных материалов на карельском языке. Позже, с осени 1940 года, после завершения Зимней войны кампания по продвижению карельского языка была свернута, и начался период «финнизации» [3: 75]. Тексты на карельском языке публиковали в меньшем количестве. Еще один существенный недостаток большинства первых сборников – это перевод текстов, который часто был литературным. Подобная подача фольклорного материала еще больше отдала публикации от оригинальных источников. Однако работа над первыми сборниками позволила молодым сотрудникам Института накопить определенный опыт и создать основу для будущих добротных академических изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Topelius Z. Somen Kansan Wanhoja Runoja yuppä myös Nykyisempiä lauluja. I osa. Zuruefa, 1822 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/ebooks/54449> (дата обращения 26.05.2021).
- ² Suomen kansan vanhat runot- Osa 1- 34 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi> (дата обращения 26.05.2021).
- ³ Под поэзией калевальской метрики понимаются жанры карельского фольклора, объединенные общим стихотворным калевальским размером.
- ⁴ Богданов Г. Х. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии // Карельский сборник. Л., 1929. С. 65–106.
- ⁵ С полным списком зафиксированных эпических сюжетов со сведениями экспедиций, собирателей, исполнителей можно познакомиться в издании: Карельские эпические песни: Каталог рукописного фонда научного архива Карельского научного центра РАН / Сост. Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1999. 84 с.
- ⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 59. Л. 5.
- ⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 41.
- ⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 17.
- ⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 140. Л. 14.
- ¹⁰ С биографией В. Я. Евсеева, полным списком его публикаций, а также перечнями экспедиционных выездов и собранного материала можно познакомиться в издании: У истоков карельской фольклористики. К 100-летию В. Я. Евсеева: Биография, библиография, описание архивных материалов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 72 с.
- ¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 165. Л. 4.
- ¹² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 165. Л. 10.
- ¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 16.
- ¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 203. Л. 2.
- ¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 187. Л. 3.
- ¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 187. Л. 9.
- ¹⁷ Карельскойт вахнанайгайзет раахахан паёт / Сост. Ф. С. Титкова, К. Ф. Степпиева. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 57 с.
- ¹⁸ Карелиян эпическойт паёт / Сост. И. Пажлаков. Петрозаводск: Карельской государственной издательства, 1939. 101 с.
- ¹⁹ В качестве примера приведем одно предложение из вступления: «Тях сборникках он панду паёт омал роднойл карельскойн киелел. Пайолойн форма ероматтах содержаниес он аннетту кахекса слоговойл стихал» – «В сборник включены песни на своем родном карельском языке. Форма песни, несмотря на ее содержание, представляет собой восьмисловой стих».
- ²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 266. Л. 7.
- ²¹ Из письма Г. Н. Париловой от 10 октября 1940 года: «Евсеев оказался порядочным лгуном – он классические цитаты пересыпает или, доказывая что-либо, ссылается на то, чего на самом деле нет. Теперь я не повышаю голоса с Евсеевым, а методически с фактами в руках доказываю, в чем он неправ. Очень это помогает». Цит. по: Комелина Н. Г. Советская фольклористика в отдельно взятой республике. Отдел фольклора в Карельском научно-исследовательском институте культуры в 1939–1940 гг. (по материалам архива А. Д. Соймонова) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 549.
- ²² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 258. Л. 1.
- ²³ «Ошибка была в том, что я был сбит с толку “левой” фразой <...> врага народа Гюллинга написать статью и давать новые записи для социал-демократической газеты <...> совершив тем самым ошибку, был в 1935 году временно уволен из КНИИК». НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 266. Л. 10.
- ²⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 266. Л. 88.
- ²⁵ Сампо: Сборник карело-финских рун / Ст., пер. и comment. В. Евсеева. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1940. 180 с.
- ²⁶ В журнале «Живая старина» были опубликованы руны, записанные Н. Ф. Лесковым в 1893 году в Олонецкой губернии. См.: Лесков Н. Ф. Отчет о поездке к олонецким карелам летом 1893 года // Живая старина. 1894. Вып. 3. С. 19–36.
- ²⁷ Карело-финский народный эпос = Karjalais-suomalainen kansan eepos: В 2 кн. / Сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсеева. М.: Изд. фирма «Восточ. лит.», 1994. Кн. 1. 476 с.; Кн. 2. 510 с.
- ²⁸ Азадовский Н. К. Комментарии к комментариям // На рубеже. 1941. № 4. С. 62–64.
- ²⁹ Песни народов Карело-Финской ССР / Сост. В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. 99 с.
- ³⁰ Карело-финские эпические песни / Под ред. Ю. М. Соколова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. 107 с.
- ³¹ Избранные руны Архипа Пертунена / Пер., вступ. ст. и примеч. В. Евсеева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 73 с.
- ³² Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов, comment. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950. 526 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. И в а н о в а Л. И. Григорий Харитонович Богданов – общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка // Краеведческие чтения: Материалы XI научной конференции, Петрозаводск, 16–17 февраля 2017 года. Петрозаводск, 2017. С. 279–297.
2. М а р к о в с к а я Е. В. В. П. Гудков: возрождение музыкального инструмента кантеle и создание ансамбля «Кантеle» в Карелии в 1930-е гг. // Седьмые международные Шёгреновские чтения, Санкт-Петербург, 02–04 марта 2015 года. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 395–401.
3. Н а г у р н а я С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 65–77.
4. Ф и л и м о н ч и к С. Н. Развитие науки в Советской Карелии в 1920–1930-е гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 76 с.
5. S i i k a l a A . - L . Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: SKST, 2012. 536 s.

Поступила в редакцию 16.06.2021; принята к публикации 31.08.2021

Original article

Valentina P. Mironova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6310-5561; tutkija@mail.ru

PUBLICATION HISTORY OF KARELIAN RUNOSONGS

A b s t r a c t. This paper offers a review of the first collected volumes of Karelian runosongs prepared by the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (formerly known as the Karelian Research Institute) in the 1930s and the 1940s. Systematic study of Karelian communities, as well as recording and publishing folklore materials were among the priorities for the folklore researchers at the said research institution. While preparing the first books, they had to deal with a number of challenges, such as selecting and systematizing the materials, writing the opening sections, and building the scholarly apparatus. Researchers also had to consider language preferences for the texts to be published, and often were to choose between the Cyrillic and Latin scripts. This article is based on the following archival sources: minutes of the Folklore Division meetings, individual research plans, manuscript reviews stored at the Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, and the published volumes per se. The analysis of the documents and the structural typological method were applied to characterize the folklore publications in the historical context. The article is now of high relevance as the runic tradition in general has been brought to the foreground by declaring 2021 the Year of Karelian Runosongs in the Republic of Karelia. The study can be of interest for folklore and literature researchers as well as for linguists and historians.

Key words: Karelians, Karelian folklore, Karelian runosongs, KarRC RAS Scientific Archives, Year of Karelian Runosongs

A c k n o w l e d g e m e n t s. The article was written as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

F o r c i t a t i o n: Mironova, V. P. Publication history of Karelian runosongs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.673

REFERENCES

1. I v a n o v a , L . I . Grigory Kharitonovich Bogdanov – public and political figure and the first North Karelian collector and researcher of folk culture and language. *Local History Readings: Proceedings of the XI research conference, Petrozavodsk, February 16–17, 2017*. Petrozavodsk, 2017. P. 279–297. (In Russ.)
2. M a r k o v s k a y a , E. V. Victor Gudkov: revival of the kantele lap harp and creation of the Kantele Ensemble in Karelia in the 1930s. *The Seventh International Sjogren Readings. St. Petersburg, 02–04 March 2015*. St. Petersburg, 2016. P. 395–401. (In Russ.)
3. N a g u r n a y a , S . V . Karelian written language. *Peoples of Karelia: Historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 65–77. (In Russ.)
4. F i l i m o n c h i k , S . N . Development of science in Soviet Karelia in the 1920s and the 1930s. Petrozavodsk, 2014. 76 p. (In Russ.)
5. S i i k a l a , A . - L . Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki, 2012. 536 s.

Received: 16 June, 2021; accepted: 31 August, 2021

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КУНДОЗЕРОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5423-8709; maria.vlasova@mail.ru

Н. А. КРИНИЧНАЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАРЕЛЬСКИХ РУН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вклада крупнейшего исследователя русского фольклора и мифологии Н. А. Криничной в изучение карельских эпических рун. Анализируются доклады и статьи, посвященные семантике образа девы-лосося в карело-финском эпосе, мифологеме перевоплощения персонажей и магии слова в карельских эпических рунах, русско-карельским параллелям и христианской трансформации мифологемы с сотворения мира. Рассматривается деятельность Неонилы Артемовны по написанию статей-рецензий на работы ее карельских коллег и по руководству диссертационными работами, посвященными аспектам карельского эпоса. Подчеркивается важность вклада Н. А. Криничной в изучение отдельных образов, тем, мотивов карельских рун и в обеспечение преемственности в исследовании карельской рунической поэзии в стенах Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Статья подготовлена на основе доклада, прозвучавшего на Всероссийских научных чтениях «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной» в июне 2020 года в Петрозаводске, и ориентирована на всех, кто интересуется духовной культурой карельского народа. Актуальность статьи обуславливается повышенным интересом к народной рунической поэзии в связи с объявлением в Республике Карелия Года карельских рун.

Ключевые слова: Криничная, карельские руны, эпические руны, карельский фольклор, история фольклористики

Благодарности. Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Для цитирования: Кундозерова М. В. Н. А. Криничная как исследователь карельских рун // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 114–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.674

ВВЕДЕНИЕ

В Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН со временем его образования работала целая плеяда ученых, специализировавшихся на изучении карельского рунического фольклора (Г. Х. Богданов, В. Я. Евсевьев, Э. С. Киуру, А. С. Степанова, Н. А. Лавонен и др.). Благодаря их усилиям были опубликованы сборники карельского устного народного творчества с переводом на русский язык. Это позволило другим исследователям, не владеющим национальными языками Карелии, обратиться к карельскому фольклору и мифологии. Среди них была и Неонила Артемовна Криничная – крупнейший исследователь русского фольклора и мифологии. К выдающейся личности исследовательницы, осмыслиению ее научного наследия, вклада в подготовку молодых научных кадров

неоднократно обращались в своих статьях ее коллеги [1], [10], [11]. В работах упоминается и вклад Криничной в изучение карельского фольклора, однако лишь бегло. В данной статье освещается деятельность Неонилы Артемовны по исследованию одного из самых архаичных жанров карельского фольклора – эпических рун. Эта деятельность заключалась в выступлениях на конференциях, в написании статей и в научном руководстве работами докторантов.

В общем контексте мифологического направления в изучении карельских рун вклад Неонилы Артемовны не так велик, но очень важен для развития карельской фольклористики. Интерес Н. А. Криничной к эпическим рунам был обусловлен присущей ее работам научной методологией, основанной на традициях русской мифологической школы с ее преимущественным

вниманием к мифологическому генезису фольклорных образов и мотивов.

Настоящая статья подготовлена на основе доклада, прозвучавшего на Всероссийских научных чтениях «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной» в июне 2020 года в Петрозаводске, и ориентирована на всех, кто интересуется духовной культурой карельского народа. Актуальность статьи обуславливается повышенным интересом к народной рунической поэзии в связи с объявлением в Республике Карелия Года карельских рун.

В Республике Карелия традиционно читят имя Элиаса Лённрота и созданную им «Калевалу» – эпическую поэму на основе карельских и финских народных рун. Периодически в Петрозаводске проводятся научные конференции, посвященные той или иной круглой дате «Калевалы», и это мотивирует многих исследователей обратиться к тексту поэмы, а вместе с этим и к подлинно народным рунам. Так, в 1985 году на международной научной конференции, посвященной 150-летию первого издания «Калевалы», Неонила Артемовна выступала с докладом «К семантике образа девы-лосося в карело-финском эпосе». Одноименная статья опубликована годом позже в сборнике материалов конференции [2]. Предметом исследования в докладе и статье являются карельские эпические руны. Н. А. Криничная рассматривает эволюцию образа девы-лосося, встречающегося в рунах: изначально дева-лосося имеет зооморфный облик, потом в ее образе сочетаются элементы тотемной покровительницы и хозяйки водной стихии (она приобретает черты дочери морского божества Ахти либо становится тождественной деве Велламо / дочери Велламо), далее происходит частичная и полная антропоморфизация облика (образ девы-рыбы распадается на два самостоятельных: образ девы и образ рыбы) [2]. Упомянутая конференция 1985 года имела небывалый размах. В ней принимали участие видные ученые из Финляндии и союзных республик, в программе был представлен широкий спектр докладов, так или иначе связанных с «Калевалой» и карельской рунической поэзией. Об этом подробно и занимательно Неонила Артемовна написала в обзорной статье «Kalevala-konferenssi Petroskoissa» («Конференция по “Калевале” в Петрозаводске»), которая была опубликована на финском языке в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Punalippuri» (1985. № 6)¹.

В 2009 году в Петрозаводске проходила международная научная конференция, посвященная

160-летию полного издания «Калевалы». Доклад Н. А. Криничной был посвящен мифологеме перевоплощения персонажей в карельских эпических песнях. В следующем году доклад в виде статьи был опубликован в сборнике материалов конференции [5]. В статье на материале карельских рун рассматривается архетип, связанный с идеей перевоплощения персонажей: предпосылки его появления, контекст формирования, условия существования и постепенной трансформации в поэтический троп. Каждое положение иллюстрируется примером из текстов карельских рун.

В фокусе внимания Неонилы Артемовны оказалась также карельская вербальная магия. В литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Carelia» (1999. № 7) вышла статья на финском языке «Sanan magia karjalaisissa eeppisissä runoissa» («Магия слова в карельских эпических песнях»)². В 2005 году эта статья была опубликована в сборнике научных статей «Бубриховские чтения» на русском языке. Статья посвящена рассмотрению магической силы слова, с помощью которой герои карельского эпоса занимаются творением мира, различных первообразов и бытовленных объектов, создают существ, перевоплощаются, состязаются в знаниях. Автор затрагивает также тему добывания магических слов, перечисляет персонажей, которым подвластна вербальная магия [4].

Н. А. Криничная привлекала тексты карельских рун и для сопоставительного анализа. Так, в сборнике материалов международной научной конференции «Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона», вышедшем в Петрозаводске в 2005 году, опубликована статья под названием «Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (русско-карельские параллели)» [6]. В ней автор обращается к рассмотрению мифов о сотворении мира, бытовавших в различных этнокультурных традициях – русской и карельской, оказавшихся в тесном взаимодействии друг с другом на территории Карелии и обусловивших уникальную сохранность фольклора. Если в русской традиции космогонические мифы были обнаружены в легендах и духовных стихиях, то в карельской – в эпических рунах. Для сопоставления Неонила Артемовна привлекает также мифологию коми, удмуртов, марийцев, манси и ханты. Автор отмечает, что

«космогонические мифы финно-угорских народов в основе своей сохраняют дохристианские представления о мироустройстве, в то время как русские в значительной мере уже христианизированы, хотя в них так

до конца и не изжиты подспудные языческие пласты» [6: 159].

Актуальность обращения к сравнительному изучению русской и карельской мифологии подчеркивает повторная публикация этого материала в национальной прессе Карелии. Статья в переводе на финский язык была опубликована годом позже в журнале «Carelia» под заголовком «Kun sorsat nousevat joen ylle» («Когда взлетают утки над рекою»)³. В 2007 году некоторые положения этого исследования были опубликованы в ежемесячном научно-популярном иллюстрированном журнале для народного чтения «Свет» («Природа и человек»). Статья называется «Поют карельские руны», хотя в ней по-прежнему содержится сравнительный анализ двух космогонических сюжетов – русского и карельского⁴.

Неонила Артемовна выполняла исследования карельских рун в основном по переводным сборникам народной поэзии калевальской метрики, подготовленным В. Я. Евсеевым⁵, основоположником карельского эпосоведения, человеком, который своим трудом положил начало планомерному изучению карельских рун. В 2010 году 100-летию со дня его рождения был посвящен традиционный петрозаводский семинар по методике полевых работ и архивации фольклорных и этнографических материалов. Н. А. Криничная приняла участие в семинаре с докладом «“Карельские эпические песни”: собрание В. Я. Евсеева – важная веха в истории фольклористики». Одноименная статья вышла в том же году в Кижском вестнике [3]. Это, по сути, развернутая рецензия с высокой оценкой сборника 1950 года⁶, до сих пор являющегося самым обширным научным изданием карельских рун с переводом на русский язык.

Н. А. Криничная знала и хорошо ориентировалась в истории публикаций рун в Карелии и использовала этот материал в работе. Она всегда подчеркивала необходимость внедрения новых фольклорных текстов в научный оборот. В случае с карельскими рунами в публикации нуждались не только тексты, находящиеся в архиве Карельского научного центра и фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (большая часть которых уже опубликована), но и тексты, собранные финляндскими исследователями. Надо отдать должное нашим коллегам за рубежом: практически вся поэзия калевальской метрики, собранная на территории Финляндии, Карелии и Ингерманландии, опубликована в 34-томном собрании рун⁷. Для широкой российской аудитории эти тексты

остаются недоступными, поскольку опубликованы они лишь на языке оригинала без перевода на русский. Еще в 1989 году, подводя в своей статье итоги изучения фольклорных традиций Карелии, Н. А. Криничная писала:

«Изданное на финском языке и являющееся в нашей стране библиографической редкостью, это собрание малодоступно всесоюзной фольклористике. Введение в научный обиход этих материалов – одна из насущных задач фольклористов» [7: 157–158].

Сегодня это издание уже доступно в Интернете на специальном портале⁸, однако по-прежнему лишь для знатоков финского языка. Таким образом, продолжая завет Неонилы Артемовны, можно сказать, что одной из задач карельских фольклористов может стать перевод некоторых томов этого собрания, а именно тех, содержание которых было собрано на территории Карелии, на русский язык. Это стало бы хорошим подспорьем и для исследователей, и для широкого круга читателей, интересующихся карельской культурой и фольклором.

Помимо собственно научных статей и докладов, вклад Н. А. Криничной в изучение карельских рун и шире – карельского фольклора – заключался в написании рецензий на публикации, выходившие из-под пера ее карельских коллег. Так, в 1978 году в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Север» вышла статья-рецензия «Рокот гуслей, канtele струны»⁹, в которой содержится отзыв Н. А. Криничной на увидевший свет годом ранее сборник Т. В. Краснопольской «Песни карельского края»¹⁰. Сборник включал в себя песенную поэзию карелов и русских, в том числе и образцы карельских рунических произведений, и был высоко оценен рецензентом.

В 1985 году в Петрозаводске вышел сборник «Рода нашего напевы»¹¹. Его составителями были Э. С. Киуру и Н. А. Лавонен. Сборник содержал образцы рун, записанных от представителей одного из наиболее известных рунопевческих родов – Перттуненов. Неонила Артемовна опубликовала небольшую реферативную статью об этом сборнике в немецком журнале «Demos» 1986 года [12], тем самым внеся вклад в популяризацию карельских рун и их изучение среди зарубежной публики.

Одной из важных составляющих вклада Н. А. Криничной в процесс изучения рун и развития карельской фольклористики было руководство научными работами ее коллег и аспирантов, специализирующихся на исследовании рунической поэзии. Так, Неонила Артемовна выступила научным консультантом диссертационной

работы В. П. Мироновой. Диссертация была посвящена изучению сюжета о сватовстве в мифической стране Хийтоле в контексте карельской эпической традиции и успешно защищена. На основе диссертации в 2016 году вышла одноименная монография [9].

Под научным руководством Н. А. Криничной подготовила и защитила кандидатскую диссертацию «Концепт мироздания в карельских эпических песнях» М. В. Кундозерова. Монография, вобравшая в себя текст диссертации, посвящена светлой памяти Неонилы Артемовны [8]. Благодаря дальновидности Н. А. Криничной карельская руническая поэзия не была отодвинута на дальний план, а продолжила быть предметом изучения современных исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад Н. А. Криничной в изучение карельских рун очевиден. Несмотря на то что Неони-

ла Артемовна специализировалась на русском фольклоре, она привлекала для своих исследований широкий сопоставительный материал из фольклорных традиций других народов, и карельская традиция не была исключением. Работая плечом к плечу со своими коллегами, целенаправленно изучавшими руническую поэзию, Н. А. Криничная тоже интересовалась ею и с энтузиазмом исследовала, что подтверждают ее научные статьи и выступления на конференциях. Публикации материалов о карельских рунах на страницах местной национальной прессы и научно-популярных журналов способствовали распространению знаний о фольклоре карелов и его изучению, тем самым укрепляя позиции карельской фольклористики. А руководство молодыми кадрами позволило сохранить преемственность в изучении карельской рунической поэзии в стенах Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Krinitšnaja N. Kalevala-konferenssi Petroskoissa // Punalippu. 1985. № 6. S. 119–125.
- ² Krinitšnaja N. Sanan magia karjalaisissa eeppisissä runoissa // Carelia. 1999. № 7. S. 135–138.
- ³ Krinitšnaja N. Kun sorsat nousevat joen ylle // Carelia. 2006. № 8. S. 128–133.
- ⁴ Криничная Н. А. Поют карельские руны // Свет. Природа и человек. 2007. № 5. С. 62–63.
- ⁵ Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и comment. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 494; Карело-финский народный эпос: В 2 кн. / Сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсеева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 1. 476 с.; Кн. 2. 510 с.
- ⁶ Карельские эпические песни. С. 494.
- ⁷ Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XV. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1997.
- ⁸ Код доступа: <https://skvr.fi/>
- ⁹ Криничная Н. А. Рокот гуслей, кантели струны // Север. 1978. № 7. С. 124–125.
- ¹⁰ Песни карельского края / Сост. и автор вступ. ст. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск: Карелия, 1977. 263 с.
- ¹¹ Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1985. 272 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. И ван о в а Л. И. Изучение вепсской и карельской мифологии в ИЯЛИ: имена, научные исследования и важнейшие результаты // Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур. Петрозаводск, 2016. С. 80–90.
2. К р и н и ч н а я Н. А. К семантике образа девы-лосося в карело-финском эпосе // «Калевала» – памятник мировой культуры: Материалы науч. конф., посвящ. 150-летию первого издания карело-финского эпоса 30–31 января 1985 г. Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 89–93.
3. К р и н и ч н а я Н. А. «Карельские эпические песни»: собрание В. Я. Евсеева – важная веха в истории фольклористики // Кийский вестник. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 107–115.
4. К р и н и ч н а я Н. А. Магия слова в карельских эпических песнях // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 165–172.
5. К р и н и ч н а я Н. А. Мифологема перевоплощения персонажей в карельских эпических песнях: предпосылки, ситуации, образы // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 118–128.
6. К р и н и ч н а я Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (русско-карельские параллели) // Межкультурные взаимодействия в полиглоссии пространстве пограничного региона: Сборник материалов междунар. науч. конф. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2005. С. 155–162.
7. К р и н и ч н а я Н. А. Некоторые итоги изучения фольклорных традиций Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1989. С. 154–159.
8. Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск: Кундозерова М. В., 2020. 232 с.
9. Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтоле в контексте карельской эпической традиции. Петрозаводск: Периодика, 2016. 224 с.

10. Петров А. М. Исследователь, собиратель, популяризатор фольклора: к 80-летию Неонилы Артемовны Криничной // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 4. С. 175–180.
11. Пигин А. В. О Неониле Артемовне Криничной // Словесность и история. 2020. № 2. С. 9–12.
12. Kriničnaja N. Die Weisen unserer Sippe. Ausgewählte Lieder des Runensängergeschlechts Perttunen // Demos. Internationale ethnographische und folkloristische Informationen. Berlin, 1986. № 1. P. 74.

Поступила в редакцию 08.07.2021; принята к публикации 31.08.2021

Original article

Maria V. Kundozerova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5423-8709; maria.vlasova@mail.ru

NEONILA KRINICHNAYA AS A RESEARCHER OF KARELIAN RUNES

A b s t r a c t. The article addresses the contribution of Neonila Krinichnaya, one of the most prominent researchers of Russian folklore and mythology, to the study of Karelian epic runes. The author analyzes reports and articles dealing with the semantics of the image of the Salmon Maiden in the Karelian and Finnish national epic, the mythologeme of characters' reincarnation and the magic of words in Karelian epic runes, the Russian-Karelian parallels, and the Christian transformation of the mythologeme of the creation of the world. The paper focuses on Neonila Krinichnaya's reviews of her Karelian colleagues' papers and on her supervision of dissertations on various aspects of Karelian epic poems. The author emphasizes the importance of Krinichnaya's contribution to the study of some images, themes and motifs of Karelian runes and to ensuring the continuity of studying Karelian runic poetry within the walls of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The article was based on the report presented in June 2020 at the All-Russian Conference "The World of Folklore Images: In Memory of Neonila Artyomovna Krinichnaya" in Petrozavodsk, and is aimed at everyone who is interested in the spiritual culture of the Karelian people. The relevance of the article is due to the increased interest in folk runic poetry in connection with the announcement of the Year of Karelian Runosongs in the Republic of Karelia.

Key words: Krinichnaya, Karelian runes, epic runes, Karelian folklore, history of folklore studies

A c k n o w l e d g e m e n t s. The study was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

F o r c i t a t i o n: Kundozerova, M. V. Neonila Krinichnaya as a researcher of Karelian runes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):114–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.674

REFERENCES

1. Ivanova, L. I. Study of Veps and Karelian mythology at the Institute of Linguistics, Literature and History: names, research and the most important results. *Bubrikh Readings: Karelian school of studying the Balto-Finnic languages and cultures*. Petrozavodsk, 2016. P. 80–90. (In Russ.)
2. Krinichnaya, N. A. The semantics of the image of the Salmon Maiden in Karelian and Finnish epic poems. *Kalevala – a monument to world culture: Proceedings of the international research conference commemorating the 150th anniversary of the first edition of the Karelian and Finnish national epic (January 30–31, 1985)*. Petrozavodsk, 1986. P. 89–93. (In Russ.)
3. Krinichnaya, N. A. Karelian Epic Songs: collection of V. Ya. Evseev – an important milestone in the history of folklore studies. *Kizhi Bulletin*. Petrozavodsk, 2011. P. 107–115. (In Russ.)
4. Krinichnaya, N. A. The magic of word in Karelian epic songs. *Bubrikh Readings: Problems of studying and teaching the Balto-Finnic linguistics*. Petrozavodsk, 2005. P. 165–172. (In Russ.)
5. Krinichnaya, N. A. The mythologem of the reincarnation of characters in Karelian epic songs: background, situations, images. *Kalevala in the context of regional and world cultures: Proceedings of the international research conference commemorating the 160th anniversary of the complete edition of Kalevala*. Petrozavodsk, 2010. P. 118–128. (In Russ.)
6. Krinichnaya, N. A. The mythologem of the creation of the world and its Christian transformation (Russian-Karelian parallels). *Intercultural interactions in the multiethnic space of the border region: Proceedings of the international research conference*. Petrozavodsk, 2005. P. 155–162. (In Russ.)
7. Krinichnaya, N. A. Some results of studying the folklore traditions of Karelia. *Folklore studies in Karelia*. Petrozavodsk, 1989. P. 154–159. (In Russ.)
8. Kundozerova, M. V. The concept of the universe in Karelian runes. Petrozavodsk, 2020. 232 p. (In Russ.)
9. Mironova, V. P. The plot of matchmaking in the mythical country of Hiitola in the context of Karelian epic tradition. Petrozavodsk, 2016. 224 p. (In Russ.)
10. Petrov, A. M. A researcher, collector and popularizer of folklore: commemorating the 80th birthday of Neonila Artyomovna Krinichnaya. *Traditional Culture*. 2018;19(4):175–180. (In Russ.)
11. Pigin, A. V. Neonila Artyomovna Krinichnaya. *Texts and History*. 2020;2:9–12. (In Russ.)
12. Kriničnaja, N. Die Weisen unserer Sippe. Ausgewählte Lieder des Runensängergeschlechts Perttunen. Demos. Internationale ethnographische und folkloristische Informationen. Berlin, 1986. No 1. P. 74.

Received: 8 July, 2021; accepted: 31 August, 2021

АЛЕКСЕЙ КОНККА

старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

alekkonkka@outlook.com

Рец. на кн.: Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск: Кундозерова М. В., 2020. 232 с.

Монография М. В. Кундозеровой «Концепт мироздания в карельских рунах» стала ярким событием в карельской науке. Она посвящена выявлению концептуальной картины мироздания, представленной в цикле карельских эпических и отчасти заговорных рун, в которых изображается творение, структурирование и обустройство Вселенной.

В книге исследуются древнейшие сюжеты эпической поэзии, и в то же время она посвящена животрепещущим научным проблемам, которые вот уже более 200 лет, начиная с финского просветителя Габриэля Портана и его *De poesi fennica* до современных трудов исследователей из разных стран, пытаются разрешить, предлагая иногда самые экзотические гипотезы и подходы. Этот интерес совершенно закономерен, так как речь идет о духовной основе доиндустриальных обществ, корнями уходящих в доисторические времена, – кодексе их представлений о мире и его сотворении. Но подавляющее количество интересантов – исследователей по всему миру – не владеют карельским или финским языками и не в состоянии работать с источниками, довольствуясь переводами «Калевалы» Элиаса Лённрота или частичными переводами циклов рун. У автора данного издания этих проблем не существует. Поэтому в работе стало возможно осуществление текстологического анализа с привлечением всей совокупности вариантов, относящихся к тому или иному сюжету. Выявлены мифологические истоки и полисемантизм рассматриваемых образов и коллизий, которые ранее не были объектом специального изучения.

Материалами исследования послужили тексты 930 карельских рун. Все рассматриваемые варианты рун были выявлены в разных опубликованных источниках, а также в архивных хранилищах: в фонограммах ИЯЛИ КарНЦ РАН, в научном архиве Карельского научного центра РАН, в Фольклорном архиве

Финского литературного общества (г. Хельсинки). Практически все примеры переведены автором, что является свидетельством хорошего владения материалом. Особо следует отметить именно репрезентативность исследования: помимо общеизвестного собрания SKVR¹, автором использованы все возможные тексты опубликованных и неопубликованных собраний карельских эпических рун.

На основе этого богатейшего материала впервые в истории карельской фольклористики была выявлена и изучена в качестве самостоятельного цикла совокупность космогонических сюжетов и космологических представлений, которые сформировались в данной этнокультурной традиции. Помимо орнитоморфной, в карельской эпической поэзии обнаружена и антропоморфная модель сотворения Вселенной. Исследование проведено на основе всего накопленного в течение двух столетий материала с учетом достижений фольклористики, в первую очередь современных.

Монография состоит из трех глав, в которых рассматриваются сюжет о сотворении мира, мотивы формирования морского ландшафта, небес, появления первочеловека, образ большого дуба и иные миры в системе координат мироздания, а также предисловия, введение, списка литературы (183 позиций) и трех приложений (сводная таблица исследованных текстов, карта локальных традиций Карелии, 10 карельских рун, впервые переведенных на русский язык). Как правило, мерилом добротного научного труда является наличие значимого научного аппарата, и в данном случае он действительно обширный. В целом работа представляет собой цельное, четко структурированное исследование, в котором все выводы опираются на эмпирический материал.

Можно много говорить об отдельных сюжетах и мотивах исследуемых автором тем и эпизодов, но приведу лишь один пример, подчеркивающий

важность скрупулезности, привлечения «всей совокупности вариантов рун» для целей исследования, которая отличает рецензируемую работу. В «Калевале» имеется сюжет отправления кузнеца Илмаринена в Похъолу для выковывания сампо, которое за собственное спасение и в обмен на прекрасную деву Похъолы обещано Вяйнямёненом хозяйке Похъолы Лоухи, но сковать его может только Илмаринен. Илмаринен отказывается отправляться в Похъолу, и Вяйнямёнен решает отправить его обманом, напев (створив) ель с золотой вершиной, а на ней куницу с золотой грудкой. На ветки ели Вяйнямёнен тем же способом привешивает луну и солнце, а также Большую Медведицу. Рассказав об этом чуде Илмаринену, он заманивает его на вершину ели, после чего, вызвав вихрь, перебрасывает Илмаринена в Похъолу. В самом большом собрании карельских рун SKVR сюжет с елью и светилами на ней не был зафиксирован, что заставляло исследователей «Калевалы» делать вывод о том, что автором его является сам Лённрот. Тем не менее ель с золотой вершиной была. В большинстве вариантов рун именно Вяйнямёнен створяет ель с золотой вершиной, а на ней куницу с золотой грудкой, которую он и предлагает выловить Илмаринену. Более того, в некоторых вариантах чудесная ель вырастала сама на границе миров. Таким образом, «составляющие» калевальского сюжета в эпосе присутствуют. Кроме светил. Но благодаря материалам М. В. Кундзеровой мы получаем подробное описание того, как мифические герои, в их числе Вяйнямёнен, создавали Вселенную. Именно так, усыпая небесный свод звездами, устанавливая месяц и солнце, подвешивая на место Большую Медведицу², создавался великими магами (демиургами) по мысли чело-

века допромышленных эпох окружающий мир. Осталось соединить эти пазлы. По моему мнению, ель с золотой вершиной является ипостасью мирового дерева³, и сравнительные материалы по сибирским народам (эвенкам и селькупам) подтверждают это – у них существовал шаманский обряд отправления на небо, в верхний мир, для чего устанавливали дерево туру, на котором укрепляли изображения луны и солнца. Таким образом, дерево символизировало мировую ось, ось Вселенной, по которой шаман и поднимался на небо. Залезание шамана на дерево (в данном случае на священную березу), как первый этап его отправления на небо, известен также алтайским народам.

Отдельное спасибо следует сказать автору и за главу о Большом дубе, которая на данный момент является наиболее полным анализом всех имеющихся рун на этот древнейший сюжет строительства Вселенной, известным в той или иной степени многим другим народам.

Материалы монографии и выводы, полученные в результате исследования, могут способствовать дальнейшим теоретическим изысканиям в области мифологических истоков эпоса и других жанров устного народного творчества карелов, а также могут быть востребованы при сравнительном изучении мифологий прибалтийско-финских народов и – шире – финно-угорских народов, равно как и мифологий всех народов мира, при составлении указателей мировых сюжетов, мотивов и пр., так как космологические и космогонические сюжеты карельской эпической поэзии при желании можно экстраполировать на многие ранние культуры. Материалы и выводы работы могут применяться и при разработке курса лекций по фольклору, а также в культурно-просветительской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XV. Helsinki: SKST, 1908–1997.

² Кундзерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск: Кундзерова М. В., 2020. С. 49, 52, 59.

³ Конкка А. Ель с золотой вершиной, или дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 113–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.238

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА ИВАНОВА

кандидат филологических наук, доцент

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

vantamara@sampo.ru

Рец. на кн.: Коды крылатой судьбы. Воспоминания о В. П. Крылове. – Петрозаводск, 2021. – 154 с.

Владимир Петрович Крылов – ученый, педагог, доктор филологических наук, ветеран Великой Отечественной войны. Составитель Н. В. Крылова дала книге прекрасное название – «Коды крылатой судьбы», таким образом сделав акцент на личности героя, его судьбе и обозначив ее жанровую характеристику – «Воспоминания о В. П. Крылове». Непросто из большого числа текстов, написанных разными авторами, создать целостное произведение, но это удалось: образ главного героя предстает живым и неповторимым. Способствуют этой целостности композиция издания, его рубрики: заглавная «Владимир Крылов – о времени и о себе», авторы которой – А. В. Лычагин и Д. А. Кунильский, представители молодого поколения филологов; затем – I – Коллеги: Л. В. Савельева, А. В. Пигин, С. М. Лойтер, В. В. Дудкин, Т. В. Иванова, И. А. Спиридонова; II – Друзья и собеседники: Н. В. Предтеченская, К. В. Зенкова, И. Г. Шабаев, З. Н. Алёшина, И. П. Тюриков; III – Ученики: В. В. Чернышев, Л. И. Кириллова, Н. В. Маркова, Е. А. Сергина; IV – Семья: две дочери Наталья и Надежда, внучка Владислава и племянница Валентина Павловна. Завершают книгу два приложения: «Хроника жизни В. П. Крылова» и «Научное наследие и избранная библиография работ». Особую, живую жизнь книге придают великолепные фотографии очень высокого качества.

Перечитывая воспоминания, открываешь известное в неизвестном. Самой трагической вехой стала в жизни В. П. Крылова Великая Отечественная война, на которую он, учитель сельской школы в с. Каршево Пудожского района, пошел вопреки учительской брони и воевал от начала до конца. Его книгу «Годы далекие и близкие» (2007) никто из авторов воспоминаний не обошел вниманием, очевидно, потому, что она, как заметил А. В. Пигин, «не столько о самих событиях войны <...> сколько о внутреннем состоянии человека на войне и в послевоенные годы». Из воспоминаний мы узнаем, какие незаурядные грани природы могли реализоваться, «если бы не было войны»: могли услышать прекрасного музыканта, трогающего душу (именно об этом фрагмен-

ты «Первая труба» и «Сельский струнный оркестр» в очерке В. Станишич); увидеть картины, когда вглядываешься в его рисунки на хрупких, пожелтевших от времени листочках фронтового блокнота. Это и «Фронтовая гармошка», и хватающий за душу «Одинокий тополь под Псковом». Сложные взаимоотношения личности и времени в размышлениях о В. П. Крылове обретают точные характеристики. В. В. Чернышев, в профессиональном становлении которого В. П. Крылов был настоящим учителем, заметил: «Оставаясь самим собой, Владимир Петрович шел в ногу со временем». Л. В. Савельева убеждена, что именно высокие нравственные качества позволили В. П. Крылову в годы «недвусмысленных социальных катаклизмов в нашей стране» «ниспровергнуть всем и вся <противопоставить> исторически мудрый подход, взвешенное и объективное отношение к советскому периоду нашей истории». По признанию А. В. Пигина, именно В. П. Крылов «дал ему путевку в жизнь», а в дальнейшем он убедился и в верности и точности главного качества руководителя, сформулированного Крыловым: «разрабатывать стратегические задачи и сохранять коллектив как единое целое». Учителем в профессиональном смысле был В. П. Крылов для В. В. Чернышева, Н. В. Марковой, Е. А. Сергиной, он определил профессиональную судьбу И. П. Тюрикова, Л. И. Кирилловой.

Все авторы воспоминаний пишут о главном научном пристрастии В. П. Крылова – многолетнем глубоком научном интересе к личности и творчеству Л. Леонова, реализованном в его известных работах. К счастью, к 90-летию В. П. Крылова удалось издать последнюю написанную им монографию – «Ранний Леонид Леонов в творческой лаборатории 1917–1923 гг.» (Петрозаводск, 2013).

Живая память, «наивная рисованная открытка с надписью на обороте “Дорога в Каршево. 1940 г.”», о которой написала Н. В. Крылова, воплотилась в реальность: Каршевской сельской школе Пудожского района присвоено имя В. П. Крылова, о чем свидетельствует памятная доска.

Поступила в редакцию 28.07.2021; принята к публикации 31.08.2021

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЧИКИНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммарамхивом) Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российской Федерации)

ORCID 0000-0001-5419-3758; tchikina@krc.karelia.ru

Рец. на кн.: Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1. Памятные места и литературная география. – Константиново: ГАУК «Гос. музей-заповедник С. А. Есенина», 2020. – 412 с.

На протяжении многих лет Институтом мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва) проводятся исследования творчества великого русского поэта С. А. Есенина, ведется подготовка коллективного академического труда – Большой Есенинской энциклопедии. Поскольку работа над такого рода изданиями предстает как длительный и трудоемкий процесс, публикация материалов энциклопедии запланирована отдельными выпусками. В 2020 году к 125-летию со дня рождения С. А. Есенина при поддержке Правительства Рязанской области вышел первый выпуск Есенинской энциклопедии под названием «Памятные места и литературная география». В создании данного научного труда, состоящего из 357 статей, приняли участие сотрудники Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (к. ф. н. А. А. Николаева, д. ф. н. Т. К. Савченко, д. ф. н. Е. А. Самоделова, к. ф. н. С. А. Серегина, к. ф. н. М. В. Скороходов, к. ф. н. С. И. Субботин, д. ф. н. Н. И. Шубникова-Гусева), к. ф. н., научный сотрудник Государственного музея-заповедника С. А. Есенина Н. Н. Бабицына и ответственный секретарь Международного Есенинского общества «Радуница» Н. М. Солобай. Исследователи в своей работе опирались на материалы «Полного собрания сочинений С. А. Есенина» в семи томах (9 книг) (1995–2001) и «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина» в пяти томах (7 книг) (2003–2018), на широкое использование литературы по теме и новых архивных документов, обнаруженных в Государственном архиве РФ (Москва), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) и др. Каждая энциклопедическая статья заканчивается списком литературы по теме.

Актуальность издания состоит в том, что в нем впервые «отражены сведения не только о реаль-

ных географических пунктах, но и о свойственных поэтическому миру Есенина топонимах, раскрывающих его сложные и глубокие религиозно-философские искания, в том числе вымышленных поэтом, например, таких как Иония и Страна Негодяев» (с. 7).

В энциклопедии дана характеристика 442 топонимам, связанным с биографией и творчеством С. А. Есенина, памятным местам, расположенным как в России, так и за рубежом. Статьи расположены в алфавитном порядке и условно делятся на три группы: биографические, собственно литературные и комплексные. Первую группу составляют статьи о географических пунктах, связанных с биографией поэта: города и другие населенные пункты, реки, озера, моря и т. п., которые посетил С. А. Есенин или побывал в них проездом. Указана дата пребывания в этом месте, описаны жизненные и творческие события, произошедшие там, например *Бахмач, Вологда, Гатчина, Евпатория, Жмеринка* и др. Не осталось без внимания исследователей село Константиново – малая родина поэта, прославившего это место, ему в энциклопедии посвящена отдельная статья.

Литературные топонимы, связанные с идейно-художественным содержанием и поэтикой произведений С. А. Есенина, составляют вторую группу статей энциклопедии. Собственно литературные статьи раскрывают смысл и функции топонима в произведениях, его источники, семантику, восприятие современниками и исследователями, а также литературные параллели и контекст. Например, условный топоним *Есенинская Русь* образован из значимых для С. А. Есенина топонимов *Россия* и *Русь*, «подчеркивающих историческую славу и многовековые традиции родины, а также Русь уходящая, Русь бесприютная и Русь советская» (с. 8). В состав *Есенинской Руси* вошли места, где побывал поэт, дороги, по которым он часто ездил или ходил пешком. Она имеет

целый ряд достопримечательностей, например Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, Иоанно-Богословский мужской монастырь, усадьба Никитинских и другие, расположенные на территории Рыбновского и Рязанского районов, г. Рязани и Рязанской области. Особое место занимают так называемые библейские топонимы, раскрывающие сложные религиозно-философские искания С. А. Есенина, такие как *Голгофа, Елеон, Новый Назарет, Содом* и др.

Самую большую, третью группу представляют статьи о реальных географических топонимах, которые так или иначе отразились как в биографии, так и в произведениях поэта, например *Азербайджан, Босфор, Дунай* и др. С Карелией Есенина практически ничего не связывало. Есть лишь три топонима, относящихся непосредственно к ней (г. Кемь, с. Кереть, р. Шуя), а также четыре топонима, косвенно соотносящихся с нашим и соседними регионами (*Белое море, Кандалакша, Ладога, Соловки*). Есенин посетил эти места в первой половине августа 1917 года, путешествуя на Соловки и по Северу России с А. А. Ганиным и З. Н. Райх.

Коллективом авторов проделана большая кропотливая работа по выявлению и систематизации топонимов, как реальных, так и вымышленных, в произведениях Есенина. Энциклопедия оснащена научно-справочным аппаратом в виде

целого ряда списков и указателей, облегчающих поиск необходимого материала: список сокращений в тексте, список условных сокращений источников, список топонимов, указатель произведений, указатель имен.

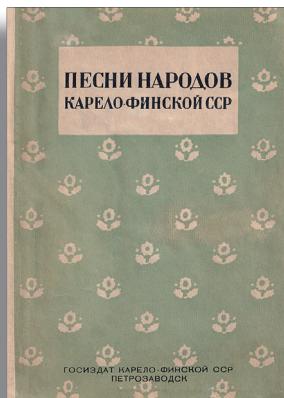
Издание хорошо иллюстрировано. Использованы фотографии из фондов Государственно-го музея-заповедника С. А. Есенина и иллюстрации, предоставленные авторским коллективом проекта «Всемирная карта есенинских мест». В частности, в энциклопедию включены рисунки самого С. А. Есенина, репродукции картин В. В. Верещагина, Б. М. Кустодиева, И. И. Левитана, К. Моне и др. Хронотоп фотографий С. А. Есенина и его окружения, памятников, мест, где бывал поэт, охватывает период с конца XIX века по 2020 год включительно.

Практическое применение энциклопедии очень широкое. Исследователи, педагоги, студенты и школьники найдут в ней необходимые сведения о дате создания произведений С. А. Есенина, их замысле и толковании, художественных особенностях языка и стиля. Читатель может проследить по карте маршруты поездок С. А. Есенина по стране и за рубежом, узнать о памятниках, воздвигнутых поэту, литературных музеях, открытых в его честь, и т. п. Это может представлять интерес для развития туристических направлений регионов и стран.

Поступила в редакцию 31.05.2021; принята к публикации 31.08.2021

CONTENTS

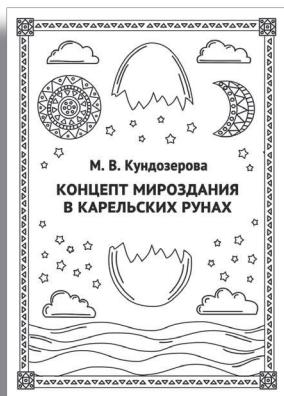
Editorial note	7	LITERARY STUDIES
LINGUISTICS		
<i>Mullonen I. I.</i>		<i>Chernyak M. A., Tsvetkova E. G.</i>
TOPONYMIC MARKERS OF THE SETTLEMENT NETWORK EVOLUTION IN VEPS PRIONEZYHE	8	GRAPHIC GUIDE AS A NEW WAY OF HAVING A DIALOGUE WITH A CLASSICAL TEXT
<i>Gantsovskaya N. S., Qin Lidong</i>		<i>Tubylevich R. E.</i>
STUDY OF HYPOTAXIS IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF THE IDEAS OF THE FORTUNATOV'S SCHOOL REPRESENTATIVES (ILLUSTRATED BY ALEXANDER OSTROVSKY'S TEXTS)	19	INTERPRETATION OF THE JOACHIM CHRONICLE IN MIKHAIL KARATEEV'S NOVEL <i>THE CHARTER OF GREAT KHAN</i>
<i>Guseva E. R., Kyurshunova I. A.</i>		<i>Koshevskaya A. Yu.</i>
PHILOLOGICAL RESEARCH WITHIN THE PROJECT "KARELIAN POMORIE: LEXIS AND ONOMASTICS (XVI–XXI CENTURIES)"	26	STYLISTIC FEATURES OF CRETIC-TROCHAIC AND DITROCHAIC CLAUSULAE IN CICERO'S SPEECHES AGAINST CATILINE
<i>Novak I. P.</i>		THE YEAR OF KARELIAN RUNOSONGS
LANGUAGE OF THE TVER KARELIANS: FOUR CENTURIES OF HISTORY	38	<i>Ivanova L. I.</i>
<i>Shkuran O. V.</i>		THE WHITE SEA KARELIA THROUGH THE BIOGRAPHIES OF THE NINETEENTH-CENTURY KARELIAN TALE-TELLERS
SACRALIZATION OF THE LINGUISTIC UNIT <i>IDOL</i> ILLUSTRATED BY MEDIA TEXTS	48	<i>Mironova V. P.</i>
<i>Shubina N. S.</i>		PUBLICATION HISTORY OF KARELIAN RUNOSONGS
SPECIFICS OF USING THE PRONOUN <i>SVOY</i> IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	55	<i>Kundozerova M. V.</i>
<i>Urmanceeva I. S.</i>		NEONILA KRINICHNAYA AS A RESEARCHER OF KARELIAN RUNES
PARADIGMATIC RELATIONS BETWEEN COMPONENTS IN CONSTRUCTIONS WITH PSEUDO-EXHAUSTION (THROUGH THE EXAMPLE OF PECHORA PHRASEOLOGY)	62	Reviews
<i>Kosheleva M. V.</i>		<i>Konkka A.</i>
INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE SEMANTICS OF DIRECTION IN THE VEPS LANGUAGE	71	The book review: Kundozerova M. V. The concept of the universe in Karelian runes
<i>Chikina N. V.</i>		<i>Ivanova T. V.</i>
The book review: Encyclopedia of Sergey Esenin. 1895–1925. Vol. 1. Sites of memory and literary geography	122	The book review: Codes of the winged fate. Memories of Vladimir Krylov



ПЕСНИ НАРОДОВ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

В Республике Карелия 2021 год объявлен Годом карельских рун. Целая плеяда научных специализировалась на изучении карельского рунического фольклора, интерес к нему не ослабевает и сегодня. В одном из первых сборников, вышедшем в 1941 году и содержащем в том числе и руны, представлены карельские, русские и вепсские песни. Карельские и вепсские тексты даны также и в оригинале.

Песни народов Карело-Финской ССР : сборник карельских, вепсских и русских песен / Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР ; составили В. П. Гудков и Н. Н. Леви. – Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1941. – 98 с.



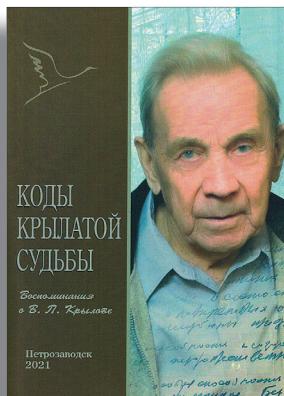
М. В. Кундозерова КОНЦЕПТ МИРОЗДАНИЯ В КАРЕЛЬСКИХ РУНАХ

Монография посвящена выявлению концептуальной картины мироздания, представленной в цикле карельских эпических и отчасти эпико-заклинательных рун, в которых изображается сотворение, структурирование и обустройство Вселенной. Впервые изучена совокупность космогонических сюжетов и представлений, которые сформировались в данной этнокультурной традиции.

Исследование проведено на основе накопленного в течение двух столетий материала с учетом современных достижений фольклористики. Выявлены мифологические истоки и полисемантизм рассматриваемых образов и коллизий, которые ранее не были объектом специального изучения.

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск : Кундозерова М. В., 2020. 232 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

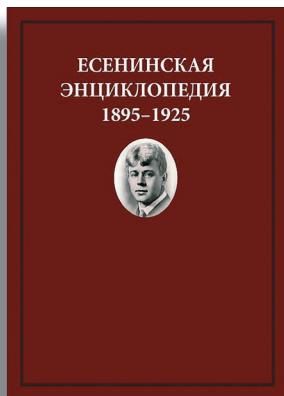


КОДЫ КРЫЛАТОЙ СУДЬБЫ: Воспоминания о В. П. Крылове

Книга воспоминаний о В. П. Крылове (1922–2019), известном карельском и российском литературоведе, литературном и театральном критике, видном работнике отечественного образования, исследователе традиций русского философского романа, в частности творчества Леонида Леонова.

Коды крылатой судьбы. Воспоминания о В. П. Крылове. – Петрозаводск, 2021. – 154 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»



ЕСЕНИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. 1895–1925

Первый выпуск Есенинской энциклопедии «Памятные места и литературная география» посвящен есенинским памятным местам и литературным топонимам поэта и приурочен к 125-летию со дня его рождения. Содержание труда непосредственно связано с биографией и творчеством С. А. Есенина, с памятью о нем в России и мире. Всего в том входит 357 статей, в которых дана характеристика 442 топонимов.

Имеются указатели произведений и имен, встречающихся в тексте, а также списки принятых условных сокращений слов и источников.

Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1. Памятные места и литературная география / Науч. отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева; ред. М. В. Скороходов, С. И. Субботин. – Константиново: ГАУК «Гос. музей-заповедник С. А. Есенина», 2020. – 412 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»